

А. С. АЛЕКСАНДРОВ

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

2372

324 (Гор.)

A-19

Автисян А.

Горманский

империализма

близким востоку

~~4-8/10~~

2/200

392и (Герм)
4-13
А. С. Аветян

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Колониальная политика германского империализма
и миссия Ливана фон Сандерса

Под редакцией
доктора исторических наук проф. А. Д. НАРОЧНИЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
МОСКВА 1986

✓

Канун первой мировой войны, Германский империализм лихорадочно готовится к схватке за передел мира. Одним из главных театров будущих военных действий против Англии и России является Ближний Восток. Туда в конце 1913 года направляется германская военная миссия Лимана фон Сандерса, наделенная обширными правами и полномочиями. Ей удастся захватить ключевые позиции в турецком военном аппарате.

В работе исследуются деятельность миссии на территории Османской империи, борьба великих держав за господствующие позиции на Ближнем Востоке и другие аспекты ближневосточной политики империалистической Германии накануне первой мировой войны.

Андрей Сергеевич Аветян

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Редактор М. Я. Михайлов. Оформление художника Н. Ф. Федорова. Художественный редактор Г. Ф. Сивачев. Технический редактор М. Г. Макаев. Корректор Э. К. Геллерга

Литер. Справ. и набор 2/11-1928 г. Подл. в печать 1/VI-1928 г.
Формат 84 X 106 $\frac{1}{2}$ мм. Физ. печ. л. 4,75. Усл. печ. л. 7,06.
Уч.-изд. л. 4,34. Тираж 400 экз. Зак. 228. Цена 42 коп.
Вум. тип. № 7.

Издательство «Международные отношения», Москва, И-48,
4-я Мещинская, 7.

Моск. тип. № 24 Главлитиздательство

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху крушения колониальной системы империализма большой политический и научный интерес представляет изучение внешней политики крупнейших империалистических держав, форм и методов колониального закабаления народов.

Неотъемлемую часть этой проблемы составляет колониальная политика германского империализма на Ближнем Востоке.

Необходимость разоблачения германского колониализма диктуется тем, что в последние годы империализм ФРГ усиливает экспансию в развивающиеся страны по экономической, политической, идеологической и военной линиям. Западнгерманский монополистический капитал превращается в ударный отряд современного неоколониализма. Боннский военный министр фон Хассель, являющийся одним из активных проводников колониальной политики германского империализма, призывает приложить максимум усилий, чтобы превратить народы Азии, Африки и Латинской Америки в послушных партнеров «свободного мира»¹.

Используя то обстоятельство, что после первой мировой войны Германия не имела колоний, современные боннские политики подняли на щит миф об «антиколониализме ФРГ», под прикрытием которого западнгерманский империализм проникает в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки.

В связи с этим в ФРГ проводится шумная кампания,

¹ См. "Politische Welt", 1963, III, 53, 55, 15—19.

идеализирующая колониальную политику германского империализма в прошлом. Заместитель председателя «комитета по оказанию помощи развивающимся странам» западногерманского бундестага Герхард Фриц считает, что якобы только благодаря заслуге колониальных держав большинство развивающихся стран смогло достигнуть нынешнего уровня развития². Профессор Нюрнбергского университета Карл Мюллер утверждает, будто колониальная эра дала «цветным» народам «образец цивилизации белого человека»³. О «доброй памяти», которую оставили германские колонизаторы в Африке, говорит другой западногерманский профессор, Карл-Гейнц Пфеффер⁴.

Западногерманские империалисты уделяют большое внимание Турции, занимающей одно из первых мест в системе экономического, политического и военного проникновения ФРГ в развивающиеся страны. Для того чтобы обосновать «глубокие исторические корни, нерывающиеся традиции германо-турецкой дружбы», на Рейне подняты архивы. Эти тенденции нашли отражение в трудах видных западногерманских буржуазных историков. Ганс Хершфельд считал, что Багдадская железная дорога якобы служила не только германским интересам, но и стабилизации внутреннего положения Турции⁵. Антон Риталер также отмечал, что Багдадская железная дорога являлась мероприятием «созидательной политики» Германии на Ближнем Востоке⁶. Автор многотомной «Дипломатической предистории Второй империи» Фридрих Хазельмайр полностью защищал и оправдывал все мероприятия и действия немецкого империализма на Ближнем Востоке в начале XX века⁷. С этих же позиций написаны работы западногерманских буржуазных историков В. Хубача, В. Моизена, Г. Риттера и др.

² См. Gerhard Fritz, *Entwicklungspolitik als Aufgabe*, Bonn, 1962, S. 26.

³ См. "Entwicklungsländer und Entwicklungspolitik", B., 1963, S. 240.

⁴ См. "Entwicklungstheorie und Entwicklungsländer", Tübingen, 1964, S. 58.

⁵ См. H. Herzfeld, *Die Moderne Welt, 1789—1945*, Bd. 2, Braunschweig, 1962, S. 27.

⁶ См. A. Rittaler, *Kaiser Wilhelm. Herrscher in einer Zeitwende*, Köln, 1958, S. 34.

⁷ См. Fr. Haselmayr, *Der Weg in die Katastrophe, 1909—1914*, T. 1, München, 1963.

Совершенно другой характер носит двухтомное исследование Георга Хальгартена⁸. Основное внимание он уделяет политике германских монополий на Ближнем Востоке, вскрывает связи германских промышленников, банкиров с официальными лицами, дипломатами кайзеровской Германии. Однако у Хальгартена экономический аспект превалирует над политическим и военным. Он считает, что миссия Лимана фон Сандерса была послана в Турцию исключительно для обеспечения германской промышленности военными заказами.

Исследования прогрессивного западногерманского историка Фрица Фишера привлекли большое внимание в ФРГ. В 1959—1960 годах в мюнхенском журнале «Historische Zeitschrift» (Bd. 188, Hf. 2, SS. 249—310; Bd. 191, Hf. 1, SS. 83—100) были опубликованы две его работы о целях германского империализма в первой мировой войне, а в 1961 году на эту тему он уже выпустил книгу⁹. Используя большой архивный материал, Фишер убедительно доказал, что правящие круги кайзеровской Германии вынашивали свои захватнические планы задолго до начала войны.

В 1964 году на страницах упомянутого журнала Фишер дал достойную отповедь всем «критикам» его взглядов и в том же номере опубликовал свое новое исследование, в котором подробно осветил политику Германии на Балканах и Ближнем Востоке до первой мировой войны¹⁰.

В целом современная западногерманская историография являлась преемницей традиций довоенной германской буржуазной историографии. Упомянутый выше Г. Херифельд в начале 30-х годов опубликовал работу о миссии Лимана фон Сандерса¹¹. В ней политика Германии на Ближнем Востоке представлялась как сугубо оборонительная, направленная на защиту своих эконо-

⁸ См. G. Halgarten, Imperialismus vor 1914, Bd. 1—2, München, 1961. В 1963 году в Мюнхене вышло второе издание этого труда, дополненное и переработанное автором.

⁹ См. Fr. Fischer, Griff nach der Weltmacht, Die Kriegsziele des kaiserlichen Deutschland 1914/1918, Düsseldorf, 1961.

¹⁰ См. "Historische Zeitschrift", 1964, Bd. 199, Hf. 2, SS. 265—346.

¹¹ См. H. Herzfeld, Die Limankrise und die Politik der Grossmächte in der Jahreswende 1913—1914, "Berliner Monatshefte", 1933, Nr. 9, 10.

мических интересов, которые в случае раздела Турции между Россией, Англией и Францией могли быть обречены на гибель. В германской политике в отношении Турции он усматривал «заботу» о сохранении целостности Османской империи.

С Хершфельдом по ряду вопросов солидаризировался один из членов германской военной миссии Карл Мюльман. В своих трудах он также брал под защиту ближневосточную политику германского империализма накануне и в период первой мировой войны¹².

Главным источником для написания всех этих работ послужила известная многотомная публикация германских документов «Ди гроссе политик», в которой даны основные концепции внешней политики кайзеровской Германии¹³. Издатели «Ди гроссе политик» старались затушевать агрессивный характер политики Германии на Ближнем Востоке. Соответственно этому были подобраны документы и подстрочные примечания. В документах делалась попытка изобразить миссию как чисто военно-техническое мероприятие.

Из немецкой мемуарной литературы, освещающей данную проблему, определенным интерес представляют книги самого Лимана фон Сандерса, члена германской военной миссии полковника Кресса фон Крессенштейна, канцлера Бетман-Гольвега.

Лиман фон Сандерс написал книгу о своем пятилетнем пребывании в Турции¹⁴. В ней он пытался внушить мысль об отсутствии каких-либо политических целей в задачах миссии и доказать, что она работала вне всякого контакта с германским посольством в Константинополе.

Книга Кресса фон Крессенштейна¹⁵ дает интересный

¹² См. C. Mühlmann, Deutschland und die Türkei 1913—1914, B., 1929; C. Mühlmann, Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg, B., 1940; C. Mühlmann, Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914—1918, B., 1942.

¹³ См. "Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914" (далее: "Die grosse Politik..."), Bd. 36—38, B., 1925—1927.

¹⁴ См. Liman von Sanders, Fünf Jahre Türkei, B., 1920.

¹⁵ См. Kress von Kressenstein, Mit den Türken zum Sueskanal, B., 1938.

материал о работе турецкого генерального штаба и о подготовке операций против Египта.

Канцлер Бетман-Гольвег в своих мемуарах старался оправдать германскую политику на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. Вместе с тем он преувеличивал агрессивность России на Ближнем Востоке, которая, по его мнению, являлась главным источником трений и конфликтов между великими державами¹⁶.

В послевоенное время впервые в истории Германия появлялись работы немецких авторов, в которых с позиций марксизма-ленинизма освещаются внутреннее развитие и внешняя политика кайзеровской Германии. Примером могут служить книги историков Германской Демократической Республики А. Шрейнера, В. Бартеля, Л. Ратмана¹⁷. Работы последнего являются специальными исследованиями политики германского империализма на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX века. Используя материалы из архивов ГДР, Л. Ратман сумел показать процесс ограбления Турции немецкими монополиями. В его трудах подробно рассматривается деятельность германских военных миссий в Турции, дается характеристика колониальным планам пангерманистов в Турции. Автор связывал вопросы германской политики на Ближнем Востоке с отношениями между великими державами на международной арене. Ему удалось развеять повторяемый современной западногерманской пропагандой тезис о том, что германо-турецкое единство является «исторической необходимостью».

Представители военных кругов союзной с Германией Австро-Венгрии в целом поддерживали политику Германии на Ближнем Востоке накануне и в годы первой мировой войны. Например, мемуары начальника гене-

¹⁶ См. Th. Bethmann-Hollweg, Betrachtungen zum Weltkrieg, T. I, B., 1919.

¹⁷ См. A. Schreiner, Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik 1871—1945, Bd. I, B., 1955; L. Rathmann, Berlin — Bagdad. Die imperialistische Nahostpolitik des kaiserlichen Deutschlands, B., 1962; L. Rathmann, Störgerichtung Nahost 1914—1918, Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg, B., 1963.

рального штаба Австро-Венгрии Конрада фон Гётцендорфа и военного атташе в Турции полковника Помянковского очень похожи по своему идейному содержанию¹⁸. В своих мемуарах они оба оправдывали необходимость послать в Турцию германской военной миссии и поддерживали версию, что миссию приглашали сами турки.

Помянковский, как и многие немецкие авторы, считал, что единственным спасением для Турции являлось присоединение к австро-германскому блоку, ибо Германия якобы стремилась обеспечить неприкосновенность турецкой территории, в то время как страны Тройственного соглашения хотели осуществить ее раздел.

В турецкой исторической литературе слабо освещена деятельность миссии Лимана фон Сандерса и ее роль в ближневосточной политике Германии и ее роль в втягивании Турции в первую мировую войну. В четырехтомной «Истории» («Тарих»), отражающей официальную точку зрения турецких правительственных кругов, лишь отмечается, что германская военная миссия не успела осуществить широкую программу по реорганизации турецкой армии и только военно-учебные заведения были укреплены германскими инструкторами¹⁹. Однако совершенно обходится вопрос о намерениях и планах самой Турции в предстоящей войне. По существу авторы «Тариха» пытаются переложить ответственность за вступление Турции в войну на Германию.

В работе видного турецкого историка Баяра проводится та же идея: Германия, навязав Турции союз, втянула ее в войну. Правда, Баяр при этом отмечал и близорукость младотурецких деятелей²⁰. Цели же самой Турции в войне автором не принимаются во внимание.

С иных позиций написана работа другого турецкого исследователя, Ахмета Белеви Курана, «История нашей

¹⁸ См. Konrad von Hölzendorf, Aus meiner Dienstzeit, Bd. 3, Wien — Leipzig, 1922; J. Pomiankowski, Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches, Zürich — Leipzig — Wien, 1928.

¹⁹ См. «Тарих», Т. III, İstanbul, 1933.

²⁰ См. Jusuf Hikmet Bayr, Türkiye devletinin dış Siyaseti, İstanbul, 1938.

революции и „младотурки“»²¹. В работе подчеркивается роль миссии Ливана фон Сандерса в вовлечении Турции в войну и в заключении германо-турецкого союза. Он пишет, что Турция вступила в войну не по требованию других держав, а по собственному желанию.

Один из членов младотурецкого триумvirата — Джемаль-паша в своих записках, которые пропитаны националистическим духом, выдает узко классовые интересы младотурок за политику нации. Джемаль-паша считал необходимым прибытие германской военной миссии в Турцию и в этом видел одну из заслуг политики младотурецкого руководства²².

Будучи убежденным сторонником Германии, другой член младотурецкого триумvirата — Талаат в своих мемуарах писал, что только с ее помощью Турция могла бы обеспечить свое существование и процветание, обосновывая таким путем необходимость союза с Германией. Фальсифицируя события, он изображает дело так, будто договор о союзе с Германией был подписан до начала войны между Германией и Россией. Тем самым Талаат проводил мысль, что Турция, идя на союз с Германией, не имела в виду военные действия и непосредственное вступление в войну²³.

Документы британского министерства иностранных дел оправдывают внешнеполитический курс английского правительства в начале XX века²⁴. По ним можно судить в основных чертах о политике английской дипломатии в конфликте между великими державами по поводу германской военной миссии. Министр иностранных дел Англии Эдуард Грей и посол в Петербурге Джордж Бьюкенен были склонны преуменьшить значение миссии. Они подчеркивали «миротворческую» роль Англии в разыгравшемся конфликте²⁵.

²¹ См. Ahmet Bedevi Karan, *İnkılâp tarihini ve, "Hür Tâkîr"*, İstanbul, 1945.

²² См. Джемаль-паша, *Записки 1913—1919 гг.*, Тафаз, 1933.

²³ См. *"Talat paşanın hatıraları"*, İstanbul, 1946.

²⁴ См. "British documents on the origins of the war, 1898—1914", vol. X, part I—II, L., 1936—1938 (date: "British documents...").

²⁵ См. Grey of Palladon E., *Twenty-five years, 1892—1916*, vol. I, L., 1933; G. Buchanan, *My mission to Russia and other diplomatic memories*, vol. I, L., 1923.

Публикация французских документов содержит очень интересный материал о происхождении миссии Лимана фон Сандерса, о борьбе германского и французского капитала за военные поставки в Турцию и т. д.²⁶ В этих документах разоблачается германская легенда о согласии английского короля Георга V на новую немецкую военную миссию.

Миссия Лимана фон Сандерса посвящена работа американского профессора Роберта Кернера²⁷. Автор связывает деятельность миссии с заключением германо-турецкого союза и указывает, что эта деятельность способствовала значительному усилению влияния Германии в Турции.

Двухтомная работа американца Сиднея Фей²⁸ собрала в себя все апологетические черты германской историографии. Фей пытался доказать «исключительно умеренную и компромиссную позицию Германии» на протяжении всего политического кризиса.

. . .

В начале XX века Ближний Восток являлся одним из объектов германской экспансии и занимал видное место в захватнических планах Германии. В этом районе сталкивались интересы всех крупнейших капиталистических стран.

Германский империализм в силу особенностей своего экономического и политического развития вступил на мировую арену, когда мир в основном был уже поделен. Немецкому империализму пришлось столкнуться с группой старых империалистических хищников во главе с британским империализмом, которые успели прибрать к рукам огромное количество колоний.

²⁶ См. "Documents diplomatiques français 1871—1914", 3 série 1911—1914, vol. 8, 9, 10, P., 1935—1936.

²⁷ См. R. Kerner, The mission of Liman von Sanders, "Slavonic review", 1927, No 16, 17; 1928, No 18, 19.

²⁸ С. Фей, Происхождение мировой войны, тт. I—II, М., 1934.

Англо-германский антагонизм стоял на первом плане в противоречиях между крупными державами накануне первой мировой войны. Вот почему В. И. Ленин указывал на необходимость изучения политики Англии и Германии за целый ряд десятилетий до первой мировой войны²⁸.

В данной работе рассматриваются основные вопросы германской политики на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (гл. I), освещается деятельность германской военной миссии Лимана фон Сандерса в Турции. С этой миссией связан комплекс дипломатических, военно-стратегических и экономических вопросов. Цель работы состоит в исследовании роли миссии Лимана фон Сандерса в планах подготовки германским империализмом первой мировой войны на Ближнем Востоке, ее деятельности по установлению военно-политического контроля Германии в Турции.

²⁸ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 82.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Место Турции в ближневосточной политике германского империализма

Идея германского проникновения на Ближний Восток неоднократно фигурировала в работах и высказываниях немецких политических деятелей и экономистов еще в первой половине прошлого столетия. В середине XIX века за колонизацию Малой Азии высказались прусский генерал Мольтке, являвшийся инструктором турецкой армии в 1835—1839 годах, экономисты Лист, Рошер, Родбертус. В дальнейшем эта идея стала детально развиваться в трудах германских востоковедов — Шпрегера, Каргера, Гуго Гроте, Рорбаха и др. Созданный в 1890 году Пангерманский союз развернул пропаганду широкой экспансии Германии на Востоке¹.

Германских империалистов привлекала заманчивая перспектива захвата богатых, плодородных турецких владений в Малой Азии. В 1872 году немецкий инженер Прессель разработал проект железнодорожного строительства в Турции, который предусматривал постройку магистрали от Босфора до Персидского залива и ряда ответвлений.

С 1883 по 1895 год в Турции находилась германская военная миссия, возглавляемая фон дер Гольцем. Помимо реорганизационной работы в турецкой армии эта миссия способствовала получению крупных военных заказов германскими фирмами.

¹ См. Г. Л. Бондаревский, Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903), Ташкент, 1965, стр. 39—44.

Две поездки императора Вильгельма II в Османскую империю в 1889—1898 годах еще более укрепили позиции германского империализма на Ближнем Востоке и способствовали дальнейшему экономическому и политическому проникновению германского капитала в этот район.

На рубеже XIX—XX века ввиду неравномерности экономического и политического развития отдельных капиталистических стран усилились противоречия в лагере империализма. Остро ставился вопрос о переделе мира. В системе этих противоречий В. И. Ленин выдвигал на первый план англо-германские и русско-германские, сыгравшие главную роль в возникновении первой мировой войны¹. Они нашли свое отражение и в политике великих держав на Ближнем Востоке.

В декабре 1899 года между турецким правительством и Обществом анатолийских железных дорог «Сименс» была заключена предварительная концессия на постройку дороги Конья—Багдад—Басра в восьмилетний срок. Финансирование строительства дороги передавалось «Дейче банк». Однако вокруг этой концессии развернулась борьба, и только 5 марта 1903 г. было подписано окончательное соглашение о предоставлении концессии немецким капиталистам.

В англо-германских противоречиях на Ближнем Востоке проблема Багдадской железной дороги занимала главное место.

Багдадская железная дорога вместе с восточными железными дорогами (на Балканах) открывала Германии прямой путь через Австро-Венгрию, Балканский полуостров и Малую Азию к Персидскому заливу. Она сулила много выгодных сделок германским монополистам и банкирам, которые получали огромные прибыли на поставках материалов и оборудования для строительства и эксплуатации дороги.

При помощи Багдадской дороги Германия имела возможность эксплуатировать богатые и плодородные турецкие провинции. Вместе с тем она могла нанести удар по уязвимым местам стратегических коммуникаций британского империализма.

Таким образом, в эпоху империализма железнодо-

¹ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 185.

рожное строительство превратилось в орудие борьбы за передел мира.

По соглашению с турецким правительством от 2 июня 1908 г. Германия добилась гарантии строительства четырех новых участков Багдадской дороги. Но в марте 1911 года Германия вынуждена была отказаться от права на строительство участка Багдад — Персидский залив, который входил в сферу исключительных интересов британского империализма.

Накануне войны по сумме капиталовложений в железнодорожное строительство Турецкой империи Германия занимала первое место (67,5%), оставив далеко позади себя другие империалистические страны. В целом перед вступлением Турции в мировую войну железнодорожная сеть, принадлежащая германскому капиталу, составила 1857 км (825 км — Багдадская железная дорога, 1032 км — Анатолийская железная дорога) ².

В начале XX века «Дейче банк» взял в свои руки руководство размещением турецких займов в Германии. В 1910 году в Константинополе открылся его филиал. Германский капитал принял участие в 10 международных займах, предоставленных Турции в 1903—1911 годах. Другим представителем германских интересов был созданный в 1906 году «Дейче ориент банк». Номинальный капитал этого банка к 1911 году удвоился, а число филиалов достигло 20 (в 1914 г.). Германские инвестиции в Турцию в начале XX века значительно возросли и ко времени вступления Турции в мировую войну достигли 1 млрд. марок ³. Удельный вес германского капитала в банковских предприятиях, действовавших в Турции, составил 22,1% всех инвестиций в банковские предприятия ⁴.

Накануне войны немецкий капитал в лице Гуго Стиннеса предпринял попытку завладеть частью угольных копий Гераклеийского бассейна. По соглашению с Фран-

² См. H. Grothe, Deutschland, die Türkei und der Islam, Leipzig, 1914, S. 14; P. Mohr, Der Kampf um deutsche Kulturarbeit in nahen Orient, B., 1915, SS. 13, 24.

³ См. K. Wiedenfeld, Die deutsch-türkische Wirtschaftsbeziehungen und ihre Entwicklungsmöglichkeiten, München — Leipzig, 1915, S. 30.

⁴ См. А. Д. Новичев, Обзор экономики Турции до мировой войны, Л.—М., 1937, стр. 127.

цией германские фирмы получили 55-процентную долю в разработке медных рудников Арганы.

Немецкий капитал проник и в сельское хозяйство Турции. Германия старалась создать хлопковую базу для своего внутреннего потребления. Под эгидой «Дейче банк» в 1905 году в Дрездене было образовано Немецко-Левантийское хлопковое общество, капитал которого вырос к 1913 году до 700 тыс. марок. В том же году было закончено сооружение ирригационной сети в районе Конии (58 тыс. га). Расходы на строительство этой сети составили 20 млн. марок. Начавшаяся война помешала осуществить большой план орошения равнины у Аданы.

Быстрым темпом развивалась германо-турецкая торговля. Большую роль в ее развитии сыграла Немецко-Левантийская пароходная компания, которая наладила связь между германскими и турецкими портами. В 1900 году другая крупнейшая пароходная компания — «Гамбург — Америка» организовала регулярное товаро-пассажирское сообщение между немецкими портами и портами Персидского залива.

Экспорт из Германии в Турцию с 1894 по 1912 год увеличился в 17 раз. Импорт из Турции в Германию за это же время вырос почти в 3 раза. По данным немецкой статистики, в 1913 году германский импорт из Турции равнялся 30 млн. марок, а экспорт — 74 млн. марок⁶. Несмотря на такой резкий рост, доля Турции в общегерманском экспорте не превышала 1,5%. Еще меньше была эта доля в общегерманском импорте (около 0,8%)⁷.

В Турции не было ни одной отрасли народного хозяйства, в которой иностранный капитал не имел бы решающих позиций. Наиболее крупные позиции иностранные капиталисты имели в транспорте и финансовой области, меньше — в промышленности. В целом державы Антанты имели в экономике Турции более сильные позиции, чем Германия. Поэтому германский империализм стремился компенсировать этот недостаток мероприятиями военно-политического характера.

У власти в Турции в годы, предшествовавшие первой

⁶ См. K. Möller, Die wirtschaftliche Bedeutung der Bagdadbahn, Hamburg, 1917, SS. 61—62.

⁷ См. K. Wiedenfeld, Die deutsch-türkische Wirtschaftsbeziehungen und ihre Entwicklungsmöglichkeiten, S. 12.

мировой войне, стояло младотурецкое правительство. Младотурецкое движение в Турции зародилось в последней трети XIX века и было направлено на ограничение султанского самодержавия. Основные кадры младотурок составляли чиновники, офицеры, учащиеся военных школ.

Младотурки являлись классовой опорой турецкой буржуазии в борьбе против режима Абдул Хамида. Они стремились превратить феодально-теократическую Османскую империю в буржуазно-конституционное государство, усилить позиции турецкой буржуазии в экономической и политической жизни страны.

Под влиянием русской революции 1905—1907 годов движение против султанского самодержавия приняло широкий размах. В 1908 году турецкий султан был вынужден восстановить конституцию. Буржуазная революция 1908 года носила верхушечный характер. В. И. Ленин, оценивая ее характер, писал: «Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»¹.

Период 1908—1913 годов в Турции характеризуется политической неустойчивостью, борьбой различных группировок (в том числе и внутри младотурецкого комитета «Единение и прогресс») за власть, частыми переворотами. Последний из них имел место 23 января 1913 г., когда группа младотурецких офицеров во главе с Энвером и Талаатом ворвалась в здание Порты и совершила переворот. Власть захватили прогерманские элементы младотурецкой партии. Это обстоятельство впоследствии значительно облегчило Германии проведение в жизнь своих планов на Ближнем Востоке. Планы переворота 1913 года были разработаны в германском посольстве в Константинополе, в котором решающую роль сыграл германский посол барон Вангенгейм.

Руководство младотурецкой партии хотело воспользоваться противоречиями империалистических держав на Ближнем Востоке для достижения своих агрессивных

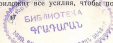
¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 39.

целей. Младотурки стремились не только восстановить свое господство над балканскими народами, но и расширить свою территорию за счет других балканских государств. Запоевательные тенденции имелись и в отношении народов Северного Кавказа и Закавказья. Кроме того, младотурецкие дентелн желали восстановления и укрепления господства Турции на Арабском Востоке и в Египте. Впоследствии Германия пыталась использовать эти реакционные и националистические устремления младотурок в своих интересах, натравливая мусульман на Англию и Россию. Младотурки стремились плыть в фарватере того или иного империалистического государства. Таким государством оказалась империалистическая Германия, политика которой в большей степени совпадала с их классовыми интересами. Германия выступала против раздела Османской империи, так как такой раздел наносил большой вред интересам германского империализма, вступившего на путь смертельной борьбы с британским империализмом и царским самодержавием. Здесь в какой-то степени переплетались политические интересы младотурок и империалистов Германии. Последние ловко использовали это обстоятельство: они объявляли себя единственными защитниками целостности и независимости Турции и таким путем привлекали младотурок на свою сторону.

Главная цель политики Германии на Ближнем Востоке заключалась в подчинении своему влиянию всей Османской империи, в использовании Турции в качестве орудия для осуществления своих захватнических планов, в установлении германского протектората над Персией и Азией.

Германская политика «противодействия» разделу Турции была продиктована захватническими планами и устремлениями. В случае такого раздела Германии была бы полностью вытеснена с Ближнего Востока и потеряла бы всякую перспективу вести борьбу с Англией, Францией и Россией за передел мира в этом районе.

Германский посол в Константинополе барон Вангенгейм не раз говорил послу Австро-Венгрии Паллавицини, что, если возникает вопрос о существовании Турции, Германия, возможно, силой оружия вступится за нее. В случае же неминуемого раздела Турции между державами Германия прилагает все усилия, чтобы по-

лучить как можно большую долю⁹. Предполагалось, что к Германии отойдет центральная область Малой Азии, Алеппо и северная Месопотамия с гаванями Александретта, Мерсина, Адана.

21 января 1913 г. канцлер Бетман-Гольвег писал послу в Лондоне Лихновскому, что Германия жизненно заинтересована в том, «чтобы турецкое господство в Азии сохранялось нетронутым по возможности дольше»¹⁰.

29 января 1913 г. Вангенгейм в клубе «Тевтония» на торжественном собрании по случаю дня рождения кайзера заявил, что Германия ни в настоящем, ни в будущем не допустит какого-либо покушения на Анатолию, где у нее имеются жизненные интересы¹¹.

Сильная Турция нужна была Германии как форпост для дальнейшего проникновения на Ближний и Средний Восток, для того чтобы подорвать мощь британского империализма.

Вместе с тем Германия в лице неделимой Турции противодействовала бы притязаниям царской России в отношении Константинополя и проливов, Восточной Анатолии.

Однако при всем этом не следует слишком преувеличивать заинтересованность Германии в усилении Турции. В июле 1913 года статс-секретарь ведомства иностранных дел Германии Готлиб Ягов писал Вангенгейму, что чрезмерное усиление Турции не соответствует интересам Тройственного союза. По мнению Ягова, оно должно проводиться в определенных рамках, до тех пор пока Германия сумеет укрепиться в своих «зонах работы», чтобы подготовиться к дальнейшей аннексии¹². Здесь германский дипломат умалчал о другой стороне вопроса — чрезмерное усиление Турции дало бы младотуркам возможность осуществлять более самостоятельную политику, которая нанесла бы ущерб немецким интересам.

⁹ См. "Österreich-Ungarns Auswärtige Politik", Bd. VII, Nr. 8531, S. 241.

¹⁰ "Die grosse Politik...", Bd. 34, T. 1, Nr. 12744.

¹¹ См. М. Павлович, Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего, М., 1913, стр. 93.

¹² См. E. Brandenburg. Von Bismarck zum Weltkrieg, Leipzig, 1939, SS. 517—518.

Повышенное внимание Германии к Турции накануне первой мировой войны объяснялось и тем, что Италия к этому времени стала отходить от Тройственного союза и Германии нужен был новый союзник в предстоящей войне.

Немецкий империализм имел свои планы и на Арабском Востоке. Германия стремилась приобрести базы на морском пути в Индию и Адене, Йемене и на побережье Южного Ирана, а также нефтяные концессии в Месопотамии¹².

Политика германского империализма на Балканах находилась в прямой связи с его ближневосточной политикой, учитывая, что Балканы являются одним из важнейших узлов мировых коммуникаций, мостом из Центральной и Восточной Европы в Азию и Северо-Восточную Африку. На необходимость тесного военного союза с Турцией, Болгарией и Румынией указывал германский император в конце 1912 года¹³.

Балканские войны (1912—1913 гг.) нанесли чувствительный удар по позициям австро-германского блока на Балканах и Ближнем Востоке. Турция потеряла большую часть своих европейских владений и оказалась вытесненной из Европы. Но в то же время ослабление Турции облегчило Германии проникновение на Ближний Восток.

В экспансионистской политике Германии на Ближнем Востоке после Балканских войн наступает новый этап: она принимает более интенсивный и целеустремленный характер. Одновременно австро-германский блок развернул лихорадочную работу по привлечению Болгарии на свою сторону, ибо она являлась форпостом на пути в Турцию и одним из главных звеньев магистрали Берлин — Багдад.

Проникновение германского империализма в Иран в годы, предшествовавшие первой мировой войне, осуществлялось в значительно меньших масштабах, чем в Турцию. Иран входил в сферу колониальных интересов Англии и России, которые там занимали господствующие позиции. Следовательно, у Германии не было достаточной почвы для проведения активной империалистической

¹² См. Fr. Fischer, *Griff nach der Weltmacht*, S. 37.

¹³ *Ibid.*, S. 47.

политики в Иране. Здесь также играл роль фактор отдаленности территории Ирана от границ Германии. Конечно, с точки зрения немецкой экспансии в район Персидского залива, строительства Багдадской железной дороги и т. д. Иран играл немаловажную роль в захватнических планах Германии. Однако накануне войны практически дальше отдельных мероприятий экономического и частично политического характера Германия не пошла.

Накануне первой мировой войны немцы создали в Тавризе фирму по транспортировке и страхованию торговых грузов «Шюнеман унд Моссиг». Осенью 1913 года они закончили строительство большой ковровой фабрики в Тавризе. Было создано акционерное ковровое общество с центром в Берлине. Оно получало от немецкого правительства субсидию в размере 2 млн. марок ежегодно и имело свои отделения в Хамзадане, Кермане, Мешхеде и других городах¹⁵.

Руководство немецкой разведывательной деятельностью в Северном Иране осуществлял владелец ковровой фабрики Шюнеман, который подвизался там как корреспондент газеты «Локаль-Аншейгер» (эта газета выражала интересы германского капитала и была связана с ведомством иностранных дел). Шюнеман являлся одним из организаторов провокационных актов в Северном Иране, был негласным советником турецкого генерального консульства в Тавризе. При активном участии Шюнемана немецкие эмиссары в Иране пытались использовать местные курдские племена для осуществления своих целей.

В это время на границе Ирана и Турции активную деятельность развернул чиновник по особым поручениям германского ведомства иностранных дел Рудольф Надольный, посланный туда для «урегулирования» пограничных конфликтов. Надольный установил тесные связи с местными властями, с главарями курдских племен. Он также содействовал усилению проникновения немецких товаров на иранский рынок.

В Германии накануне войны представители различных партий и группировок господствующих классов призывали к проведению активной империалистической политики на Ближнем Востоке.

¹⁵ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000/с., от. I, ед. зр. № 991, л. 589.

политики в Иране. Здесь также играл роль фактор отдаленности территории Ирана от границ Германии. Конечно, с точки зрения немецкой экспансии в район Персидского залива, строительства Багдадской железной дороги и т. д. Иран играл немаловажную роль в захватнических планах Германии. Однако накануне войны практически дальше отдельных мероприятий экономического и частично политического характера Германия не пошла.

Накануне первой мировой войны немцы создали в Тавризе фирму по транспортировке и страхованию торговых грузов «Шюнеман унд Мосситг». Осенью 1913 года они закончили строительство большой ковровой фабрики в Тавризе. Было создано акционерное ковровое общество с центром в Берлине. Оно получало от немецкого правительства субсидию в размере 2 млн. марок ежегодно и имело свои отделения в Ханадане, Кермане, Мешхеде и других городах¹⁵.

Руководство немецкой разведывательной деятельностью в Северном Иране осуществлял владелец ковровой фабрики Шюнеман, который подвизался там как корреспондент газеты «Локаль-Анцейгер» (эта газета выражала интересы германского капитала и была связана с ведомством иностранных дел). Шюнеман являлся одним из организаторов провокационных актов в Северном Иране, был негласным советником турецкого генерального консульства в Тавризе. При активном участии Шюнемана немецкие эмиссары в Иране пытались использовать местные курдские племена для осуществления своих целей.

В это время на границе Ирана и Турции активную деятельность развернул чиновник по особым поручениям германского ведомства иностранных дел Рудольф Надольный, посланный туда для «срегулирования» пограничных конфликтов. Надольный установил тесные связи с местными властями, с главарями курдских племен. Он также содействовал усилению проникновения немецких товаров на иранский рынок.

В Германии накануне войны представители различных партий и группировок господствующих классов призывали к проведению активной империалистической политики на Ближнем Востоке.

проведения более решительной политики с целью осуществления империалистических планов на Ближнем Востоке. Выступая 2 декабря 1912 г. в рейхстаге, один из лидеров консервативной партии — граф Каниц отметил, что следствием первой Балканской войны будет еще более серьезный европейский конфликт. В этой связи он указал на необходимость всеми мерами защищать «жизнеспособность Турции»¹⁹.

Лидер национал-либералов Бассерман во время дебатов в рейхстаге (8 апреля 1913 г.) с сожалением констатировал ослабление Турции в результате первой Балканской войны. Подчеркивая значение германских интересов в Малой Азии, он считал необходимым принять меры, чтобы уберечь Азиатскую Турцию от расчленения²⁰. 9 декабря 1913 г. Бассерман в рейхстаге сделал запрос: что предпринимает правительство для обеспечения интересов германского капитала в переговорах с Англией по нефтяному вопросу? Говоря о большой заинтересованности немецкого капитала в этой области, лидер национал-либеральной партии потребовал приобретения для германского флота в будущем соответствующей базы для снабжения горючим, а также получения в Месопотамии объектов по разработке нефтяных месторождений. Затем, выступая в ходе прений, Бассерман приветствовал новую германскую военную миссию в Турции, (имеется в виду миссия фон Сандерса), которая, по его словам, докажет несостоятельность утверждений о виновности немецких инструкторов в поражении турецких войск в период Балканских войн²¹.

Католический центр, в целом ратуя за империалистическую политику на Балканах и Ближнем Востоке, занял более умеренную позицию.

Один из руководящих деятелей центра — д-р Шпан (он же активный деятель Пангерманского союза), выступая в рейхстаге 9 декабря 1913 г., отметил, что Бухарестский мир не ликвидировал напряженности и противоречий в отношениях между государствами. Значение же Турции в мусульманском мире не поколебалось. Шпан, так же как и Бассерман, считал необходи-

¹⁹ См. "Verhandlungen des Reichstages", Bd. 286, S. 2486.

²⁰ См. "Verhandlungen des Reichstages", Bd. 286, S. 4340.

²¹ См. "Verhandlungen des Reichstages", Bd. 291, SS. 6772, 6293.

мым принять меры, чтобы оградить азиатские владения Турции от расчленения. По мнению Шпана, Багдадское предприятие должно явиться главным моментом в проведении ближневосточной политики. При этом он указал, что Багдадское предприятие надо понимать в более широком разрезе (экономической экспансии), а не только в смысле постройки дороги ²².

Таким образом, главный мотив, который проходит через все выступления представителей буржуазных партий, заключается в заботе Германии о сохранении целостности турецкой территории с целью превращения ее в арену деятельности германского империализма и его союзников. В случае невозможности такого сохранения Германия должна добиваться доли, «соответствующей ее потребностям и положению».

Накануне первой мировой войны социал-демократическая партия была одной из самых крупных политических партий Германии. Летом 1913 года ее орган «Социалистический монатсхефт» по существу оправдывал империалистическую политику Германии в Африке и Азии.

В печатных органах германской социал-демократии появлялся материал, в котором бралась под защиту политика Германии на Ближнем Востоке. Карл Шредер в заметке «Багдадская дорога», рассматривая багдадскую проблему и интересы Турции в связи с переговорами между великими державами, считал, что сама Турция едва ли сможет справиться с решением поставленных экономических задач с пользой для себя. По мнению автора, эти задачи могут быть решены только с помощью великих держав. При этом автор имел в виду Германию, авторитет которой, по его словам, за последние два десятилетия настолько вырос, что остальные великие державы должны все более и более считаться с ее интересами. В этой статье по существу дается санкция на экономическую экспансию Германии на Ближнем Востоке ²³.

Левое крыло германской социал-демократии выступало против «милитаризма, маринизма, колониальной политики». В работе «Кризис социал-демократии» (апрель 1915 г.) Роза Люксембург разоблачала политику гер-

²² См. "Verhandlungen des Reichstages", Bd. 291, SS. 6286—6287.

²³ См. "Sozialistische Monatshefte", 1913, Bd. 3, Hf. 18—20, S. 1182.

манского империализма в Турции, в частности политику «Дейче банк» с его «разветвленной системой общественного кредита», превращающего Турцию на вечные времена в должника Сиенса, Гвинера, Гельфериха. Роза Люксембург также подчеркивала рост немецкого влияния на военный аппарат Турции²⁴.

В номере от 16 декабря 1913 г. «Форвертс» писала, что шум в России по поводу отправки германского генерала в Турцию инсценирован с целью вымогательства у Турции новых уступок для Тройственного соглашения под видом «компенсаций», 7 января 1914 г. в «Форвертс» появилась заметка, где в весьма безобидных тонах описывалась деятельность Лимана фон Сандерса в турецкой армии как чисто техническое мероприятие. Не было даже никаких намеков на связь миссии с экспансией Германии на Ближнем Востоке. И, наконец, 1 февраля 1914 г. «Форвертс» поместила редакционную статью «Цели германского империализма», в которой лишь упоминалось, что Германия с помощью усиленной Турции хочет вытеснить Англию с Ближнего Востока.

Строительство Багдадской железной дороги

Франко-германское соглашение от 15 февраля 1914 г. явилось одной из важных вех в борьбе великих держав за господствующие позиции на Ближнем Востоке в первой половине 1914 года. Этому соглашению предшествовали франко-турецкие переговоры.

В 1910 году французские капиталисты через Оттоманский банк начали переговоры с турецким правительством о предоставлении французской железнодорожной компании концессий на сооружение портов в Гераклее, Самсуне, Трапезунде и на постройку железнодорожных линий. Намечавшаяся сеть должна была связать Черноморское побережье Малой Азии с Персидским заливом и Средиземным морем. Этому противилось царское пра-

²⁴ См. R. Luxemburg, *Ausgewählte Reden und Schriften*, B., 1951, Bd. 1, 55, 295—297.

вительство, ссылаясь на русско-турецкое соглашение 1900 года⁸⁸.

В 1912 году во время поездки в Петербург французского премьер-министра Пуанкаре этот вопрос был вновь рассмотрен. Россия отказалась от своих требований. Переговоры между Францией и Турцией возобновились. В 1912 году было подписано франко-турецкое соглашение о постройке железнодорожных линий: Самсун—Сивас, Сивас—Эрзинджан, Эрзинджан—Эрзерум.

В ходе дальнейших переговоров этот вопрос стал рассматриваться в более широком плане и был связан со строительством сирийских железных дорог, с повышением таможенных пошлин в Турции (на 4%) и с вопросом о турецком займе.

Такой оборот дела явно же устраивал Германию и был чреват опасностями с точки зрения ее багдадских интересов. Германские капиталисты, а частности правление Общества Багдадской железной дороги, запротестовали.

Французская сторона согласилась вступить в переговоры с представителями германских финансовых кругов. Министр иностранных дел Франции Пишон в разговоре с Извольским упомянул о том, что «целью предстоящих переговоров Франции и Германии будет главным образом обеспечение беспрепятственной постройки и развития сети французских железных дорог как в Сирии, так и в Анатолии»⁸⁹.

11 сентября 1913 г. в Париже Пишоном и Джавидом (министр финансов Турции) было парафировано франко-турецкое соглашение. Правительство Османской империи предоставило французским компаниям концессию на строительство и эксплуатацию линий Самсун—Сивас (440 км), Чалта—Эрзинджан—Пекеридж и Чалта—Харпут (612 км), а также некоторых небольших линий в Центральной Анатолии. Турецкое правительство предоставляло французским капиталистам концессии на строительство и эксплуатацию портов Гераклии и Инеболи.

⁸⁸ По соглашению 1900 года Турция обязывалась не предоставлять иностранным державам концессий на строительство железных дорог в районе между берегом Черного моря и линией Анкара—Кайсери—Сивас—Харпут—Диврдыр—Ван. Если же Турция желала бы из страны, она должна была бы предоставлять их сооружению русским капиталистам.

⁸⁹ См. АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., л. № 132, т. I, л. 285.

В Сирии французская группа получала концессию на строительство линии Рамлах—Райх, а также концессию на строительство и эксплуатацию портов Яффы, Триполи, Хайфы на восточном побережье Средиземного моря. Французское правительство соглашалось на 4-процентную надбавку и предоставляло заем в 700 млн. франков.

Успешное окончание франко-турецких переговоров как бы подхлестнуло финансовые круги Германии. В Берлине были приглашены представители французских банков для ведения переговоров. 19 и 20 августа 1913 г. между французскими (Бардак, Витали) и немецкими (Гвиннер, Гельферих) группами было подписано предварительное соглашение, подлежащее утверждению обоими правительствами. По этому соглашению французская группа (представленная Османским банком) уступала немцам («Дойче банк») всю принадлежащую ей долю участия в Багдадском предприятии (в виде акций и облигаций, оставшихся нерезализованными в первом и втором выпусках, а также облигации третьего выпуска багдадского займа) в общей сумме около 160 млн. франков. Возмен этого немцы передавали французской группе свой заем турецкому правительству на сумму 80 млн. франков.

Вторая часть соглашения касалась соединения Алеппо с сетью Багдадской дороги. Подтверждалось, что Общество Багдадской железной дороги имеет исключительное право на все дороги, которые могут соединиться в определенной точке между Мерсиной и Триполи. Если первая часть получила одобрение официальных лиц Франции, то вторая вызвала решительные возражения.

6 ноября 1913 г. в Елисейском дворце состоялось совещание, в котором приняли участие президент Пуанкаре, Пикшон, министр финансов Дюмен, французский посол в Берлине Ж. Камбон и представители финансовых кругов. Правящие круги Франции выражали серьезные опасения тем, что немцы могут проинизкуить в зону их непосредственных интересов на Ближнем Востоке (в частности, в Сирии). Участники совещания высказались за изменение режима концессий таким образом, чтобы отрезать багдадскую сеть от зоны Алеппо—Хамза—побережье. Было решено скорее прекратить переговоры, чем уступить в этом пункте.

15 февраля 1914 г. Французские и германские участ-

ники переговоров парафировали проект франко-германского соглашения.

При окончательном рассмотрении проекта соглашения оба правительства должны были принять его к сведению в форме обмена нотами. Соглашение должно было вступить в силу после окончания переговоров обеих держав с Турцией. Германская сторона соглашалась на предоставление французским компаниям концессий на железные дороги Самсун — Сивас — Харпут до Аргана-Маден. От этого пункта французы могли строить линии в направлении Битлиса и Вана. Зато в другом вопросе французам пришлось уступить. Германская группа получала концессии, связывающие Анатолийскую и Багдадскую железные дороги и черноморскую сеть (Кайсери — Сивас, Аргана-Маден — Диврбекир).

В то же время французы были удовлетворены в основном для них вопросе, о котором говорилось на совещании в Египетском дворце. Сохраняя за собой район Алеппо — Александретта, германские капиталисты отказывались от каких-либо притязаний в районе Центральной и Южной Сирии и предоставляли там французам ряд концессий на железные дороги. Немецкая сторона соглашалась связать сирийские дороги с Багдадской. Германские железные дороги получали выход к морю в Александrette, а французские — в Триполи. В Северной Сирии создавалась нейтральная зона (60 км на юг от линии Александретта — Алеппо — Мескене и 60 км к северу от линии Триполи — Хомс). Обе стороны обязывались не строить там никаких железных дорог. Французская группа должна была поддержать требование германских финансистов перед турецким правительством о повышении с 4 до 5% третьего выпуска багдадского займа. Французская группа полностью отказывалась от своего участия в Багдадском предприятии. Она уступала немецкой группе акции и облигации Багдадского предприятия на сумму 69,4 млн. франков, взамен чего немецкая группа уступала французской свою долю во втором выпуске займа 1911 года. Из этого выпуска германские банки дали аванс Турции в размере 86 млн. франков, включая проценты. Французская группа возвращала немцам этот аванс и получала право на второй выпуск этого займа (4 млн. турецких лир).

Франко-германское соглашение от 15 февраля 1914 г.

представляло собой империалистический раздел сфер влияния на Ближнем Востоке. В сферу влияния Германии входили Южная Анатолия и часть Месопотамии. За Францией оставались Северная Анатолия и Сирия.

Это соглашение являлось своего рода «модус вивенди», так как не устраняло основных противоречий между Германией и Францией.

Перед началом войны каждая из держав стремилась укрепить свои позиции в этом районе и добивалась установления своего преобладающего влияния в Османской империи.

Германская сторона считала это соглашение выгодным для себя, так как Багдадская железная дорога полностью переходила в руки немецкого капитала. Тем самым накануне войны Германия старалась закреплиться в этом стратегически важном районе и иметь форпост у самой Сирии. Кроме того, учитывались в первую очередь интересы германских промышленно-финансовых кругов, связанные со строительством и эксплуатацией багдадской магистрали.

Вместе с тем немецкая дипломатия на протяжении многих лет старалась ослабить франко-русский союз. Франко-германское соглашение было одной из попыток вбить клин в отношения между Россией и Францией.

Что касается Франции, то она гарантировала свои позиции в Сирии. В то же время французские банкиры получали новые займы, которые могли бы помножить прибыльных операций быть использованы как орудие нажима на Турцию.

Один из трубадуров германской экспансии на Ближнем Востоке, Рорбах, считал, что железнодорожные концессии в северо-восточной части Малой Азии и Сирии «не затронули области германских хозяйственных интересов вдоль Багдадской дороги, не перерезали этой области чужой линией и несколько не сузили ее». Далее он отмечал, что германским правительством были приняты меры к тому, чтобы Багдадская дорога получила хорошие соединительные пути и чтобы при этом были соблюдены требования военной мобилизации Турции²⁷.

Касаясь оценки этого соглашения, Ратнаш отмечал, что оно помогло германскому империализму преодолеть

²⁷ См. П. Рорбах, *Война и германская политика*, М., 1915, стр. 36.

сопротивление Франции в деле строительства дороги. Однако значительные уступки Франции, по его мнению, находятся в противоречии с проводимой германским империализмом политикой на Востоке с начала XX века²⁸.

Царское правительство, видя, что оно не в состоянии помешать растущей активизации иностранного капитала на территории Османской империи, стало принимать новые меры к ограждению своих интересов.

Начались переговоры с Турцией. Осенью 1913 года они закончились подписанием соглашения, по которому правительство России отказывалось от договора 1900 года, взамен чего турецкое правительство обязывалось в течение 15 лет не строить железных дорог к востоку от линии Трапезунд — Пекеридж — Харпут — Диярбекир, а по истечении этого срока строить их только на русские капиталы.

Одновременно удалось договориться с Пишоном, что постройка линии Аргама — Ван будет начата только по соглашению с Россией и будет осуществляться при участии русской финансовой группы.

Таким образом, в отношениях с Турцией царскому правительству удалось более или менее отстоять свои позиции. Что касается отношений с Францией, то в силу общей зависимости от французского капитала России пришлось ограничиться гарантией задержки строительства железных дорог и некоторым участием русского капитала во французском предприятии.

После франко-германского соглашения от 15 февраля 1914 г. франко-турецкие переговоры по экономическим вопросам стали быстро продвигаться вперед.

9 и 13 апреля 1914 г. Джавид и Думерг подписали соглашения, которые являлись итогом длительных франко-турецких переговоров. По первой части соглашения французское правительство предоставляло Турции заем в 800 млн. франков. Из них 500 млн. франков должны быть выданы в апреле 1914 года, остальные — до конца года²⁹. Французское правительство соглашалось на 4-процентное повышение таможенных пошлин (при условии согласия других держав), на введение в Турции государственной монополии на керосин, спирт, сахар, папи-

²⁸ См. L. Reihmann, Berlin — Bagdad, S. 91.

²⁹ См. "Documents diplomatiques...", vol. 10, pp. 143—146.

росную бумагу и другие товары. Правительство Османской империи давало согласие на приглашение французских финансовых советников. Вторая часть договора предоставляла французским компаниям железнодорожные концессии в Малой Азии и Сирии. Кроме того, французы получали концессии на оборудование портов Хайфы, Яффы, Инеболи, Триполи, Гераклея.

В соглашении от 15 февраля 1914 г. говорилось, что его окончательная ратификация может быть осуществлена после ратификации франко-турецкого, германо-турецкого экономических соглашений, а также финансового соглашения между обеими группами о ликвидации французских интересов в Багдадском предприятии. Если первое из них состоялось в апреле 1914 года, то в отношении остальных двух переговоры до начала войны не дали удовлетворительных результатов ни одной из сторон. Поэтому практически соглашение от 15 февраля не было претворено в жизнь. Этому помешала также наступившая война. Правящие круги Франции старались помешать укреплению германских экономических позиций на Ближнем Востоке. Обладая большой финансовой мощью, французский капитал оказывал давление на Турцию, чтобы сорвать подписание германо-турецкого соглашения.

После заключения франко-германского соглашения от 15 февраля 1914 г. Ягов начал настаивать на возобновлении переговоров с Турцией по вопросу о Багдадской железной дороге. Турецкое правительство в это время вело переговоры в Париже о займе. Турция испытывала крайнюю нужду в деньгах и поэтому не могла отказать Франции в определенных требованиях.

В мае 1914 года Ягов сформулировал требования Германии, по которым турецкое правительство только с согласия германского правительства могло построить или передать другим строительство порта или железнодорожной станции на главной линии Багдадской дороги от Басры до Персидского залива. Другое требование касалось предоставления Обществу Багдадской железной дороги 20% участия капитала в Обществе по судоходству на Тигре и Евфрате, а также соответствующего представительства в его правлении²⁰.

Джавид соглашался вести переговоры по багдадско-

²⁰ См. "Die grosse Politik...", Bd. 37, Nr. 13681, SS. 625—627.

му вопросу, но только с Обществом Багдадской железной дороги. Он возражал против того, чтобы Турция брала прямое обязательство в отношении германского правительства, ссылаясь на местное общественное мнение.

Германо-турецкие переговоры не дали никаких результатов. В середине июля 1914 года Вангенгейм заявил великому визирю, что его долгом является теперь же вмешаться и обуздать упрямство Джавида ²¹.

Создалось положение, при котором не было исключено прекращение германо-турецких переговоров. «Дейче банк», учитывая это обстоятельство, разработал план действий на случай их прекращения. Но ведомство иностранных дел избегало этого разрыва и подталкивало «Дейче банк» к продолжению переговоров. Однако в связи с наступившими событиями на мировой арене (июльский кризис) переговоры были прекращены.

Англо-германские переговоры о строительстве Багдадской дороги касались других аспектов этого вопроса, где непосредственно сталкивались интересы британского и германского империализма (продолжение Багдадской железной дороги по направлению к Персидскому заливу, речное судоходство в Месопотамии и др.). Германия путем ряда конвенций (1903, 1908 и 1911 гг.) выговорила себе у турецкого правительства концессию на постройку основной магистрали Багдадской дороги, а также ответвлений как в сторону Средиземного моря, так и в районе Месопотамии. Но, ввиду того что строительство дороги в последнем районе задевало британские интересы, Германия по договору 1911 года отказалась в пользу вновь образуемой «Турецкой компании» от права постройки линии от Багдада к Персидскому заливу, а также от концессии на постройку порта в Басре и в Персидском заливе. Но при этом ставилось условие о предоставлении германскому капиталу соответствующей доли участия в строительстве указанных объектов.

Одновременно в Лондоне велись англо-турецкие переговоры, которые касались Кувейта, режима судоходства и строительства Багдадской дороги. К весне 1913 года, когда начали вырисовываться контуры англо-турецкого соглашения, между представителями германских и

²¹ См. "Die grosse Politik...", Bd. 37, Nr. 15041, S. 637.

английских финансовых кругов начался обмен мнениями. В Лондон ездил директор «Дейче банк» Гвиннер, который дал согласие на постройку Англией участка Басра—Персидский залив. В связи с этим Гельферих писал, что «Германия могла согласиться на отказ от предусмотренной в багдадской конвенции ветви от Басры до залива лишь при условии, что будут приняты необходимые меры для восстановления и постоянного поддержания судоходства по Шат-эль-Арабу от залива до Басры и будет в достаточной мере гарантирована свобода судоходства по Шат-эль-Арабу»²².

7 февраля 1914 г. англо-турецкое соглашение было подписано. Турция фактически признавала английский протекторат над Кувейтом.

Конечным пунктом Багдадской железной дороги была признана Басра. Англия отказывалась от участия в постройке участка Багдад — Басра, но требовала, чтобы ее интересы были соблюдены при назначении двух английских представителей в управление Багдадской железной дороги (этот вопрос должен был быть согласован с Германией). Участок Басра — Кувейт Англия бралась строить собственными средствами. В то же время было оговорено, что южнее Басры железные дороги могут строиться только с разрешения британского правительства.

Английское правительство гарантировало Турции необходимый заем в 3 млн. ф. ст., а также обещало финансовую помощь в будущем.

Англия получала права на все нефтяные концессии в Аравии и Месопотамии.

Как видно, в отношении Багдадской железной дороги уже была подготовлена почва и для англо-германского соглашения. После подписания англо-турецкого соглашения переговоры между Англией и Германией приняли интенсивный характер. Обе державы, исходя из сложившейся ситуации, решили найти компромиссный выход. Франко-германское соглашение от 15 февраля 1914 г. побудило правящие круги Англии к ускорению переговоров с Германией. В свою очередь и англо-турецкое соглашение подтолкнуло Германию к активизации переговоров с Англией. Однако эти переговоры затянулись до

²² К. Гельферих, Измученная мировая война, М., 1924, стр. 98.

середины июня, так как по многим вопросам существовали разногласия. Камнем преткновения являлось речное судоходство в Месопотамии. Германская сторона никак не соглашалась с монопольным положением, которое получала Англия по соглашению с Турцией. Объектом разногласий также были ирригационные сооружения в Месопотамии и нефтяной вопрос.

15 июня 1914 г. Грей и Лихновский (немецкий посол в Лондоне) парафировали англо-германское соглашение. Ключевым пунктом Багдадской железной дороги была признана Басра. Германия отказывалась от дальнейшего проведения железной дороги к Персидскому заливу. В совет управления Багдадской железной дороги вводились 2 английских представителя (совет состоял из 27 членов). Англия обязывалась не чинить препятствий в проведении дороги до Басры и не добиваться конкурирующих концессий в Багдадском и Мосульском вилайетах. Английской финансовой группе предоставлялось право участия в капитале Общества Багдадской железной дороги.

Строительство портовых сооружений в Багдаде и Басре формально передавалось турецкому обществу, в котором германский капитал был представлен в размере 60%, английский — 40%. Соответственно распределялось представительство в управлении.

Оба правительства договорились о совместной эксплуатации нефтяных залежей в Месопотамии. «Тёркиш петролеум компании» (основана в 1912 г.) получила концессию на их разработку: 50% акций принадлежало английскому «Нейшнл банк оф Тёрки», 25% — голландской группе «Ройял датч-Шелл» и 25% — «Дейче банк»²². Правящие круги Германии считали важным получение германским капиталом доступа к Передней Азии. Английский нефтяной магнат Детердинг был первым председателем общества, а Георг фон Штраус («Дейче банк») — вице-председателем.

Наступившие вскоре осложнения на международной арене не дали возможности ратифицировать это соглашение.

²² См. Ю. В. Ключевиков, А. Сабагин, *Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях*, ч. 1, М., 1928, стр. 281—285.

Германские дипломаты Ягов, Лихновский, Кюльман, принимавшие активное участие в переговорах с Англией, признают, что англо-германское соглашение от 15 июня 1914 г. имело целью раздел сфер влияния на Ближнем Востоке²⁴. Этот метод империалистической экспансии (в отличие от колониальных захватов в Африке) представляет собой так называемое «мирное проникновение» и типичен для фазы передела мира, где первостепенная роль принадлежит финансовому капиталу.

В этом договоре нашел свое отражение англо-германский антагонизм. Под оболочкой «соглашения» скрывались глубокие противоречия. Здесь, как и во франко-германском соглашении от 15 февраля 1914 г., каждая из сторон стремилась обеспечить себе наилучшие позиции перед войной.

Расчет Германии на нейтральность Англии в грядущей схватке переплетался с расчетом на разрыв или на ослабление Тройственного соглашения. Германская дипломатия полагала этим соглашением обострить англо-русские противоречия в Иране и англо-французские на Ближнем Востоке. Но в тогдашних условиях консолидация Антанты была налицо и ставка на ее ослабление или разрыв являлась абсурдной.

Багдадская железная дорога, ставшая теперь передовым германским форпостом на Ближнем Востоке, превращалась в своего рода таран против уязвимых мест Британской империи.

Что касается Англии, то она соглашением от 15 июня 1914 г. прочно закреплялась в районах, прилегающих к ее колониям и имеющих большое стратегическое значение, и полностью разрешила вопрос о нефти в Месопотамии. Англо-германское соглашение от 15 июня 1914 г. не только не смягчало, но еще в большей степени усиливало и обостряло англо-германский антагонизм.

Строительство Багдадской железной дороги тесно связано со всеми другими вопросами политики Германии на Ближнем Востоке. Она использовала переговоры о Багдадской железной дороге, чтобы перед войной укрепить

²⁴ См. G. Jagow, *Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges*, В., 1919, ss. 62—63; K. Kühlmann, *Erinnerungen*, Heidelberg, 1948, S. 367; К. М. Лихновский, *Мои миссии в Лондоне. 1912—1914, 1918*, стр. 4, 18.

и расширить свои позиции в экономике Турции, обеспечить в зоне строительства дороги проведение мероприятий военно-стратегического значения, которое отводилось миссии Ливана фон Сандерса. Важное значение приобретало получение Германией концессий, связывающих Багдадскую и Анатолийскую сеть железных дорог.

Таким образом, рельефно вырисовывается связь экономических и политических моментов в ближневосточной политике германского империализма накануне первой мировой войны.

Германский империализм и армянский вопрос в Турции в 1913—1914 годах

Армянский вопрос являлся составной частью ближневосточной проблемы накануне первой мировой войны. Здесь также остро проявились противоречия между империалистическими державами, главным образом между Россией и Германией. Последняя использовала армянский вопрос, чтобы разжечь ненависть Турции к России.

Армяне были одним из многочисленных нетурецких народов на территории Османской империи. Национальный и политический гнет, царивший в Османской империи, самым пагубным образом отражался на армянском населении.

Чтобы удержать в своих руках нетурецкие области империи, младотурки безжалостно подавляли всякое проявление национально-освободительного движения порабожденных народов. В отношении армян они проводили ассимиляторскую политику, организовывали и поощряли набеги вооруженных отрядов курдов на армянские поселения.

Младотурки стремились обеспечить молодой турецкой буржуазии господствующее положение в экономической жизни страны и проводили политику вытеснения нетурецкой буржуазии, в частности армянской.

Западная Армения служила рынком сбыта товаров и источником сырья для великих держав.

Вместе с тем каждая из них старалась использовать борьбу армянского народа против турецкого ига для достижения собственных политических целей.

Русский царизм использовал армянский вопрос, что-

бы ослабить, а впоследствии и расчленить Турцию. С этой целью разрабатывались проекты реформ в Западной Армении, направленные на достижение минимальной подчиненности центральной власти. Западная Армения была трамплином к дальнейшему продвижению царизма на Ближнем и Среднем Востоке.

Англия и Франция, имея свои политические планы на Ближнем Востоке и ведя борьбу против Германии, в то же время не допускали усиления позиции России в Турции и не оказывали ей сколько-нибудь серьезной поддержки в осуществлении реформы в Западной Армении.

Германский империализм считал Турцию объектом своей экономической и политической экспансии и потенциальным союзником в борьбе против стран Тройственного соглашения и был заинтересован в ее усилении и укреплении. Германия поддерживала стремления младотурок к «османизации» всех народов империи. Этим Германия стремилась завоевать симпатии турок — чтобы привлечь Турцию на свою сторону — и поднять мусульманские народы против Антанты.

С точки зрения политических и стратегических концепций германского империализма решение армянского вопроса в соответствии с требованием армянского населения могло только помешать его планам. Ответственный сотрудник ведомства иностранных дел Циммерман считал, что Германия должна создавать на границах России такие условия, которые «могли бы уменьшить ее (России. — А. А.) внешнюю мощь». Он отмечал, что «в сущности армяне не пужны Германии. Армения, населенная армянами, вредна ее интересам, ибо народ армянский является источником слабости Турции». Отсюда германский дипломат делал вывод: надо «предоставить армян в полное распоряжение турок»²⁰. Однако правящие круги Германии старались не выступать открыто против армян, надеясь использовать их в своих интересах при строительстве Багдадской железной дороги.

Сан-Стефанский договор 1878 года обещал Турции ввести реформы в Западной Армении под контролем России, а Берлинский трактат 1878 года — под контролем великих держав. Однако Турция их не выполнила. Затем

²⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, серия III, М., 1931, стр. 119, примечание.

по настоянию России, Англии и Франции Абдул-Хамид 20 октября 1895 г. издал декрет о реформах в Армении. Но и он остался мертвой буквой. В конце 1912 года по инициативе правящих кругов России вновь был поднят этот вопрос.

Разгром Турции в первой Балканской войне, успехи балканских народов в борьбе за освобождение от турецкого ига породили у армян Западной Армении надежды на улучшение своего положения. Католикос Геворг в конце 1912 года обратился к России и западным державам с просьбой воздействовать на Турцию в осуществлении реформ.

Первый драгоман русского посольства в Константинополе Мандельштам разработал проект реформ в Западной Армении, который, хотя и базировался на проекте реформы 1895-го года, шел, однако, значительно дальше. Проект Мандельштама предлагал образование единой армянской провинции (из 6 вилаетов) во главе с генерал-губернатором, который наделялся бы широкими полномочиями и назначался бы султаном с согласия великих держав. Предусматривалось учреждение собрания провинции с широкими правами и равным числом представителей от мусульман и немусульман. Этот же принцип должен был применяться при распределении всех должностей в учреждениях, включая полицию и жандармерию. В проект были внесены такие пункты, как равноправие языков, упразднение курдской кавалерии — хамидие (от которой страдали армяне), свобода школьного преподавания, возвращение армянам незаконно отнятых у них земель.

Считая, что Западная Армения является для России ключом к Малой Азии и Месопотамии, правящие круги Германии хотели разрешить армянский вопрос в соответствии со своими интересами. Успешное проведение реформ в Западной Армении усилило бы влияние России. Поэтому Германия не могла оставаться безучастной. Помощник статс-секретаря германского ведомства иностранных дел Циммерман писал 10 января 1913 г. послу в Константинополе Вангенгейму, что, принимая во внимание значительные германские интересы в Азиатской Турции, Германия не намеревается предоставить только Тройственному согласию заботы о судьбе армян. Немецкий дипломат указывал, что его страна будет принимать

участие в переговорах и решениях держав касательно армянского вопроса. Но другие представители германской дипломатии придерживались мнения, что ввиду общей напряженной обстановки время для проведения реформы в Армении не является подходящим.

Секретарь германского посольства в Константинополе граф Каниц и корреспондент газеты «Франкфуртер цейтунг» Пауль Вейц развернули кампанию среди армии, рекомендуя им не идти слишком далеко в своих требованиях, довольствоваться децентрализацией и своей личной и имущественной неприкосновенностью. Германский вице-консул в Мосуле Гольштейн, командированный на три месяца в Ван, постоянно советовал армянам не надеяться на Россию, а работать вместе с младотурками.

Франция и Англия в целом не возражали против обсуждения вопроса о реформах в Армении. Французский министр иностранных дел Пиншон поддержал идею о целесообразности реформы в Армении.

Британская дипломатия считалась с важностью армянского вопроса и стояла на той точке зрения, что необходимо выработать строгую линию поведения в этом вопросе в соответствии с английскими интересами в Азиатской Турции. Грей высказался за то, чтобы переговоры о реформах велись на базе соглашения 1895 года, хотя и не был сторонником их непосредственного проведения в тот период²⁶.

В июне 1913 года проект Мандельштама был предварительно рассмотрен представителями посольств Тройственного соглашения в Константинополе и передан на обсуждение Совещания послов великих держав. Статс-секретарь германского ведомства иностранных дел фон Ягов выразил русскому послу в Берлине Сербсеву сомнение в том, что работа послов может привести к осязательным результатам. Он заявил, что при обсуждении вопроса (о реформах в Армении) надо строго придерживаться принципа территориальной целостности Османской империи²⁷.

26 июня 1913 г. германское посольство в Петербурге направило России записку, в которой резко отрицательно

²⁶ "British documents...", vol. X, part I, pp. 425, 449, 453—464.

²⁷ См. «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. — 10 мая 1914 г.», Пг., 1915, стр. 44, 45.

оценивался проект Мандельштама, означавший, по мнению германского правительства, начало раздела Турции.

Естественно, что в свете этих соображений германская дипломатия постаралась провалить обсуждение проекта Мандельштама. 29 июня 1913 г. на заседании Совещания послов великих держав представители Германии и Австро-Венгрии заявили о желательности одновременного рассмотрения и турецкого проекта, а спустя три дня совсем отказались рассматривать проект Мандельштама без изучения турецких предложений. Германия выступила против русского проекта еще и потому, что он предусматривал проведение реформ на территории, по которой должны были проходить ветки Багдадской железной дороги. Следовательно, могло пострадать одно из главных предприятий Германии на Ближнем Востоке.

Турецкий проект реформ, выставленный немцами в качестве противоядия проекту Мандельштама, разрабатывался по указанию из Берлина. В разработке турецкого проекта деятельное участие принимал германский посол в Константинополе барон Вангенгейм. Со своей стороны руководящие деятели Турции, не желавшие проведения реформ, обращались к Германии за советами и помощью. Великий визирь заявил русскому послу Гирсу, что инициатива России вызовет недовольство общественного мнения Турции и поэтому лучше, если сама Турция проведет в жизнь выработанную ею программу реформ²⁸.

По турецкому проекту Западная Армения делилась на два сектора во главе с генеральными инспекторами из иностранцев, назначаемых султаном без согласия держав. Вся существовавшая организация вилаетов сохранялась. Инспекторам предоставлялось право контроля над всеми отраслями управления, право увольнения чиновников. Гирс считал, что этот проект имеет целью распределить армянские вилаеты между двумя секторами, разобщить армию и растворить их в мусульманском большинстве²⁹. Правительство России не согласилось с предложенным Турцией проектом.

Представители Тройственного союза (особенно Германия) выступали против создания единой армянской провинции, назначения генерал-губернатора и равенства

²⁸ См. АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. № 114, л. 335.

²⁹ Там же, л. 336.

(мусульман и немусульман) при распределении мест в собрании провинции.

Проект Мандельштама потерпел неудачу также из-за позиции, занятой Англией в вопросе реформ в Армении. Хотя Фицморис (Англия) на заседании послов солидаризировался с Гирсом и защищал русский проект, однако, как заметил Вангенгейм, он это делал для того, чтобы в случае провала русского проекта снять с Англии ответственность⁴⁰. Германская дипломатия была осведомлена о том, что Англия не является сторонницей проекта Мандельштама.

В секретном меморандуме английского правительства от 22 июля 1913 г. Грей писал, что объединенная Армения, воплощенная в 6 турецких вилайетах, «является первой стадией географического и этнографического расчленения Азиатской Турции» и этому примеру могут последовать другие народы Османской империи (в Малой Азии, Сирии, Аравии). Грей считал желательным рассмотреть сперва турецкий проект реформ и, если он окажется неподходящим, видоизменить его и приспособить к схеме, которая будет устраивать все великие державы⁴¹.

Правящие круги Англии опасались, что сепаратистские тенденции могут в дальнейшем перекинуться из Османской империи в их колониальные владения.

Следует учитывать и то обстоятельство, что Англия была связана с Турцией Кипрской конвенцией (4 июня 1878 г.), согласно которой Кипр передавался Англии, а она взамен гарантировала целостность восточных территорий Турции.

Создалась обстановка, при которой дело о реформах в Армении грозило зайти в тупик. В тот момент такое положение уже не устраивало Германию, так как, во-первых, сильно пал бы ее авторитет в глазах армии, которые довольно бурно выражали недовольство политикой Турции, во-вторых, Россия, поддерживая армян, могла бы развернуть активные действия в Западной Армении. В этих условиях Ягов советовал уладить наиболее острые вопросы компромиссным путем. Теперь для

⁴⁰ См. "Die grosse Politik...", Bd. 33, Nr. 15351, SS. 98, 107.

⁴¹ "British documents...", vol. X, part 1, pp. 501—502.

Германии важно было добиться выгодного для себя соглашения по армянскому вопросу.

Гирсу и Вангенгейму было поручено заняться разработкой компромиссного проекта. В сентябре 1913 года ими был подготовлен проект из 6 пунктов, по которому: а) Западная Армения делилась на 2 сектора; б) генеральные инспекторы назначались Портой по рекомендации держав; в) инспекторам предоставлялось право увольнять всех чиновников, назначать низших судей и представлять султану на утверждение высших судей; г) в каждом секторе учреждалось собрание из равного числа мусульман и немусульман; д) все административные должности распределялись равномерно между мусульманами и немусульманами; е) державы имели право контролировать применение реформ через своих послов в Константинополе и консулов в провинции.

Этот проект получил одобрение всех великих держав. Но турецкое правительство встретило его в штыки. Великий визирь усмотрел в нем посягательство на суверенитет Турции, считая, что он кладет начало ее разделу.

7 ноября 1913 г. Турция представила свой проект, который не наделял советников никакими правами¹².

После длительных переговоров с великим визирем Гирс подверг новый турецкий проект коренной переработке, и он оказался для Турции более стеснительным, чем русско-германский проект из 6 пунктов. В этих условиях турецкое правительство сочло необходимым вернуться к первоначальному проекту о назначении европейских генеральных инспекторов.

29 декабря 1913 г. великий визирь предложил процедуру их назначения, которая не особенно ущемляла бы престиж Турции. На этой почве между Гирсом и великим визирем (которого постоянно консультировали представители германского посольства) начались переговоры.

Но из разговора германского посла с Гирсом было ясно, что Германия, одобрявшая проект из 6 пунктов, будет поддерживать его настолько, «насколько для проведения реформ не нужно будет прибегать к мерам воздействия». По мнению Вангенгейма, достигнутые результаты могут послужить ценным началом для даль-

¹² См. «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении, 26 ноября 1912 г. — 10 мая 1914 г.», стр. 109.

нейшего развития реформ. Гирс опасался, что Россия может остаться одна, если будет продолжать настаивать на своих пунктах⁴².

После обоюдных уступок между Гирсом и великим визирем было достигнуто предварительное соглашение по основным вопросам. Но Турция, несмотря на это, опять попыталась склонить Россию к отказу от равного представительства мусульман и немусульман в администрации и советах вилайетов и секторов и от роспуска курдской кавалерии — хамидие, на что министр иностранных дел России Сазонов ответил категорическим отказом.

Поверенный в делах в Константинополе Гуклевич жаловался Сазонову на неискренность поведения германского посольства и считал, что все проволочки делаются по рекомендации австрийского посла Паллавичини и германского поверенного в делах Муттуса.

Наконец, 8 февраля 1914 г. был подписан акт о реформах в Западной Армении. Создавалось два сектора (без единого собрания) под надзором двух генеральных инспекторов, назначаемых по рекомендации держав. Но турки добились того, что в эти секторы были включены части территории вилайетов, населенных исключительно мусульманами.

Под контроль генеральных инспекторов ставились администрация, суд, полиция, жандармерия. Они имели право увольнять всех чиновников, назначать низших должностных лиц, а высших представляли на утверждение султана. В их распоряжении находились вооруженные силы секторов. Под их же прямое наблюдение было поставлено также разрешение земельных споров и переплыв.

Курдская кавалерия не упразднялась, а была превращена в резервные кавалерийские полки. Во время маневров и мобилизации она подчинялась общим дисциплинарным правилам, в остальное время была лишена оружия.

Школам каждой народности отводилась часть бюджета вилайета (раньше это распространялось только на турецкие школы).

⁴² См. «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. — 10 мая 1914 г.», стр. 132.

Обнародование законов, указов и официальных извещений производилось на всех местных языках. Допускалось употребление родного языка в сношениях с судом и администрацией.

Принцип равенства мусульман и немусульман применялся при формировании полиции и жандармерии. Христианам предоставлялась половина мест в генеральных советах трех вилайетов — Ванском, Битанском, Эрзерумском.

По сравнению с существовавшим в Турции положением соглашение от 8 февраля 1914 г. было шагом вперед. Оно в определенной степени способствовало улучшению положения армян в Западной Армении. Однако едва ли можно было ожидать от империалистических держав настоящего разрешения армянского вопроса, ибо каждая из них заботилась об удовлетворении собственных интересов.

Правящие круги России и русская дипломатия считали, что они достигли некоторого успеха в борьбе за влияние в Западной Армении. Гультяевич писал, что акт о реформах представляет собой шаг вперед по сравнению с султанским декретом 1895 года, в котором совершенно не упоминалось о согласии держав. Он надеялся, что новое соглашение еще больше привлечет на сторону России симпатии армян⁴⁴.

Доверенное лицо российского министерства иностранных дел д-р Завриев в письме на имя начальника ближневосточного отдела министерства иностранных дел князя Трубецкого отмечал, что «важно положить основание для реформы, чтоб потом настойчивой работой постепенно расширять ее».

Германские дипломаты уверяли своих турецких коллег, что указанное соглашение является дипломатическим успехом Порты, и всячески превозносили свои посреднические заслуги в этом деле.

В конце 1913 года Пауль Рорбах выступил в тесном кругу офицеров германского генерального штаба с докладом «О задачах Германии в Турции», который главным образом был посвящен армянскому вопросу. На этом собрании присутствовал фон дер Гольц. Рорбах

⁴⁴ См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, серия III, стр. 236, 239.

заявил, что задача Германии состоит в том, чтобы не допустить проведения серьезных реформ в Армении.

Рорбах нарисовал план «решиения» армянского вопроса. Он отмечал, что Германия должна способствовать выселению армян с их насиженных мест, а затем путем разных льгот и денежных субсидий расселить их вдоль трассы строительства Багдадской железной дороги. Территорию Западной Армении, по идее Рорбаха, надо заселить турко-татарскими племенами, чтобы создать «стальной барьер против России»⁴⁰. Этот план получил одобрение всех присутствующих.

Эти же идеи лежали в основе выступления Рорбаха 29 ноября 1913 г. на заседании «Германо-Азиатского общества». (Присутствовавший на нем русский военный агент в Берлине Базаров приводил в своем рапорте основные тезисы этого выступления). Рорбах указывал, что с географической точки зрения Армения господствует над всеми путями, ведущими через Малую Азию, и с потерей Армении Турция перестанет существовать. Поэтому, считал Рорбах, для Турции необходимо обеспечить за собой Армению, как важный оплот ее политического существования. Армения является очагом внутренних беспорядков в Турции, и для ее усмирения нужно использовать курдов. Рорбах говорил, что истребление армян курдами является одним из способов подворения спокойствия в Армении и что Германия не будет этому препятствовать⁴¹.

Другой германский «эксперт» по армянскому вопросу — д-р Лепсизус, тесно связанный с германскими правительственными и военными кругами, писал, что отрицательная тонка зрения Германии на армянский вопрос исходит исключительно из военно-политических соображений. И Германия добивалась того, чтобы в тексте договора по армянским реформам были неясности, которые давали бы возможность Турции свести на нет попытки осуществления этих реформ.

Полную поддержку мероприятий и политики Турции и Германии в армянском вопросе можно найти у одного из вдохновителей и идеологов ближневосточной полити-

⁴⁰ АВПР, ф. Политария, 1913 г., л. 3470, л. 41.

⁴¹ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000/с, оп. I, ед. хр. № 973, лл. 113—114.

ки Германии, председателя немецкого «Комитета по Передней Азии» Гуго Гроте⁴⁷.

В начале 1914 года возникло «Немецко-Армянское общество» с центром в Берлине. Председателем был избран Лепсхус, вице-председателем — Рорбах. Главное управление генерального штаба русской армии отмечало, что данное общество «ставит действительной целью своей деятельности облегчение работы германского правительства в его стремлениях подчинить своему влиянию Турецкую Армению, подготовить почву на Кавказе на случай войны России с Турцией, восстановить армию против русского правительства». Дейтельное участие в осуществлении этих планов принимали германские консулы: в Тифлисе — Шуленбург и Берг, в Эрзеруме — Андерс, в Тавризе — Литтен⁴⁸.

Таким образом, Германия желала извлечь двойную выгоду из складывавшегося положения: с одной стороны, угодить Турции, с другой — использовать армян в целях проведения своей политики. Позицию правящих кругов Германии в армянском вопросе следует квалифицировать как протурецкую, направленную на порабощение и угнетение армянского народа. Последующие события показали, что германский империализм принимал прямое и активное участие в физическом истреблении армян в Османской империи.

Политика Германии в армянском вопросе носила антирусский характер. Германия стремилась создать для своих целей надежные позиции в прилегающих к русской границе районах Османской империи. Отсюда вытекали все ее старания воспрепятствовать, а если возможно, и не допустить проведения реформ в Западной Армении, все ее планы (совместно с турецким правительством) переселения армян в более отдаленные от русской границы провинции. Одновременно правящие круги Германии решали и другую задачу — создание благоприятных условий для строительства багдадской магистрали путем насажении вдоль нее армянских поселений.

Эта политика преследовала также и цели создания соответствующих условий для военно-реорганизационной

⁴⁷ См. H. Grothe, Die asiatische Türkei und die deutsche Interessn, Halle, 1913, SS. 14, 20.

⁴⁸ ЦГВИА, ГРУШ, ф. 2000/з, оп. I, ед. хр. № 993, л. 576.

деятельности миссии Ливана фон Сандера в стратегически важных районах Анатолии. Эта задача занимала одно из главных мест в работе указанной миссии.

Другие великие державы выразили свое согласие с актом 8 февраля 1914 г. Предоставив России и Германии инициативу в решении вопроса о реформах в Западной Армении, Англия резервировала за собой право вмешательства в случае, если будут затронуты ее интересы. Британская дипломатия прекрасно понимала, что ввиду русско-германских противоречий в армянском вопросе ни одна из сторон не позволит другой получить преобладающее влияние в этой части Османской империи. К тому же соглашение от 8 февраля 1914 г. в целом соответствовало установкам английской внешней политики.

В течение весны 1914 года в дипломатических кругах великих держав обсуждался вопрос о кандидатурах на пост генеральных инспекторов.

После долгих споров выбор пал на представителя Голландии Востененка и представителя Норвегии Гоффа. Наступивший политический кризис на мировой арене парализовал проведение даже этих куцых реформ в Западной Армении.

Германский империализм и судьба островов Эгейского моря накануне войны

Одним из сложнейших переплетений империалистических противоречий в районе восточного Средиземноморья являлась проблема Эгейских островов. В решении этого вопроса были заинтересованы все великие империалистические державы обеих группировок, а также Турция, Греция, Болгария. Проблема Эгейских островов была связана с борьбой держав за расширение своих сфер влияния на Балканах.

Казалось, что за обладание островами в Эгейском море боролись главным образом Греция и Турция. Однако настоящая борьба вокруг проблемы Эгейских островов развернулась между крупными империалистическими державами, в которой интересы Турции и Греции совершенно терялись.

Острова Эгейского моря можно условно разделить на три группы, каждая из которых являлась предметом спе-

циальных переговоров между великими державами, Турцией и Грецией.

К первой группе можно отнести острова Имброс, Тенедос, Самофракия, Лемнос и другие, являвшиеся стратегическим ключом к Дарданеллам. Ко второй — крупные острова Хиос и Митилена, расположенные южнее вышеуказанных островов и примыкающие к западному побережью Малой Азии, к третьей — острова Додеканез, расположенные в юго-восточной части Эгейского моря, из которых наиболее крупные Родос и Кос.

Острова Додеканез принадлежали Турции и были оккупированы Италией во время итало-турецкой войны 1911—1912 годов. По Лозаннскому мирному договору между Италией и Турцией (октябрь 1912 г.) первая обязалась очистить острова Додеканез, после того как Турция выведет свои войска из Триполитании и Киренаики. Греческое же население островов требовало присоединения Додеканеза к Греции.

Острова Хиос, Митилена, Имброс, Тенедос, Лемнос и другие также принадлежали Турции, но были заняты Грецией во время первой Балканской войны (1912—1913 гг.).

Вопрос о судьбе Эгейских островов стал предметом обсуждения на Лондонском совещании послов, которое открылось в декабре 1912 года. Ввиду непримиримых противоречий, существовавших как между участниками первой Балканской войны, так и между великими державами, ни к какому конструктивному решению прийти не удалось. Вопрос этот затянулся до самого начала первой мировой войны, так и не получив окончательного разрешения.

В правящих кругах Германии имели место два течения по вопросу о судьбе Эгейских островов. Одна часть ответственных сотрудников и дипломатов ведомства иностранных дел, считая Турцию своим союзником в предстоящей войне, поддерживала ее притязания на острова Эгейского моря. Другая часть правящих кругов Германии во главе с кайзером считала, что Германия имеет достаточно средств и рычагов воздействия, чтобы привлечь на свою сторону Турцию, и поэтому надо постараться использовать проблему Эгейских островов для вынуждения Греции в свои политические комбинации, оказав поддержку ее позиции в отношении островов. Это отра-

зилось на линии поведения германской дипломатии при обсуждении проблемы Эгейских островов.

В январе 1913 года на Лондонском совещании послов Циммерман заявил русскому послу в Берлине Сербееву, что Германия стоит за оставление в руках Турции Хноса, Митилены, Коса и Родоса. Германский дипломат мотивировал это «опасностью распространения азиатской пропаганды среди многочисленного греческого населения в Малой Азии». Что касается островов, находящихся непосредственно у Дарданелл, то Циммерман считал, что они должны стать предметом специальных переговоров¹⁹.

Уточняя позицию Германии в отношении первой группы островов (у входа в Дарданеллы), Ягов заявил Сербееву, что Турции следует оставить острова (Самосфракию, Имброс), необходимые для защиты проливов. А два других острова (Лемнос, Тенедос) передать Греции при условии их нейтрализации²⁰.

Вопрос об островах не мог не волновать Россию, особенно когда речь шла о тех островах, которые закрывали вход в Дарданеллы. Заинтересованный в ослаблении Турции, русский царизм в период первой Балканской войны обещал Греции поддержать ее притязания на все острова Эгейского моря. В середине января 1913 года Сазонов сообщил германскому послу графу Пурталесу, что Россия представляет неизбежной передачу Греции всех островов при условии их нейтрализации и гарантии неукрепления некоторых из них²¹.

В конце мая 1913 года, после подписания в Лондоне мирного договора (окончание первой Балканской войны), вопрос об участии Эгейских островов был передан на рассмотрение великих держав.

Через три месяца Грей предложил новое решение этого вопроса, по которому острова Додеканез возвращались Турции, остальные острова передавались Греции, за исключением Имброса, Тенедоса и Тасоса, статус которых должны были определять великие державы. Проект Грея был встречен скептически в германском ве-

¹⁹ См. АВПР, ф. Канцлария, 1913 г., д. № 55, л. 3.

²⁰ Там же, л. 130.

²¹ Там же, д. № 160, л. 24.

домстве иностранных дел, считавшим его несбыточным ввиду острых противоречий между державами.

Германская дипломатия, проводя политику лавирования между Турцией и Грецией, старалась извлечь для себя двойную выгоду. В этом направлении усиленно работал Вангенгейм. Гирс писал, что «император поддерживает стремление греков, дабы... привлечь их на сторону Тройственного союза». Гирсу было известно о стараниях Вангенгейма уговорить турок на «тесное соглашение с греками»⁵².

Во время визита греческого короля в Берлин (сентябрь 1913 г.) правящие круги Германии предприняли безуспешные попытки склонить его к некоторым уступкам Турции в отношении островов.

Что касается позиции Италии, то она не собиралась освобождать острова Додеканез, надеясь под различными предложениями затянуть их оккупацию. Итальянский посол в Лондоне маркиз Империали заявлял, что Италия эвакуирует войска с этих островов «лишь по выполнении Турцией условий Лозаннского договора»⁵³.

Британское правительство и британское адмиралтейство настаивали на том, чтобы ни один из островов Эгейского моря не перешел бы в руки какой-либо великой державы. В то же время Грей, видя, что его предложение не нашло достаточно благодатной почвы в других странах, решил, что вопрос об островах следует отложить до наступления более благоприятного момента.

Турция же продолжала упорно настаивать на возвращении ей наиболее важных островов. Весной 1913 года Джемаль в беседе с французским послом подчеркнул, что вопрос об островах является вопросом жизни и смерти для Турции. Спустя полгода великий визирь заявил Гирсу и английскому послу Маллету, что Турция не может отказаться от Имброса, Тенедоса, Лемноса, Хиоса и Митилены (особенно большое значение придавалось последним двум). При этом Гирс со своей стороны добавлял, что в Константинополе рассчитывают на поддержку Германии в этом вопросе⁵⁴.

⁵² АВПР. ф. Политархия, 1913 г., д. № 1047, л. 279.

⁵³ АВПР. ф. Канцелярия, 1913 г., д. № 38, л. 370.

⁵⁴ Там же, д. № 115, л. 300; "British documents...", vol. X, part I, p. 150.

12 декабря 1913 г. Грей внес новое предложение об урегулировании проблемы Эгейских островов, которое в основных чертах повторяло августовский проект. Грей потребовал от Греции к середине или к концу января 1914 года эвакуировать войска из Северного Эпира, а взамен этого предоставить ей острова Эгейского моря, за исключением Имброса и Тенедоса, расположенных у входа в Дарданеллы. На этих островах Греция не должна была возводить укрепления. Острова Додеканес возвращались Турции при условии предоставления им автономии и гарантии их неукрепления.

Германская дипломатия в целом сочла новый проект Грей приемлемым, хотя и не обошлась без оговорок. Ветман-Гольберг высказал послам Англии и Франции свои опасения относительно возражений со стороны Австрии и Италии.

У германской дипломатии были свои соображения на этот счет, изложенные Яговым в письме послу в Вене. Он писал, что в первую очередь надо избежать войны между Турцией и Грецией. И для этого следует убедить Турцию принять предложение Грей, ибо в противном случае война приведет к окончательной катастрофе ее экономики и финансов. Статс-секретарь германского посольства иностранных дел высказывал мнение, что этим самым Германия завоеует доверие Греции, что облегчит ее сближение с Тройственным союзом⁸⁵.

Начался нажим на Турцию. Ягов поручил поверенному в делах в Константинополе Мутнису заявить великому визирю, что все старания Германии помочь Турции в вопросе об островах оказались безуспешными и что Турции надо заботиться о своей экономической, политической и военной консолидации и согласиться с предложением Грей. Что касается Хиоса и Митилены, то они будут нейтрализованы, и поэтому Турции нечего беспокоиться за свои позиции в Малой Азии⁸⁶.

14 января 1914 г. германское посольство в Лондоне направляло английскому правительству меморандум, в котором правительство Германии давало согласие на предложение Грей, особо подчеркивая то обстоятельство, что передача островов Греции должна иметь место только

⁸⁵ См. "Die groesse Politik.", Bd. 36, Nr. 14219, S. 446.

⁸⁶ Ibid., Nr. 14235, S. 460.

после эвакуации Северного Эпира. Германское правительство требовало от Греции также специальной гарантии о защите прав мусульманского населения островов⁸⁷.

Таким образом, Германия держала курс на затягивание окончательного решения вопроса об островах, создавая различные преграды, чтобы суметь за это время подготовить соответствующую почву для своих планов.

Другие великие державы в основном приняли предложение Грея от 12 декабря 1913 г. Только Гирс высказался против передачи Лемноса грекам, который «представляет серьезную опасность для выхода из Дарданелла»⁸⁸. Эту точку зрения поддержал морской министр России Григорович, считавший необходимым по стратегическим соображениям оставить в руках Турции острова, «запирающие Дарданелльский пролив»⁸⁹. Сазонов в связи с этим пересмотрел свою прежнюю позицию и согласился с мнением Гирса и Григоровича, но не поставил этот вопрос перед великими державами, считая это делом Турции⁹⁰.

Италия официально выразила согласие с английским министром, однако всячески стремилась затянуть эвакуацию войск с островов Додеканез. Министр иностранных дел Сани-Джулиано заявил германскому послу, что итальянское правительство не сможет защищать перед общественным мнением страны отдачу занятых Италией островов без получения соответствующей компенсации.

Прибывший в конце января 1914 года в Берлин премьер-министр Греции Венизелос просил гарантий в том, чтобы турки не напали на острова. Такой гарантией, по мнению греческого премьера, могла бы быть посылка военного судна для стационарирования у островов. Предложение Венизелоса встретило решительное возражение со стороны Ягона, Бетман-Гольвега и самого кайзера. Бетман-Гольвег писал кайзеру, что Германия имеет настолько важные и существенные интересы в Турции, что вряд ли пойдет на мероприятия враждебного характера

⁸⁷ См. "British documents...", vol. X, part I, p. 193.

⁸⁸ АВПР. ф. Канцлеров, 1913 г., л. № 115, л. 350.

⁸⁹ «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, стр. 3, примечание.

⁹⁰ Там же, стр. 45.

по отношению к ней. Германия также ответила отказом на предложение Думерга (министр иностранных дел Франции) отправить суда к Хиосу и Митилене. Ягов заявил, что Германия не примет участия ни в каких мерах принуждения в отношении Турции.

Подобные мероприятия шли вразрез с установками германской политики, которая прилагала усилия склонить Грецию и Турцию к союзу. Были предприняты попытки через посредничество Румынии наладить греко-турецкое взаимопонимание по вопросу об островах. Однако ввиду разногласий между Турцией и Грецией они не имели успеха. К тому же явно слабы были германские позиции в Греции. Русский посланник в Афинах Демидов отмечал падение влияния Германии в Греции со времен Балканских войн.

Для восполнения этого пробела правящие круги Германии решали принять радикальные меры. 29 марта 1914 г. Вильгельм II прибыл на остров Корфу для проведения переговоров с государственными деятелями Греции. Туда же прибыли канцлер Бетман-Гольвег, посол в Афинах Квадт, а затем и Вангенгейм. С греческой стороны в переговорах приняли участие король Константин, Венизелос и министр иностранных дел Стрейт.

Германский император выразил Стрейту сожаление, что Греция попала в большую зависимость к Франции, и упрекнул его в том, что греческое правительство не обратилось за займом к германским финансовым кругам. Из последующих высказываний Вильгельма II было ясно, что в случае конфликта со славянскими странами он хотел бы видеть Грецию на стороне Тройственного союза. По его словам, Греция должна быть плотной на Балканах против наступления славян.

16 апреля Бетман-Гольвег имел длительную беседу с государственными деятелями Греции, где приложил все старания, чтобы сблизить Грецию с Турцией.

Венизелос согласился на обсуждение с Турцией вопроса об островах, хотя при этом отметил неблагоприятное отношение греческого общественного мнения к Турции. Он дал согласие на установление формальной власти Турции над Хиосом и Митиленой при условии заключения греко-турецкого оборонительного соглашения, гарантирующего сохранение за Грецией приобретенных территорий на Балканах. Германская дипломатия одоб-

рила предложение греческого премьера, ибо оно содержало в себе пункт о заключении оборонительного греко-турецкого соглашения, на основании которого можно было в дальнейшем заключить военный союз.

Произведенный в Константинополе зондаж не оправдал надежд Германии. Талаат не пожелал идти на уступки Греции. Тогда кайзер поручил своим представителям в Константинополе сообщить великому визирю, что он ждет заключения оборонительного соглашения между Турцией и Грецией. Правительство Турции согласилось на переговоры с Грецией, но потребовало предоставления полного суверенитета над островами. Руководящие деятели младотурецкой партии считали этот вопрос вопросом престижа Турции. В противном случае Турция, по их словам, потеряла бы авторитет среди всех мусульман.

Ягва считал, что требуемый турками полный суверенитет над островами греческое правительство не сможет отстоять перед своим парламентом.

Все старания вернувшегося в Константинополь Вангетейма добиться соглашения между Грецией и Турцией потерпели фиаско. Уж слишком остры и непримиримы были противоречия между этими государствами.

В мае—июне 1914 года резко обострились греко-турецкие отношения.

Обе стороны стали готовиться к агрессивным акциям. Поддержанная английскими дипломатическими кругами, Греция приняла решение высадить десант в Малой Азии, что вызвало недовольство Вильгельма II. Таким образом, новая линия поведения Греции восстанавливала против нее Германию. К тому же сараевское убийство и обострение общего политического кризиса в Европе окончательно изменили отношение Германии к проблеме союза между Турцией и Грецией.

Попытка правящих кругов Германии перетянуть на свою сторону Грецию и создать на Балканах и Ближнем Востоке блок государств под своей эгидой потерпела неудачу. Причиной тому явились непримиримость греко-турецких противоречий и работа дипломатии Антанты по вовлечению Греции в свою группировку держав. Грецию же привлекала перспектива борьбы на стороне Антанты, ибо политика последней совпадала с политическими целями греческих правящих кругов.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПО ПОВОДУ МИССИИ ЛИМАНА ФОН САНДЕРСА

История отправки миссии Лимана фон Сандерса

Чтобы исследовать историю германской военной миссии Лимана фон Сандерса, необходимо осветить некоторые вопросы, непосредственно связанные с военной политикой германского империализма на Ближнем Востоке в предшествующий период, особенно во время Балканских войн.

Активным проводником колоннальной экспансии германского империализма в Турции являлась миссия фон дер Гольца (1909—1912 гг.).

После революции 1908 года младотурки принялись за реорганизацию своей армии. Германия, сумевшая переориентироваться и установить связи с младотурецкими кругами, предложила им своих военных инструкторов. Весной 1909 года в Турцию вновь прибыл фон дер Гольц. Кайзер и канцлер Булоу дали фон дер Гольцу задание — содействовать сближению Турции с Тройственным союзом и укрепить ее в военно-политическом и экономическом отношении. Фон дер Гольц был назначен вице-председателем турецкого высшего военного совета. Он поддерживал постоянную связь с ведомством иностранных дел в Берлине.

Осенью 1909 года фон дер Гольц написал секретный рапорт, в котором высказал мнение, что если удастся установить некоторый порядок и провести подготовку к мобилизации, то турецкая армия будет пригодна для защиты владений Османской империи. Однако потребуется срок от 3 до 5 лет, чтобы турецкая армия смогла сыграть роль в политических расчетах Германии.

При активном участии фон дер Гольца была принята (на германских основах) новая система подготовки офицеров генерального штаба. В 5 армейских округах были созданы образцовые части (полки, батальоны) под командованием немецких офицеров. Введен новый военный закон, согласно которому несение воинской повинности распространялось и на немусульманское население империи. Территорию Турции разделили на военные округа. Каждая дивизия должна была состоять из 3 родов оружия (3 полка пехоты, 1 полк артиллерии и 1 полк кавалерии). Кроме того, было решено сформировать в каждом корпусе полк тяжелой артиллерии.

Германские офицеры стремились захватить фактическое руководство и в военно-учебных заведениях. Если в 1909 году немецких инструкторов было 16, то в 1911 году их стало 25.

Русский военный агент в Турции генерал-майор Хольмсен, оценивая результаты деятельности фон дер Гольца в 1909 году, отмечал усиление централизации в военном аппарате и армии. Так, почти самостоятельное главное артиллерийское управление было подчинено военному министерству, а полевая артиллерия — начальникам крупных войсковых частей. Далее Хольмсен писал, что благодаря фон дер Гольцу пехотным частям были приданы санитарная, обозная и инженерная службы, подготовлен законопроект об упразднении резервных (редивных) частей, разработаны новая мобилизационная инструкция, новые уставы, организовано полевое обучение войск, пересмотрен план сосредоточения армии на различных фронтах¹.

Германские промышленники воспользовались пребыванием фон дер Гольца в Турции, чтобы получить новые военные заказы. С его помощью вновь соединились прерванные нити связей между «Дейче банк» и Портой. Русский военно-морской агент в Турции капитан Щеглов писал, что Гольц «решает потребность в вооружении, боевых припасах, приборах и, конечно, все заказы сдают германским фирмам»².

На заводы Круппа, Эрхардта, Маузера, Максима, Шварцкопфа стали поступать новые заказы. По непол-

¹ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000/2, оп. 1, ед. хр. № 753, л. 13.

² Там же, ед. хр. № 476, л. 126.

ным данным, Турция за 1908—1910 годы приобрела 150 скорострельных орудий, 100 000 винтовок «маузер» и 350 млн. ружейных патронов. В 1910 году последовали новые контракты с Крупном на поставку шрапнели и других снарядов на сумму 214 749 турецких лир, орудий — на 352 620 марок. Несколько контрактов на поставку снарядов было заключено с Эрхартом. У Максима заказано 100 пулеметов. У Шварцкофа куплено четыре быстроходных контрминоносца и большое количество мин².

В 1910 году Гольц составил новый секретный доклад. Он писал, что уже настал момент для того, чтобы уделить более серьезное внимание усилению Турции и определить ее роль и место в столкновении великих держав. Он указывал на выгодное географическое положение Турции, откуда можно нанести удар по английским владениям. Гольц высказался за ускорение строительства железнодорожных линий к египетской и иранской границам³.

Таким образом, деятельность фон дер Гольца и немецких инструкторов находилась в соответствии с германскими планами на Ближнем Востоке и преследовала политические цели. Миссия Гольца выполняла требования германских монополистов, обеспечивая их военными заказами.

Поражение турецкой армии в первой Балканской войне явилось полной неожиданностью как для самих турок, так и для их немецких хозяев.

Дело в том, что фон дер Гольц незадолго до войны сделал хвастливое заявление. Когда германский император спросил у него, все ли у турок готово к войне, Гольц ответил: «Совершенно так у нас». Дальнейшие события показали «подготовленность» Турции к войне, и сказанная фраза стала служить предметом многих насмешек⁴.

Начальник германского генштаба Мольтке с удивлением спрашивал: «Неужели фон дер Гольц так мог обмануться в своих расчетах?».

² См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, ед. хр. № 476, л. 50; ед. хр. № 3826, лл. 21, 28, 306, 307.

³ См. С. Goltz, *Denkwürdigkeiten*, В., 1929, SS. 317—318.

⁴ А. Могилаевич, М. Айрапетян, *На путях к мировой войне. 1914—1918 гг.*, Л.—М., 1940, стр. 116.

Фон дер Гольц пришлось выступить с самореабилитацией. Он написал небольшую книжку¹, где сделал попытку полностью снять с себя вину за разгром турецкой армии и свалить все на младотурок. Германский фельдмаршал выдвинул ряд причин поражения Турции. Одну из них он видел в недостатке времени для проведения военных реформ. Другая причина заключалась в совершенной неподготовленности турецких призывников. Гольц указывал на слабую теоретическую и тактическую подготовку турецких офицеров. Он обвинял младотурок в переоценке своих сил и недооценке сил противника. Он отмечал также плохое снабжение турецкой армии провиантом, обмундированием, боеприпасами, техникой.

В заключение Гольц попытался утешить младотурок, ибо уже в результате первой Балканской войны Турция потеряла большую часть своих европейских владений. Он писал, что европейские провинции Турции являлись очагами беспорядков, поглощали много средств и теперь, освободившись от них, турецкий организм окреп и может обратить все внимание на свою азиатскую территорию.

Многие причины поражения, приводимые Гольцем, являются обоснованными. Однако нельзя согласиться с фон дер Гольцем, старавшимся снять с себя вину в во- просах планирования и ведения операций. В частности, такой порок, как переоценка своих сил и недооценка сил противника, присущ в первую очередь прусской военной доктрине и, естественно, был присущ туркам их немецкими учителями.

Однако действительные причины поражения Турции коренились как во внутреннем строе Османской империи, так и во внешнеполитической обстановке.

В период первой Балканской войны Германия укрепляла свои позиции на Ближнем Востоке, посылая в восточное Средиземноморье военные корабли. Осенью 1912 года, когда болгарская армия продвинулась вперед и возникла угроза Константинополю, великий визирь обратился к державам с просьбой послать в Константинополь международную эскадру как для защиты целостности

¹ См. G. Goltz, Die jungen Türkei Niederlage und die Möglichkeit ihrer Wiederaufhebung, B., 1913.

Турция, так и для защиты их интересов. 1 ноября 1912 г. кайзер отдал приказ об отправке линейного крейсера «Гебен» и легкого крейсера «Бреслау» в воды Средиземного моря.

В германском морском генеральном штабе это рассматривалось как событие большой важности, ибо в течение долгих лет германский флот был представлен на Средиземноморском театре судном «Лорелей» и учебными кораблями, плававшими в Средиземном море только в зимнее время.

Западногерманский историк Хубач отмечал, что «Гебен» и «Бреслау» были боеспособные суда океанского флота, а австро-венгерский и итальянский флоты получали желаемое подкрепление. Планы разработки совместных операций стали на повестку дня.

По идее начальника германского морского генерального штаба адмирала Херингена, одобренной кайзером, главное внимание должно было уделяться операциям на южном побережье Франции и во французских портах в Северной Африке. Кроме того, объединенный флот должен был препятствовать транспортировке французских войск по морю⁷.

В то время в Берлине руководители внешней политики Германии опасались, что она будет обойдена при дележе земель Османской империи и ее интересам на Ближнем Востоке будет нанесен непоправимый ущерб. Правящие круги Германии предполагали в случае раздела территории Османской империи заполучить в свои руки Месопотамию и примыкающие к ней с запада области, включая Александретту и Марсину. Весной 1913 года в Германии распространился слух о подготовке России к нападению на Турцию через Кавказ и Северный Иран. И Вильгельм II бросил клич: «Раздел не должен иметь место без нас!»⁸. Кайзер распорядился образовать постоянную Средиземноморскую эскадру. В Средиземное море были направлены дополнительные силы.

Однако из опасения, что эти акции вызовут решительный отпор со стороны Англии и Франции (ибо германские корабли находились в зоне, затрагивающей

⁷ См. W. Hubatsch, Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848—1945, Fr./M., 1958, 55, 152, 156, 158.

⁸ E. Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkrieg, S. 515.

непосредственные интересы этих стран) и преждевременно обострится обстановка, а тем самым могут сорваться немецкие планы, Германия вскоре же отозвала часть своих морских сил.

Но основное ядро Средиземноморской эскадры — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» были оставлены в Средиземном море. Этим немецкий империализм получал дополнительный форпост для проведения активной политики на Ближнем Востоке.

Германская Средиземноморская эскадра мыслилась как связующее звено между флотами Австро-Венгрии и Италии. Эти два корабля сыграли впоследствии большую роль в вовлечении Турции в мировую войну на стороне Тройственного союза. Германский император полагал, что объединенный флот Тройственного союза в Средиземном море будет сильнее флота стран Антанты.

Отправка новой германской военной миссии в Турцию была задумана кайзером Вильгельмом II вскоре после начала первой Балканской войны. Все необходимое для ее отправки было подготовлено германской императорской военной канцелярией. В соответствии с этим генеральный штаб разработал план мероприятий по перестройке организации турецких военных сил. Предусматривалось расширение обязанностей генералов военной миссии вплоть до назначения их командующими отдельными частями турецкой армии, а немецких офицеров — в качестве начальников военных школ, советников в генеральном штабе⁹.

План мероприятий преследовал следующие цели:

- 1) подготовку турецкого командного состава на началах полного признания германского авторитета;
- 2) скорейшее подчинение турецких войск немецкой власти как в Европейской, так и в Азиатской Турции;
- 3) сооружение надежных оборонительных пунктов на границах Европейской Турции и опорных пунктов на восточной границе;
- 4) полную реорганизацию снабжения турецкой армии и флота¹⁰.

⁹ См. С. Сазонов. Воспоминания, Париж, 1927, стр. 140.

¹⁰ См. ЦГВИА, ГУГИШ, ф. 2009, оп. I, ед. хр. № 1235, л. 84. В дальнейшем этот план модифицировал в сторону большего внимания к кавказской, греческой и египетской границам.

Далее германский генеральный штаб выработал проект, заключающий подробные расчеты расходов на содержание армии, на ее снабжение вооружением, снаряжением и продовольствием. Предварительно предлагалось назначить по 2 немецких офицера-инструктора на каждый пехотный полк, по 1 офицеру на каждый батальон полевой артиллерии и 10 офицеров на полевые технические войска.

Немедленно были даны соответствующие инструкции германскому послу в Константинополе барону Вангенгейму и военному агенту майору Штремпелю.

Вангенгейм восторженно отзывался о новом немецком плане. Он писал канцлеру, что «державна, которая контролирует армию, всегда будет в Турции наиболее сильной. Если мы будем контролировать армию, то невозможно будет никакому враждебному Германии правительству удержаться у власти»¹¹.

Учтя уроки первой Балканской войны, руководящие круги Турции тоже стремились провести реорганизацию своей армии.

Еще в январе 1913 года германский посол сообщал, что турецкое правительство думает поставить немецкого генерала во главе своей армии.

После январского переворота 1913 года и назначения Махмуд-Шевкета великим визирем вопрос об отправке миссии в Турцию стал быстро форсироваться. В одной из бесед с Джемалем Махмуд-Шевкет заявил о намерении пригласить германских инструкторов в турецкую армию и принять там германскую систему обучения.

2 апреля 1913 г. великий визирь просил через Штремпеля по заключении мира назначить несколько германских офицеров для проведения работ по укреплению Константинополя. Германский император дал на это согласие и добавил, что офицеры направятся в Турцию, как только закончится Балканская война¹².

22 мая 1913 г. последовало официальное обращение великого визиря к кайзеру, выражавшее собой просьбу прислать военную миссию для реорганизации армии.

Обострившаяся международная обстановка (в связи с Балканскими войнами) не позволяла правящим кругам

¹¹ "Die grösse Politik...". Bd. 38, Nr. 15439, S. 290.

¹² Ibid., Bd. 38, Nr. 15436, S. 195.

Германии сразу перейти к осуществлению намеченных мероприятий. Кроме того, они предприняли попытки проинвестировать предварительный зондаж с целью получить согласие великих держав (в частности, России и Англии). Такой случай представлялся в конце мая 1913 года, когда состоялось бракосочетание дочери Вильгельма II. По этому случаю в Германию прибыли Николай II и английский король Георг V.

Во время обеда германский император как бы незначительный затронул вопрос о намерении отправить в Турцию военных инструкторов. Русский царь не возражал.

Сазонов в своих мемуарах рассказывает о том, что по возвращении в Россию царь несколько раз беседовал с ним о своих берлинских впечатлениях. «Упоминая о своих разговорах с Вильгельмом II, — писал Сазонов, — государь сказал мне, что как-то раз император, среди других маловажных предметов, коснулся с ним вопроса о посылке в Константинополь, по просьбе турецкого правительства, новой военной миссии... по примеру прежних однородных миссий, уже много лет посылавшихся в Турцию. Государь ответил, что если новая миссия не будет отличаться от прежних, то он, само собою разумеется, не будет возражать»¹³.

Отсюда можно заключить, что, во-первых, разговор шел о возобновлении деятельности инструкторов на прежних основах и, во-вторых, Вильгельм дал понять, что это носит настолько несущественный характер, что ни царь, ни Сазонов, узнавший об этом, не придали ему никакого значения.

Германский канцлер Бетман-Гольц также признает, что тогда говорили только в плане возобновления прежней военной миссии Гольца. Когда спустя полгода, в разгар дипломатического конфликта, председатель Совета министров России Коковцов имел встречу с канцлером и последний сослался на согласие Николая II, Коковцов ответил, что это согласие было дано на посылку инструкторской миссии¹⁴.

Что касается английского короля, то германский

¹³ С. Сазонов, Воспоминания, стр. 139.

¹⁴ См. «Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 гг.», М., 1922, стр. 625 (далее: «Материалы...»).

император уверял, что Георг V также согласился с его предложением.

Французский же посол в Лондоне Поль Камбон по этому поводу писал о своей беседе с Георгом V¹⁸. Английский король подтверждал, что германский император говорил с ним и царем насчет германской военной миссии в Турцию. Однако Вильгельм затронул этот вопрос слегка, без каких-либо настояний. По словам Георга V, ни он, ни царь не выдвинули возражений, ибо они поняли это так, как будто речь идет о продолжении миссии фон дер Гольда. Далее английский король сказал, что император Вильгельм использовал здесь один из привычных ему способов, ибо он уже стал мастером в искусстве ловко вставлять в беседу слово, которое ему по сердцу, но которое не возбудило бы внимания у собеседника, а затем придавать словам собеседника подчеркнутый смысл.

Таким образом, из всего сказанного можно заключить, что кайзер обманным путем получил согласие обоих монархов. В действительности это согласие было дано на миссию прежнего типа. Отсюда видна вся несостоятельность аргументов германской дипломатии относительно согласия царя и английского короля на отправку новой германской военной миссии в Турцию.

11 июля неожиданно был убит Махмуд-Шевкет-паша. Его преемником был назначен египетский принц Санд Халим. Из характеристики первого драгомана русского посольства в Константинополе Мандельштама видно, что Санд Халим был слабохарактерным человеком и не имел политического веса. Небезынтересно отметить, что Вагтенгейм указывал на Санда Халима как на сторонника Германии, стоящего за приглашение немецких инструкторов¹⁹.

Санд Халим заверил Вагтенгейма, что он будет принимать во внимание немецкие интересы и считаться с германской точкой зрения, а также приглашать иностранных военных инструкторов с его согласия.

В Германии подбирали кандидата на пост начальника военной миссии. Выбор пал на генерал-лейтенанта Лимана фон Сандерса. Отто Лиман фон Сандерс родился

¹⁸ См. "Documents diplomatiques...", 3-e serie, vol. 9, p. 172.

¹⁹ См. "Die grosse Politik...", Bd. 38, Nr. 15312, S. 44.

в 1855 году в семье богатого землевладельца. В 1874 году был произведен в офицеры и начал служить в 115-м гессенском пехотном полку. По окончании военной академии (1889 г.) был переведен в 23-й драгунский полк. Затем был командиром 15-й кавалерийской бригады, инспектором 4-й кавалерийской инспекции. Занимал ряд должностей в генеральном штабе. С 1911 года являлся командиром 22-й дивизии в Касселе. В 1913 году (по случаю 25-летнего юбилея императора) был произведен в генералы и получил права дворянства. Русский военный агент в Берлине полковник Базаров писал, что, «несмотря на свой 58-летний возраст, генерал Лиман очень бодр и слышет строгим начальником, обладающим вместе с тем талантом искусного организатора»¹⁷. Подобную характеристику дает Сандерсу начальник императорской военной канцелярии барон фон Линкер, отмечая, что это отличный, всесторонне образованный командир.

15 июня 1913 г. Лиман фон Сандерс был вызван в германскую императорскую военную канцелярию. Ему предложили пост начальника военной миссии, на что он без промедления дал согласие. 30 июня кайзер назначил Лимана фон Сандерса начальником германской военной миссии в Константинополе, а барон фон Линкер сделал соответствующее представление ведомству иностранных дел. При этом Линкер подчеркивал, что необходимо пока все держать в строгой тайне.

В конце августа, после заключения Бухарестского мира, по указанию кайзера и канцлера германо-турецкими переговорами по поводу миссии был дан ускоренный ход. Руководящие круги Германии требовали проведения переговоров в секретности вплоть до ликвидации болгаро-турецких разногласий.

В начале октября 1913 года проект договора получил одобрение кайзера, высших военных должностных лиц и ведомства иностранных дел Германии. В конце октября договор был одобрен турецким советом министров, а спустя месяц Лиман фон Сандерс подписал договор¹⁸.

¹⁷ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 3002/с, оп. I, ед. хр. № 718, л. 63.

¹⁸ См. С. Mühlmann, Deutschland und die Türkei 1913—1914, SS. 88—92.

По договору, заключенному сроком на 5 лет, начальник военной миссии генерал Лиман фон Сандерс наделался обширными правами и полномочиями. Он назначался командующим I-м армейским корпусом (в Константинополе), членом высшего военного совета Турции. Его голос должен был приниматься во внимание при решении всех важнейших вопросов, касающихся турецкой военной жизни, дисциплины в турецкой армии, расходов на ее содержание, реорганизации военно-учебного дела, практических занятий, вооружения армии, снаряжения, обмундирования, интендантства, призыва в армию, предварительных работ по мобилизации и т. д.

Понимая этого, генерал Лиман фон Сандерс должен был стать непосредственным начальником всех военных школ, учебных лагерей, а также всех иностранных офицеров, находящихся на военной службе в Османской империи. Без его согласия ни один иностранный офицер не мог быть приглашен на турецкую службу. Он должен был решать вопрос об отправке турецких офицеров на учебу в Германию. Лиман фон Сандерс получил право инспектировать войсковые части, укрепления, железные дороги, гарнизоны и т. п. Причем все это он имел право производить конфиденциально. Лиман фон Сандерс брал на себя дело теоретической подготовки офицеров турецкого генерального штаба. Для выполнения обязанностей главы миссии ему предоставлялся ежегодно 1 млн. марок за счет Германии, в то время как прежние немецкие военные миссии получали всего 30 тыс. марок в год.

Ясно, что договор миссии Лимана фон Сандерса не может идти ни в какое сравнение с прежними германскими военными миссиями. Генерал Лиман получал эффективную командную власть и мог контролировать положение в турецкой столице и провинциях. Это обстоятельство придавало миссии характер большой политической важности.

Если фон дер Гольц проводил работу во время периодических наездов, то работа новой миссии должна быть постоянной. Именно в отсутствии этой непрерывности видел Вангентейм одну из главных причин поражения турецкой армии.

Увеличивалось число командированных офицеров. Если при фон дер Гольце насчитывалось 25—30 инструкторов,

торов, то в состав новой миссии первоначально было включено 42 человека, в том числе сам Сандерс.

Нужно отметить, что германское правительство оставило за собой право увеличения в дальнейшем состава командированных офицеров, которое должно было производиться секретным порядком.

Таким образом, если миссия Гольца ограничивалась периодическими инспектированиями войск, организацией маневров и назначением нескольких германских инструкторов командирам образцовых частей, то работа миссии Лимана фон Сандерса охватывала все сферы турецкой военной жизни. Новая миссия получала ключевые позиции как в генеральном штабе, военном министерстве, так и в ряде крупных войсковых соединений. Русский военный агент в Турции Леонтьев писал о миссии Лимана фон Сандерса, что «не может быть сомнения в том, что германское правительство, посылая свою новую выборную, в полном смысле слова чрезвычайную миссию для сколачивания турецкой армии, заранее и вполне обеспечило себе необходимые гарантии относительно будущего образа действий означенной армии, при интересующих его условиях».

Не для войны с Грецией будут готовить немцы турецкую армию, а на случай будущего общеевропейского столкновения, рассчитывая использовать ее для своей чашки весов.

Младотурки явно запродали себя и интересы своей родины немцам и, если не произойдет перемены в политическом режиме, во всех военных и политических вопросах готовятся плясать под немецкую дудку²⁸.

Миссия Лимана фон Сандерса пользовалась популярностью в германских военных кругах. Около 300 германских офицеров заявили о своем желании работать в этой миссии.

Следует отметить, что в течение 1913 года правящие круги Австро-Венгрии предприняли не одну попытку организовать отправку своих офицеров в турецкую армию. Однако их германский союзник, пользуясь монополией положением в этой области, наотрез отказался от совместной работы с австрийскими офицерами в вооруженных силах Турции.

²⁸ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 26004, кн. I, д. 1, л. 752, л. 181.

Таким образом, с конца 1912 года в ближневосточной политике германского империализма наступил новый этап. Правящие круги Германии решили отправить в Турцию новую военную миссию с далеко идущими планами и обширными полномочиями. Она должна была стать одним из главных орудий колониальной политики Германии. Военная миссия должна была обеспечить за германским империализмом господствующие позиции в турецких вооруженных силах, подготовить плацдарм для войны против его врагов, способствовать вхождению Турции в состав австро-германского блока. В результате переговоров с турецким правительством Германии удалось добиться согласия на отправку военной миссии и заключение контракта. Однако вмешательство великих держав создало новые препятствия на ее пути. Возник крупный дипломатический конфликт.

Начало дипломатического конфликта. Русско-германские переговоры

Начиная со второй половины октября 1913 года на страницах германской печати, близкой к правительственным и деловым кругам, появлялись статьи, ратующие за отправку новой германской военной миссии в Турцию. Эти статьи были инспирированы свыше и имели целью подготовить общественное мнение Германии к задуманному шагу.

«Фоссшпе цейтунг» рассматривала это как признак благоприятного поворота турецкого общественного мнения в отношении Германии. Газета отвергала обвинения в ответственности германских инструкторов за неудачи в Балканских войнах. Особенно восторженно отмечались заслуги Вангенгейма, когда он сумел добиться назначения германского генерала неограниченными полномочиями. От нее не отставала и «Кёльншпе цейтунг», ставившая в пример деятельность французского генерала Эйду в греческой армии. За неограниченные полномочия германского генерала и за передачу немцам дела реорганизации турецкой армии высказались многие другие газеты.

Не остался в стороне и фон дер Гольц. В середине ноября он опубликовал небольшую статью, где в весьма

радужных перспективах рисовал предстоящую деятельность новой военной миссии в Турции²⁰.

Вскоре этот вопрос стал предметом обсуждения в дипломатических кругах. Первым забил тревогу русский посол в Константинополе Гирс. В телеграмме от 2 ноября 1913 г. он сообщил, что в Константинополе ожидается приезд новых германских инструкторов для турецкой армии.

Через несколько дней Вангенгейм сообщал Гирсу о предполагаемом предоставлении германскому офицеру командования корпусом в турецкой столице. Гирс предупредил, что это произведет неблагоприятное впечатление и державы не отнесутся к этому равнодушно, ибо германскому офицеру предоставляется важный в военном отношении район.

Русский военно-морской агент в Константинополе капитан Щеглов узнал о предстоящем контракте и об условиях пребывания германской военной миссии в Турции. «Все это означает, что в случае наших десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус»²¹, — сообщил Щеглов.

Сазонова в это время не было в Петербурге (он находился в Ялте), и его помощник Нератов тотчас же телеграфировал в Берлин послу Сьербееву, указывая, что подчинение корпуса в Константинополе германскому офицеру произведет в России нежелательное впечатление.

Нератов по этому поводу имел беседу с германским поверенным в делах в Петербурге Лушиусом и подчеркнул, что германский проект затрагивает «особые интересы» России²².

Незамедлительно последовал ответ Циммермана. Германский дипломат писал, что ему непонятны русские опасения, так как он высокого мнения о русской армии и ему кажется удивительным, что одна образцовая дивизия в Константинополе может угрожать России. А так как все державы желают сохранения «неприкосновенности» Турции и ее азиатских владений, то, по мнению

²⁰ См. «Neue freie Presse», 15. Nov. 1913.

²¹ ЦГАВМФ. ф. 418, оп. 1, кд. хр. № 10099, л. 11.

²² См. «Материалы...», стр. 632.

Циммермана, русские должны приветствовать немецкие мероприятия²³.

Таким образом, видно, что Циммерман пытался прик-крыть германские планы ссылкой на общие установки политики великих держав в отношении Турции. Этот тезис служил одним из аргументов, оправдывающих дей-ствия Германии во всех ее мероприятиях на Ближнем Востоке.

В беседе с русским послом в Берлине тот же Ци-мерман отметил, что Германия была вынуждена выпол-нить просьбу Турции об инструкторах, чтобы «изгладить ошибочные упреки, раздававшиеся против прежних гер-манских инструкторов после последних поражений Тур-ции»²⁴.

Свое мнение высказал Сазонов. В Петербург и Кон-стантинополь были посланы телеграммы, в которых рус-ский министр с нескрываемым беспокойством писал: «Немецкая военная миссия в пограничной с нами стране не может не вызвать в русском общественном мнении сильного раздражения и будет, конечно, истолкована, как акт явно недружелюбный по отношению к нам»²⁵. Сазонов выражал крайнее удивление, что этот важный вопрос не был затронут во время его пребывания в Бер-лине и объяснений с канцлером²⁶.

Русская дипломатия сосредоточила свой огонь глав-ным образом против пункта, предоставляющего герман-скому генералу командование корпусом в турецкой сто-лице.

Циммерман в ответ на это с лицемерной наивностью ответил русскому послу, что в момент проезда Сазонова через Берлин вопрос о германской миссии находился в самой неопределенной стадии. Поэтому ни канцлеру, ни ему не могло прийти в голову коснуться этого вопроса в разговоре с Сазоновым.

²³ См. "Die grosse Politik...", Bd. 38, Nr. 154-96, S. 207.

²⁴ «Материалы...», стр. 611.

²⁵ Там же.

²⁶ В сентябре 1913 года Сазонов посетил Париж и Берлин и имел встречи с руководящими деятелями обеих стран. Во время бесед обсуждались политические и экономические вопросы, связан-ные с положением дел на Балканах, в Малой Азии и Армении. Од-нако германские деятели ни словом не обмолвились относительно но-вой германской военной миссии в Турции.

На самом деле правящие круги Германии прекрасно понимали, что, во-первых, германская военная миссия затрагивает одну из самых чувствительных струн политики России, во-вторых, они опасались, что это обстоятельство вызовет неблагоприятные эксцессы и затруднит отправку миссии, ибо Сазонов тотчас же принял бы соответствующие меры.

Русская дипломатия соглашалась на предоставление германскому генералу командования турецким корпусом, но при условии, что его местопребывание исключало бы как Константинополь, так и пограничную с Россией территорию.

В это время Коковцов вел в Париже переговоры по поводу займов для строительства железных дорог в России. На обратном пути Коковцов должен был ехать в Берлин, чтобы выразить благодарность германскому императору за пожалование ему высшего прусского ордена «Черного орла». В дипломатических кругах России зародилась мысль использовать пребывание Коковцова в Берлине для выяснения вопросов, связанных с германской миссией. Сазонов направил Свербееву телеграмму (для передачи Коковцову) и просил Коковцова обсудить этот вопрос с высшим руководством Германии.

Германская дипломатия пыталась отмахнуться от требований России. Свербеев писал, что Циммерман становится все менее сговорчивым, «продолжая твердить, что у России нет никаких оснований для опасений и подозрений»²².

Немецкие дипломаты на первый план стали выдвигать аргумент о «согласии» царя на командирование новой германской миссии в Константинополь. 17 ноября 1913 г. в Берлин прибыл Коковцов, в беседе с которым германский канцлер высказал крайнее огорчение, что вопрос о миссии им не был затронут в бытность Сазонова в Берлине. Он сказал, что не сделал этого, так как командировка новых инструкторов в Турцию является продолжением 20-летней инструкторской деятельности Германии и до сих пор со стороны России не выдвигались какие-либо возражения. Бетман-Гольвег повторил избитый довод об обращении Турции к Германии, но

²² АВПР, ф. Канцлерия, 1913 г., л. № 55, л. 277.

добавил, что если бы немцы отказали ей, то Турция обратилась бы к другой великой державе.

Кокцов считал важным отметить то обстоятельство, что германское командование корпусом в Константинополе вызывает со стороны России самые серьезные возражения.

В заключение своих бесед с Бетман-Гольвегом Кокцов сформулировал свои соображения в виде просьбы, носившей альтернативный характер: «Или отказаться вовсе от командования турецкими войсковыми частями, заменив это командование организацией инспекции, примерно на ранее существовавших основаниях, или, если бы это оказалось невозможным по ходу принятых Германией обязательств перед Турцией, сосредоточить образцовый корпус не в Константинополе, а в каком-либо другом пункте, например в Адрианополе или в одном из пунктов Малой Азии, но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции»²⁴.

Собеседники не смогли прийти к какому-либо компромиссному решению, и вопрос остался фактически открытым. Германский канцлер в туманной форме намекнул, что займется поисками приемлемого для обеих сторон решения.

Аудименция у германского императора не отличалась логичной аргументацией. Кокцов снова изложил императору уже высказанные выше соображения правительства России о немецком командовании в Турции.

Со своей стороны кайзер говорил о своих встречах с русским царем и английским королем в мае 1913 года и о принципиальном согласии последних на новую миссию. Когда Кокцов начал конкретизировать и уточнять позицию царя, то Вильгельм не нашел ничего лучшего, как занять этот вопрос, сказав: «Стоит ли поднимать шум из-за такого пустяка? Постараемся уладить этот неприятный инцидент». Кокцов принял это заявление всерьез и сделал попытку убедить Вильгельма, что лучшим выходом из создавшегося положения является возвращение к инструкторской деятельности немцев в прежнем виде. Последовал незамедлительный ответ, что такая постановка вопроса неприемлема, так как опыт показал, что инспекционная власть не в состоянии создать

²⁴ «Материалы...», стр. 636.

строгую организацию и дисциплину и изолировать армию от политической деятельности. Поэтому германские инструкторы должны обладать сильной властью, чтобы перевоспитать турецких офицеров.

Общее впечатление Коковцова и Свербеева о переговорах было таково, что германское правительство нелегко уступит, если оно вообще уступит, ибо налицо все признаки «едва ли не законченной операции»¹⁹.

Визит Коковцова в Берлин не принес ожидаемых результатов.

После отъезда Коковцова из Берлина Сазонов выдвинул новую идею — одновременно с продолжением переговоров с германским кабинетом оказывать давление на турецкое правительство в Константинополе. Он полагал, что обращение России к Турции облегчит задачу Сандерса пересмотреть на месте техническую сторону вопроса, связанную с перенесением командования из Константинополя в другой центр.

В этой связи Ягов дал инструкцию указать русскому послу, что изменение местопребывания немецкого генерала не может быть осуществлено по техническим причинам, так как в столице находятся все военные учреждения и наиболее важные военные школы.

Прочитав записку Ягова, германский император сделал помету, в которой, в частности, говорилось: «Если бы мы согласились с русскими пожеланиями, то с нашим престижем в мусульманском мире было бы просто покончено»²⁰.

Против перебазирования немецкого командования за пределы столицы Турецкой империи выступил и сам Лямин фон Сандерс.

27 ноября 1913 г. Бетман-Гольвег написал письмо на имя Коковцова. Канцлер выражал «сожаление», что не может выполнить обещаний, данных Коковцову в Берлине. Он приводил все согласованные с кайзером доводы в оправдание своих действий и уверял, что у немецких офицеров нет никаких политических целей. Затем канцлер выдвинул новый довод — пребывание в Турции английской морской миссии, занимающейся реорганиза-

¹⁹ См. «Материалы...», стр. 626, 626—639.

²⁰ «Die große Politik...», Bd. 38, Nr. 16452, S. 219.

цией турецкого флота²¹. Бетман-Гольвег доказывал, что права и полномочия английского адмирала выше прав Сандерса. Дальнейшие старания русской дипломатии добиться изменения позиции берлинского кабинета не имели успеха. Бетман-Гольвег сообщал Сербову, что как он, так и кайзер сомневаются в возможности каких-либо изменений, ибо, во-первых, все уже предрешено, а, во-вторых, уступчивость Германии вызовет негодование общественного мнения²².

Пока официальные представители Германии и России вели бесполезные переговоры, на страницах русской печати началась кампания против новой германской военной миссии. Застрельщиком этого была газета «Новое время», которую В. И. Ленин характеризовал как выразительницу интересов крепостников-помещиков и реакционно-националистических правых кругов²³. Газета подчеркивала, что подчинение гарнизона Константинополя главе миссии «делает Германию единой вершительницей судеб Турции»²⁴.

В последующих номерах «Новое время» неоднократно отмечала, что германский генерал будет полновластным хозяином Османской империи, и упрекала младотурок, решившихся на такой рискованный шаг. Газета писала, что «на блистательную Порту так валет бронированный кулак, что турецкая политика делается уже не в Константинополе, а в Берлине»²⁵. В том же номере выражалось недовольство действиями русской дипломатии. «Невозможно сидеть сложа руки и решать только те вопросы, которые в окончательной форме кладутся на дипломатический стол Тройственным союзом», — писалось в газете.

В других русских газетах также освещался вопрос о миссии Лимана фон Сандерса. Газета «Виржевые ведомости» считала неудовлетворительными объяснения официальных кругов Германии о том, что сама Турция обра-

²¹ Впоследствии этот аргумент был выдвинут германской дипломатией на первый план.

²² См. АВГР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 48, л. 165.

²³ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 370—371.

²⁴ «Новое время», 31 октября (3 ноябрь) 1913 г.

²⁵ «Новое время», 12 (25) ноября 1913 г.

тилась в Берлин, и указывала на недопустимость, чтобы Германия получила «скрытый военный протекторат над Турцией»²⁶.

Дипломатия Антанты и германская военная миссия

Одновременно с ведением переговоров с берлинским кабинетом Сазонов решил постучаться в двери дипломатических учреждений Франции и Англии. Он хотел выяснить позицию обоих правительств в этом вопросе. Сазонов писал, что если дальнейшие требования России в Берлине не будут иметь результата, то можно «поставить вопрос о совместном посредничестве держав в Константинополе с указанием Порте, что предоставление Германии преимущественного положения поставит вопрос о соответственных компенсациях для других держав»²⁷.

Таким образом, новый план Сазонова предусматривал совместное выступление стран Антанты против усиления влияния Германии на Ближнем Востоке.

Министр иностранных дел Франции Пишон пригрозил турецкому послу в Париже Рифаату-паше прекратить переговоры с турецким правительством относительно получения нового займа. Он подчеркнул, что передача немцам командования первым турецким корпусом создает невозможное положение для держав Тройственного соглашения и эти державы вправе выдвинуть требования моральной и политической компенсаций.

Франция в общем была склонна поддержать требования России относительно компенсаций. Однако французское правительство не решалось выступить без согласия Англии.

Позиция английской дипломатии была сложна и противоречива, что определялось целым рядом обстоятельств, связанных с взаимоотношениями Германии и Англии.

Германский империализм, усиленно готовясь к мировой войне, делал определенную ставку на то, что Англия в случае войны останется нейтральной. С другой

²⁶ «Биржевые ведомости», 20 ноября (3 декабря) 1913 г.

²⁷ «Материалы...», стр. 642.

стороны, германская дипломатия прилагала все усилия для того, чтобы если не разорвать, то во всяком случае расшатать и ослабить Тройственное соглашение. Поэтому она старалась найти общую почву с Англией в турецком вопросе. Германские руководящие деятели, дипломаты делали упор на то, что только Англия и Германия могут восстановить и укрепить Турцию, а потому англо-германская гармония в Малой Азии — единственное спасение Турции²⁸.

Чтобы поддержать эти расчеты правящих классов Германии, англичане в свою очередь охотно пошли на встречу. Между Англией и Германией начались переговоры по вопросам Багдадской железной дороги и португальских колоний.

В то же время было не в интересах британского империализма отталкивать от себя своих партнеров по Тройственному соглашению. С Францией Англия была связана сухопутной и морской конвенциями. С Россией такового не было. Но, предвидя грядущую схватку и роль России в ней, английское правительство старалось поддерживать с Россией в общем хорошие отношения и не настраивать царское самодержавие против себя. Эти соображения отчетливо проявились в позиции английской дипломатии в период конфликта по делу миссии Лимана фон Сандерса.

Требования России о компенсации и совместных действиях в Константинополе не нашли благоприятного отклика у английских дипломатов. Грей дал понять, что подобные меры могут нарушить устойчивость режима в Турции.

Русский поверенный в делах в Лондоне Этер писал, что Грей разделяет мнение Сазонова о недопустимости подчинения константинопольского гарнизона германскому генералу. Грей допускал в принципе возможность компенсаций, но считал, что на практике их отыскать трудно. Далее Этер делал заключение, что английский министр считает целесообразным вести дружественные переговоры с Германией.

Эта двойственность английской дипломатии проходит красной нитью через весь конфликт.

Английские и французские дипломаты придержива-

²⁸ "Die grosse Politik...", Bd. 38, Nr. 15313, S. 49, 55.

лись того взгляда, что России следует продолжать переговоры с Берлином.

Тем временем между Парижем и Лондоном происходил усиленный обмен мнениями относительно совместного выступления в Константинополе.

В ходе англо-французских переговоров в текст, предложенный Пашоном для демарша в Константинополе, Грей внес изменения, которые сняли с его форму. При этом Грей указал, что, по его мнению, демарш должен быть произведен послами Англии, Франции, России. Ноты должны иметь идентичное содержание, но выступить с соответствующими заявлениями каждый посол должен в отдельности. В нотах говорилось, что вышеупомянутым правительствам стало известно о намерении турецкого правительства передать в руки германского генерала командование корпусом в Константинополе с большим штатом германских офицеров. Этим создавалось такое положение, которое до сих пор не занимал ни один иностранный офицер. Вопрос этот имеет серьезное значение, особенно для Османской империи. Но в то же время он касается всех великих держав, заинтересованных в сохранении целостности Турецкой империи. Если это соглашение будет принято, то весь дипломатический корпус в Константинополе будет во власти Германии, которая фактически захватит ключи к проливам. Чрезмерная власть германского генерала затронет верховные права султана и суверенитет самой Турции. Равновесие держав, на котором зиждется существование Турции, нарушится. Если Германия займет такое преобладающее положение в Константинополе, то другие державы будут побуждены к аналогичным требованиям для сохранения своего положения в турецких владениях.

Англо-французская дипломатия согласилась на демарш, чтобы снискать доверие России и вселить в последнюю уверенность, что обе державы всецело на ее стороне, так как Сазонов накануне сказал английскому поверенному в делах О'Берну, что возникшее дело по мнению Ламана будет испытанием прочности Тройственного соглашения.

Германия, получив командование в Константинополе, становилась твердой ногой как в столице, так и в проливах. Это беспокоило правящие круги Англии и Франции. Но вместе с тем они не желали усиления влияния

России в Османской империи и ставили задачу нейтрализовать русские требования о компенсации.

Вслед за официальными инструкциями британским представителям в России и Турции были посланы частные письма, целью которых было не допустить, чтобы демарш принял резкие формы. Образчиком такого рода «инструкций» может служить письмо Никольсона О'Берну, где говорилось: «С нашей стороны определено не имеется склонности таскать каштаны из огня для России»³⁹. В Константинополь была направлена телеграмма с указанием воздержаться от сильных воздействий на Турцию.

Но тут произошло событие, которое можно квалифицировать как непростительный промах русской дипломатии.

В расчете на то, что еще можно добиться уступок от Берлина, Сазонов просил министерства иностранных дел Лондона и Парижа дать своим послам в Турции указание «современить с обращением к Порте». Грей немедленно телеграфировал послу в Константинополе Маллету, рекомендуя отложить сообщение Порте до новых указаний. По тому же пути последовал и его французский коллега. Однако вскоре выяснилось, что предпринимаемые действия в Берлине России ничего не дадут.

4 декабря 1913 г. в Константинополе было опубликовано ираде (указ) турецкого султана, назначавшее Лимана фон Сандерса командующим 1-м армейским корпусом в Константинополе и председателем комиссии по реорганизации турецкой армии. В этом ираде нашли свое отражение основные положения договора о германской миссии⁴⁰.

Правительство Германии намеренно избегало давать какие-либо конкретные обещания России и настойчиво продолжало проводить свою линию. Германский император дал указание своим дипломатам держаться с русским послом холодно и не выказывать признаков любезности.

Сазонов понял, что сделал большую ошибку, попросил отложить демарш послов в Константинополе.

В Лондон и Париж вновь полетели телеграммы, в ко-

³⁹ "British documents...", vol. X, part I, p. 352.

⁴⁰ См. "Die grosse Politik...", Bd. 38, Nr. 18467, S. 237.

торых Сазонов подчеркивал необходимость немедленного обращения к Турции трех послов. Несмотря на министерский кризис во Франции, министерство иностранных дел дало указание своему послу в Константинополе говорить с послами России и Англии относительно вручения идентичной ноты турецкому правительству в форме, предложенной Сазоновым.

Однако Англия постаралась отойти от своих позиций и стать на путь отказа от поддержки ноты Сазонова. Грей считал, что нужно действовать очень осторожно. Он был готов удовлетвориться запросом информации о германском генерале и ограничиться устным заявлением в Константинополе⁴¹. Позиция Грея заставила официальных деятелей Франции существенным образом изменить свое отношение к демаршу. Уверия Извольского в полной солидарности с Россией, президент Пуанкаре и уходящий в отставку Пиншо вместе с тем высказали серьезное беспокойство относительно последствий предпринимаемого шага в Константинополе⁴².

По мнению Грея, послы трех держав должны были один за другим сделать устное заявление о желании ознакомиться с содержанием ирада и как бы кстати сделать свои замечания. В новом тексте совершенно снимался вопрос о компенсациях. Английский министр считал, что его предложение открывает дверь для приемлемых комбинаций.

Одной из причин перемены английской позиции являлась английская военно-морская миссия в Турции, призванная реорганизовать турецкий флот. Первая такая миссия появилась в конце 1908 года. На ней настоял сам Эдуард Грей, считавший это делом высшего политического значения. С мая 1912 года во главе английской военно-морской миссии стал адмирал Линмуэ.

Английский посол в Константинополе Маллет писал, что адмирал Линмуэ держит в своих руках командование турецким флотом. И на этом как турки, так и немцы сосредоточат свое внимание. Помощник Грея Никольсон также соглашался, что английская диплома-

⁴¹ См. "British documents...", vol. X, part I, pp. 368, 369.

⁴² См. АВПР, ф. Политархов, 1913 г., л. № 3008, л. 83.

тии в связи с этим не сможет возражать против назначения германского генерала.

В частном письме Грей Маллет выражал опасение, что дипломатические шаги великих держав по поводу германской миссии могут повлиять на «сохранение английского командования турецким флотом»⁴³. Несомненно, Грей учел в своих действиях ивение посла.

Другим обстоятельством, повлиявшим на изменение позиции Грея, явился договор, заключенный в первых числах декабря 1913 года, между турецким правительством и английским синдикатом «Армстронг—Витворт—Виккерс» сроком на 30 лет. Английскому синдикату давалось право на переоборудование доков и арсеналов Золотого Рога, а также устройство нового дока и морской базы в Измиде. Все связанные с этим заказы, включая постройку новых судов, должны были быть сделаны исключительно в Англии. Капитал синдиката — также английский. В начале января 1914 года было подписано дополнительное соглашение о постройке доков и мастерских для больших судов в Измиде, для малых — в Золотом Роге. Нет сомнения, что английские монополисты, боясь лишиться такой крупной сделки, оказали давление на Грея. Здесь отчетливо видна связь английской морской миссии со своими монополистическими объединениями.

Все это говорило о том, что Сазонов обманулся в своих расчетах. Оба партнера России по Тройственному соглашению повернули вспять, отказавшись как от своего первоначального предложения, так и от предложения Сазонова сделать демарш в Константинополе в форме письменной ноты. Но Сазонов все же решил попытаться заставить Грея вернуться к первоначальному проекту. В телеграмме русскому послу в Лондоне Бенкендорфу он указывал, что такое сообщение принесло бы скорее вред, чем пользу, и новое промедление ставит под вопрос успех совместного выступления в Константинополе⁴⁴.

Видя тщетность своих усилий, Сазонов направил в Лондон новую телеграмму, в которой выражалось резкое недовольство действиями английской дипломатии.

⁴³ См. "British documents...", vol. X, part 1, p. 360.

⁴⁴ См. АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. № 164, л. 141.

Он писал, что если Россия в конце концов вынуждена изменить свою позицию и согласиться на новый проект Грея, то это следует приписать отсутствию действительной английской поддержки. Сазонов отмечал, что «отсутствие солидарности между тремя державами возбуждает серьезные опасения», и он считал, что это является органическим недостатком Тройственного соглашения в противовес сплоченности Тройственного союза⁴⁵.

В свете этих событий Эдуард Грей решил прибегнуть к такому аргументу, который сразу бы отбил дипломатическую атаку Сазонова. Английский министр заявил Бенкендорфу, что он получил сведения о том, что английский адмирал обладает действительной командной властью в турецком флоте и это обстоятельство использует германский кабинет⁴⁶.

Это сыграло свою роль, и, потеряв всякие надежды на отказ Грея от своего нового проекта, Сазонов дал санкцию на устное заявление в Константинополе. Он писал Гирсу, что Россия вынуждена согласиться с предлагаемой Греком постановкой вопроса, так как для нее необходимо «сообразовать... выступления с той степенью поддержки, на которую мы можем рассчитывать со стороны наших друзей и союзников»⁴⁷.

13 декабря Гирс, Маллет и Бомпар (французский посол) сделали великому визирю устный запрос. Великий визирь в ответе пытался придать этому вопросу внутренний характер и отказал послам в возможности ознакомиться с договором германской миссии, усматривая в этом вмешательство во внутренние дела Турции.

Спустя два дня Санд Халим лишь отметил в беседе с Гирсом, что генерал Лимап приглашен в качестве начальника военной миссии, члена военного совета, инспектора школ и командира 1-го корпуса. Провидя, крепостные сооружения не входят в компетенцию германского генерала, и находятся в распоряжении военного министерства Турции⁴⁸.

Санд Халим выступал в защиту Германии, имея в виду интересы своей страны, ибо германская военная

⁴⁵ См. АВПР, ф. Канцлерия, 1913 г., л. № 164, л. 148.

⁴⁶ См. «Материалы...», стр. 629.

⁴⁷ Там же, стр. 660.

⁴⁸ Там же, стр. 661.

миссия нужна была Турции для укрепления армии, реализации своих захватнических планов.

Таким образом, эта дипломатическая атака держав Тройственного соглашения не достигла цели и встретила отпор со стороны официальных представителей Османской империи. Тем не менее она вызвала сильную реакцию со стороны правящих кругов Германии. Германский император был крайне раздражен и назвал этот демарш «неслыханной наглостью»⁴⁹.

Однако вскоре после получения известий из Лондона и Константинополя возбуждение в германских правящих кругах, вызванное демаршем, начало постепенно уменьшаться. Грей как участник демарша сказал Лихновскому, что Константинополь является чувствительным местом России и русско-английское взаимопонимание основывается на том, что Константинополь должен оставаться турецким и никакая другая держава не должна иметь там преобладающего влияния.

Вместе с тем Грей дал ясно понять, что он не собирается предпринимать какие-либо дальнейшие шаги в Константинополе, чего и добивалась германская сторона.

Сведения из Константинополя укрепили германских дипломатов в этом мнении. Вангенгейм писал, что великий визирь из бесед с английским и французским послами вынес впечатление, что оба посла (особенно английский) пошли на демарш очень неохотно.

Сазонов, видя, что демарш трех держав не дал каких-либо ощутимых результатов, снова забыл в набат. Он просил русского посла довести до сведения Грея, что ожидает от него «инициативных дальнейших шагов». В заключение русский министр желал осведомиться — не предпринимает ли английское правительство со своей стороны какие-либо попытки «сговориться с Германией на почве изменения контрактов английского адмирала и германского генерала»⁵⁰.

Английский министр и не собирался предпринимать какие-либо шаги ни в Константинополе, ни в Берлине. Он советовал подождать окончательного ответа турецкого правительства.

⁴⁹ См. АВПР, ф. Канцлария, 1913 г., д. № 38, л. 36; "Die grosse Politik...", Bd. 38, S. 251.

⁵⁰ См. «Материалы...», стр. 661—662.

На идею Гирса о переводе английского адмирала в Измир взамен перенесения резиденции Лимана фон Сандерса в Адрианополь Грей ответил, что он телеграфирует Маллету и, если это предложение будет приемлемо для турецкого правительства, он не только не будет возражать, но, напротив, поддержит эту меру. Грей очень хорошо понимал, что сообщение из Константинополя будет отрицательным. Но, чтобы оттянуть время и удержать Россию от новых шагов, для вида согласился с этим предложением. Маллет считал невозможным перенесение местопребывания английского адмирала в Измир до тех пор, пока арсеналы и доки не будут там построены. Адмирал Линпус также категорически возражал против этого¹¹.

А тем временем Лиман фон Сандерс начал готовиться к отъезду в Константинополь. В конце ноября и первых числах декабря он имел несколько бесед с германским императором. Вильгельм II настойчиво высказывал мысль о том, что турки в массе представляют отличный военный материал, который должен быть использован в интересах Германии¹².

9 декабря 1913 г. состоялась прощальная аудиенция. Напутственная речь Вильгельма II представляла собой программу предстоящей деятельности германской миссии. Он указал, что общий характер действий членов миссии должен носить отпечаток «осторожности, постепенности и настойчивости».

Важнейшими задачами миссии являлись: 1) установление полного контроля над деятельностью турецкого военного министерства; 2) внимательное наблюдение за политикой других держав в Турции; 3) укрепление Турции до такой степени, чтобы она могла оказать серьезное противодействие намерениям России; 4) добиться доминирующего влияния на внешнюю политику Турции.

Кайзер обещал увеличить финансовый бюджет миссии, добавив, что цифра сделанного авансового ассигнования не является окончательной.

14 декабря Лиман фон Сандерс вместе с 10 офицерами своей миссии прибыл в Константинополь. На следующий день члены миссии были приняты султаном, а

¹¹ См. "British documents...", vol. X, part. I, pp. 350—381.

¹² См. ЦГВИА, ГУТШ, ф. 2600, оп. I, кд. 3р. № 2870, л. 13.

спустя 5 дней Сандерс приступил к командованию I-м корпусом. Начальником штаба миссии был назначен майор фон Штремпель. Это назначение не было случайным, так как Штремпель около 7 лет работал в Турции и хорошо изучил ее.

Германские офицеры были приняты на турецкую службу с повышением на один чин. Среди прибывших можно указать на полковника Вебера, специалиста по крепостной артиллерии, полковника Бронзарта фон Шеллендорфа, стоявшего во главе одного из отделений германского генерального штаба, майора генерального штаба Фельдмана и др.

План Вангенгейма и ликвидация конфликта

Во второй половине декабря Германия начала проявлять склонность пойти формально навстречу пожеланиям России. Ибо главная цель уже была достигнута. Лиман фон Сандерс прибыл в Турцию и приступил к исполнению своих обязанностей. Теперь уже можно было осуществить кое-какие изменения в его положении, чтобы заткнуть этот вопрос и начать планомерно проводить задуманные мероприятия в вооруженных силах Турции.

В частном письме Вангенгейму Ягов предложил ему заняться поисками возможного выхода из положения, который в то же время не ударил бы по престижу Германии. Вангенгейм разработал план, сущность которого заключалась в следующем: он предлагал поставить Лимана фон Сандерса во главе всей армейской инспекции, то есть сделать генерал-инспектором. Это означало возвышение его положения, так как Лиман, по мысли посла, получал власть как над константинопольским, так и над андропопольским корпусом, и это решение не явилось бы отступлением перед Россией.

Россия же, полагал Вангенгейм, расценит отказ Лимана фон Сандерса от командования I-м корпусом как свой успех. Удовлетворятся этим и союзники России по Тройственному соглашению. На пути к осуществлению своего плана германский посол видел два препятствия. Первым препятствием был сам генерал Лиман фон

Сандерс. Вангенгейм характеризовал его как человека, относящегося к своему делу с большой серьезностью и энтузиазмом и не склонного идти на уступки. Вангенгейму стоило больших трудов убедить Лимана, что это не является понижением, а скорее расширяет его деятельность. Вторым препятствием германский посол считал Турцию. Он отмечал, что младотурки упорно настаивают на том, чтобы Лиман принял командование константинопольским корпусом, и ни за что не согласится на его отстранение от этого поста.

Таким образом, план Вангенгейма был направлен на решение стержневого вопроса всего конфликта — о командовании корпусом в Константинополе. Ведомство иностранных дел Германии в общем было склонно принять этот план. Однако против него возражал кайзер. Германский император считал, что новое предложение Вангенгейма вряд ли могло выглядеть иначе, как отступление перед Россией и Тройственным согласием.

Несмотря на это, Вангенгейм не считал свое дело проигранным. Он не терял надежды постепенно примирить как Турцию, так и кайзера со своим планом.

Параллельно с этим германский посол разработал процедурную часть своего плана. Великий визирь должен был заявить, что генерал Лиман принимает командование первым корпусом на короткое время, чтобы ознакомиться с турецкими войсками. Такое решение даст возможность Германии «заявить общественному мнению, что Турция, призывая военную миссию, свободна принять то решение, которое соответствует ее интересам»⁵².

Учитывая ход событий, Ягов дал инструктивную телеграмму в Константинополь, в которой писал, что Германия должна избегать всего того, что указывало бы на ее отступление перед Россией. Поэтому Ягов считал преждевременным всякое официальное соглашение о возможном изменении положения Лимана.

Затем Вангенгейм был вызван в Берлин для выработки окончательного компромисса.

Германский посол разработал новые обоснования своего плана и передал их на утверждение кайзера. Их

⁵² АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., л. № 115, л. 371; "Die grosse Politik...", Bd. 39, Nr. 15493, 53. 265—268.

суть состояла в том, что генерал Лиман будет повышен в чине. Это послужит предлогом для освобождения его от командования корпусом, так как новый чин не будет соответствовать должности командира корпуса. Генерал Лиман будет переведен на новую должность, которая даст ему возможность руководить всей турецкой армией. Канцлер об этом писал кайзеру не без намеков на то, что благодаря этому права Лимана расширятся, что, разумеется, выгодно Германии. Командование корпусом продлится столько, сколько необходимо для подробного ознакомления с деталями турецкого военного дела и его недостатками.

Таким образом, новое решение вопроса под видом компромисса еще более укрепляло позиции Германии и одновременно нейтрализовало агрессивные намерения России. Германский император одобрил новый вариант предлагаемого плана.

3 января султанским ирэдэ на пост военного министра был назначен Энвер.

«Новое время» писало, что назначение Энвер-бея военным министром признается дипломатическими кругами торжеством германского влияния на берегах Босфора, так как новый министр является убежденным сторонником Германии²⁴.

В 1908 году Энвер был никому не известным 26-летним поручиком, служившим в Македонии. После революции 1908 года Энвер исполнял обязанности военного агента (атташе) в Берлине, где завязал связи с германскими военными и промышленными кругами. Здесь на него обратил внимание сам кайзер. Можно предположить, что уже тогда он проникся духом германского милитаризма. Своим активным участием в январском перевороте 1913 года и захвате Адрианополя (в июле того же года) Энвер приобрел большую популярность в младотурецких кругах и в армии. Честолюбивый, беспринципный авантюрист, он очень быстро поднялся по служебной лестнице.

Общее мнение в России по поводу назначения Энвера военным министром сводилось к тому, что это назначение значительно облегчало осуществление планов Германии на Ближнем Востоке.

²⁴ См. «Новое время», 24 декабря 1913 г. (6 января 1914 г.).

Французский военный агент в Константинополе подполковник Мокор считал, что большая часть турецких офицеров положительно смотрит на прибытие германской военной миссии. По его свидетельству, прогермански настроенная верхушка младотурецкой партии поддерживала «патриотические» настроения как в армии, так и среди общественного мнения для оправдания приезда германской миссии. Вместе с тем она стремилась с помощью германских офицеров усилить армию для осуществления своей внешней политической программы.

После согласования с кайзером нового варианта по делу Сандерса германские дипломаты начали переговоры с русским послом Сербеевым и сообщали о них послу в Петербурге Пурталесу. 1 и 2 января Сербеев встретился с Вангенгеймом и Яговым. Германский посол говорил о повышении в чине генерала Сандерса и объяснял, что после этого он не останется командующим корпусом.

В присутствии Сербеева Ягов внес изменения в текст, выработанный Вангенгеймом для опубликования в печати. Ягов сообщил, что после согласия турецкого правительства этот текст может быть помещен в русских газетах. При этом Ягов выдвинул условие, что он не будет иметь вида «сообщения, делаемого с согласия германского правительства, и чтобы в дальнейшем ни с чьей стороны ему не было дано подобной интерпретации». Сербеев возразил, указав, что помещение такого текста вряд ли будет достаточным для успокоения общественного мнения России и не достигнет своей цели²². Ягов хотел провести новое назначение Сандерса в благоприятной с точки зрения престижа Германии форме. В тексте подчеркивалось, что германской миссии не придается политического характера. Далее там говорилось, что инструктор на некоторое время примет командование корпусом в Константинополе для ознакомления с турецкой армией. И когда он будет достаточно ознакомлен, командование корпусом перейдет к турецкому генералу, а генерал Лихман фон Сандерс займется более важным делом — реорганизацией всей армии. Командо-

²² См. «Материалы...», стр. 683, 684.

вание корпусом является лишь только этапом в деле реорганизации турецкой армии.

Сазонов указывал, что текст Ягова не может быть признан удовлетворительным, так как он допускает возможность передачи командования дивизией Константинопольского гарнизона германскому полковнику.

Англо-французская дипломатия была недовольна позицией Германии в переговорах с Россией. Ответственный сотрудник министерства иностранных дел Палеолог говорил германскому послу о безрезультатности русско-германских переговоров, делая намек на то, что в этом повинна немецкая дипломатия. Эдуард Грей в частном письме послу в Берлине Гошену просил заявить о том, что англичане не могут повернуться спиной к России.

Заявление аналогичного характера было сделано Греем Лихновскому.

Таким образом, английская дипломатия, придерживаясь своей основной линии, произвела некоторый нажим на немцев. Иначе англичане вели себя в отношении России. Сотрудники Форин оффис, с одной стороны, выражали надежду, что Россия будет воздерживаться от давления на германское правительство до выяснения результатов переговоров. С другой стороны, они старались показать, что принимают меры для воздействия на Германию. Грей балансировал между спорящими сторонами, создавая видимость, что он угождает и тем и другим.

Для более полного определения позиции французской дипломатии необходимо кратко остановиться и на франко-русских треннях по вопросу финансовой политики в Турции, имевших место в разгар событий, связанных с германской миссией. Франция, являвшаяся крупнейшим ростовщиком, на протяжении десятилетий оказывала финансовую «помощь» Турции как через Оттоманский банк, так и другими путями. Эту политику она продолжала проводить и в 1913—1914 годах, что вызвало большое недовольство царского правительства.

В начале октября 1913 года Порте был выдан один из французских банков аванс в размере 300 тыс. турецких лир на проведение «демобилизации» турецкой армии. В середине декабря великий визирь сообщил Бомпару о тяжелом финансовом положении Турции. Великий визирь просил 140 млн. франков.

Гире в телеграмме от 12 декабря определял общую задолженность Турции в 140 млн. турецких лир. Из них половина получена из Франции. «Занимодавцы Порты настолько заинтересованы в ее кредитоспособности, что всегда будут помогать Порте выпутываться из стесненного положения и находить необходимые ей для этого деньги, как это показали минувшие годы войн с Италией и балканскими государствами»⁸⁶. — писал Гире. Вскоре стало известно, что французский банк «Перье и К°» обязался выдать Турции ссуду в 40 млн. франков под 5-процентное обеспечение. Воспользовавшись предоставленным ему опционом, банк «Перье и К°» решил в течение месяца выдать Турции 80 млн. франков. Это событие стало предметом обсуждения в русской и французской печати, а также в дипломатических кругах обеих стран.

В защиту французских финансовых кругов выступила тесно связанная с ними, и особенно с фирмой «Шнейдер-Крезю», газета «Эко де Пари». В номере от 16 декабря она поместила статью, в которой указывала, что правительство Франции было бессильно помешать выпуску 5-процентных турецких обязательств казначейства, так как они выпускаются без допущения к котировке. «Эко де Пари» писала, что в случае отказа Франции Турция обратилась бы к Германии. Впоследствии стало известно, что эти средства пошли на закупку крупного судна в Англию.

Официальные представители министерства иностранных дел Франции ограничивались оговорками, что правительство не может контролировать операции частных банков. А в действительности илкануте нового года по просьбе Талаата из кассы Османского долга Турция было выдано 80 тыс. турецких лир якобы для выплаты пенсий. В 20-х числах декабря было подписано франко-турецкое соглашение об учреждении французских школ в Турции, о порядке содержания привлеченных к турецкому суду французов, об исках французских граждан, о повышении таможенных пошлин и монопольном ввозе некоторых товаров, а также о концессиях на общественные сооружения, предоставляемых французам. Со сво-

⁸⁶ АВПР, ф. Канцлария, 1913 г., л. № 132, л. 11.

ей стороны Франция обязывалась разрешить котирование большого турецкого займа на парижской бирже.

В целом франко-русские отношения базировались на военно-политическом союзе. Но в то же время Франция не желала делать кому-либо уступки в вопросе финансирования Турции и временами даже приносила в жертву союзнические обязательства.

В начале января 1914 года германская дипломатия продвигала новый вариант своего плана, продолжала воздействие на младотурок. Муттус писал 9 января, что великий визирь лично согласен с этим планом, но с трудом может повлиять на таких людей, как Талаат, Энвер, Джемаль. Далее он указывал о намерении через посольство Лимана и Штремпеля добиться согласия Энвера.

На следующий день тот же Муттус передавал, что Энвер согласился с предложенным вариантом при условии, что никто больше не будет говорить о каком-либо политическом давлении.

Но Сазонов не считал этот план удовлетворительным. Во-первых, сама предложенная форма для опубликования, по его мнению, не могла способствовать успокоению умов; во-вторых, не был точно указан срок передачи Лиманом командования корпусом.

В такой обстановка 31 декабря 1913 г. (13 января 1914 г.) по инициативе Сазонова было созвано Особое совещание. В записке царю от 23 ноября Сазонов писал: «Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценкой всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения»⁶⁷. Он считал, что с точки зрения непосредственных интересов России необходимо, чтобы в тот период проливами владела Турция. Если проливы попали бы в руки другого сильного государства, то, по мнению Сазонова, это означало бы полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству.

Особо важное значение Сазонов придавал географическому положению проливов. Его мнение сводилось к тому, что тот, кто завладеет проливами, получит в свои

⁶⁷ ЦГВИА, ГУТШ, ф. 2060, оп. 1, ед. хр. № 1833, л. 3.

руки не только ключи от Черного и Средиземного морей, но будет иметь также ключи для продвижения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах.

23 декабря 1913 г. (3 января 1914 г.) Сазонов составил новую записку, которая была посвящена уже непосредственно миссии Лимана фон Сандерса. Она была в тот же день одобрена царем. В записке нашли свое отражение многие моменты, связанные с ходом дипломатического конфликта во второй половине декабря 1913 и начале января 1914 года.

Сазонов выработал 8 тезисов, которые были разосланы русским послам и предложены вниманию Особого совещания.

Их основные положения сводились к следующему:

1. Россия не может примириться с пребыванием в Константинополе иностранного генерала, командующего турецкой военной частью, но допускает возможность командования германским генералом какой-либо частью турецких войск, расположенных вне Константинополя (например, в Адрианополе).

2. Министерству иностранных дел следует продолжать переговоры в Берлине и Константинополе.

3. Ввиду того что последние сведения о ходе переговоров указывают на двойственность германского правительства в этом вопросе, необходимо принять решение о мерах принуждения.

4. Эти меры могли бы заключаться в том, что Россия займет один из пунктов Малой Азии, например Трапезунд или Ваязид, заявив, что русские там останутся до выполнения своих требований.

5. Следует начать переговоры с английским и французским правительствами и выяснить заранее, может ли Россия в случае необходимости рассчитывать на соответствующую помощь со стороны Франции и Англии.

6. В переговорах нужно руководствоваться принципом «осторожного и дружного образа действий» трех держав, чтобы избежать обострения конфликта, которое может иметь своим последствием общеевропейскую войну. Но вместе с тем Россия должна приложить усилия, для того чтобы Франция и Англия довели начатое дело до конца.

7. Если эта точка зрения будет принята всеми тремя державами и переговоры в Берлине не приведут к жела-

тельному результату, надо условиться о мерах принуждения.

Таковыми могут быть:

а) последовательно проводимый финансовый бойкот Турции;

б) если бы этот метод не дал желательных результатов и не произвел должного воздействия, то три державы могли бы отозвать своих представителей из Константинополя;

в) одновременно правительства трех держав оповестили бы Турцию о сроке выполнения их требований, после чего приступили бы к осуществлению мер принуждения с предупреждением, что они прекратятся лишь по выполнении предъявленных требований.

8. В случае если бы для своевременного принятия мер принуждения со стороны России потребовались известные подготовительные меры военного характера, «как усиление частей на Кавказе, то эти меры желательно обставить возможно меньшей оглаской»²⁶.

Большинство идей Сазонова не были новыми. Их он выдвигал в различные периоды конфликта, когда германская сторона упрямствовалась и дело начинало заходить в тупик. На этой записке Сазонова сказались влияние, с одной стороны, умеренного крыла либеральной буржуазии и дипломатии Франции и Англии (п. 2), с другой — агрессивно настроенной реакционной части русской буржуазии, помещиков, военщины (пп. 3, 4, 76, 8).

Следует отметить, что идеи и тезисы Сазонова предусматривали действия только с согласия Англии и Франции, против которых эти страны возражали. Поэтому, несмотря на внешнюю агрессивность предлагаемых мер, они практического значения не имели.

Записка Сазонова с тезисами была разослана русским послам. От Гирса, Извольского и Бенкендорфа пришли ответы. Мнение Гирса почти совпадало с мнением Сазонова.

Извольский выражал серьезное сомнение в том, что правительство Франции решится на агрессивные шаги. Он даже считал финансовый бойкот трудно осуществимым.

²⁶ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 3000, оп. 1, ед. зр. № 1835, лл. 90—97.

Еще решительнее возражал Бенкендорф. По его мнению, всякий акт угрозы был бы направлен против Германии, хотя формально был бы адресован Турции. Бенкендорф писал, что этот путь не встретит одобрения в Париже и решительно отвергается Греем.

В Особом совещании приняли участие Кокцов, Сазонов, военный министр Сухоминов, морской министр Григорович, начальник генерального штаба Жилинский и др.⁵⁰

Участники совещания предварительно ознакомились с запиской Сазонова от 23 декабря 1913 г.

Взявший слово Кокцов отметил, что основная задача выражена в 1-м пункте тезисов записки. Это, по его мнению, должно служить руководящей нитью при обсуждении.

Военный министр Сухоминов подчеркнул, что обученные германской военной школой турецкие войска будут действовать против России.

Министр иностранных дел пригласил участников совещания перейти к обсуждению способов принуждения Турции. Кокцов высказался против мер принуждения, предложив продолжать переговоры в Берлине до тех пор, пока Россия не убедится, что этими переговорами нельзя достигнуть цели. Затем на обсуждение был выдвинут вопрос о содействии со стороны Англии и Франции.

Кокцов не скрыл своего недовольства позицией Англии, которая не оказала никакого существенного содействия стараниям петербургского кабинета, но добавил, что нужно воздерживаться от таких рискованных действий, как занятие портов в Малой Азии. Совещание arrived к следующим выводам:

1. Необходимо продолжать переговоры в Берлине о недопустимости для России командования германским генералом частью в Константинополе, но в то же время дать понять, что можно предоставить начальнику германской военной миссии полномочия по общей инспекции турецкой армии.

2. Переговоры в Берлине следует продолжать «до полной исчерпаемости».

3. Если выяснится их безрезультатность, перейти к

⁵⁰ См. «Вестник НКВД», 1919 г., № 1, стр. 26—32.

намеченным мерам воздействия с согласия Франции и Англии.

4. В случае необеспеченности активного участия Франции и Англии в совместных с Россией действиях не представляется возможным прибегать к способам давления, которые могут привести к войне с Германией.

Выводы, сделанные совещанием, показывают, что соображения умеренности одержали верх. У руководящих деятелей России не было уверенности в безоговорочной поддержке ее партнеров по Тройственному соглашению. Как и в записке Сазонова от 23 декабря, применение мер принуждения обусловлено согласием Англии и Франции. Но по сравнению с тезисами Сазонова выводы совещания отличались значительной умеренностью как по тону изложения, так и по степени их возможного применения. В случае несогласия Англии и Франции предусматривался отказ от применения агрессивных мер.

Другой причиной таких выводов являлось нежелание России в данный момент начать войну с Германией, так как военная и морская программы должны были быть завершены в 1918 году.

Во время работы Особого совещания германский поверенный в делах в Константинополе Муттус, сообщал Гирсу, что формула, способная облегчить освобождение Сандерса от командования 1-м корпусом, найдена, но не сказала, в чем она будет состоять. 14 января 1913 г. по распоряжению кайзера Линман фон Сандерс был произведен в чин генерала от кавалерии. Оставалось, чтобы Порта произвела его в турецкие маршалы. Через день и этот акт был оформлен. По этому поводу Гирс писал: «Как бы то ни было, полагаю, что следует считать вопрос исчерпанным»⁹⁰.

Германские правящие круги старались показать, что они пошли навстречу пожеланиям России. На самом деле это новое назначение отнюдь не уменьшило прав Сандерса, а значительно расширило поле его деятельности. Член германской миссии Мюльман писал, что отныне работа Сандерса не ограничивалась реорганизацией 1-го корпуса, а распространялась на всю армию.

⁹⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, стр. 31.

Руководящие деятели России и русская дипломатия внешне выражали удовлетворение, в действительности же не испытывали удовлетворения таким исходом дела.

Сазонов писал в связи с этим следующее: «Это новое назначение Лимана, очевидно, не уменьшало значения его как высшего начальника турецкой армии и поэтому в новой своей смягченной форме было нам неприятно и невыгодно, но дальше достигнутого успеха нам нельзя было идти без риска опасного обострения наших отношений с Германией»⁶¹. Весьма справедливо замечание Свербеева о том, что, кем бы ни был генерал Лиман фон Сандере, он сможет сосредоточить в своих руках всю власть над турецкими войсками.

Что же касается Франции и Англии, то правительства обеих стран с удовлетворением восприняли ликвидацию конфликта. Извольский писал, что, видимо, у французов «отлегло от сердца».

В общественных кругах России сквозило недовольство результатом дипломатического конфликта. Так, «Новое время» спрашивало русских дипломатов, что, может быть, они в самом деле думают, что, «добившись расширения реальной командной власти немецких генералов над турецкими военными силами, против первоначальных предположений, они одержали над кем-то какую-то победу?»⁶².

«Речь» призывала русских дипломатов принять «настоящие меры к ограждению интересов и прав России»⁶³.

Казалось, что теперь с формальной стороны больше не будет никаких возражений и конфликт можно было считать ликвидированным. Однако произошла новая вспышка дипломатического конфликта. Речь шла о предоставлении немецкому офицеру командования дивизией в Скутари (окрестность Константинополя), входящей в состав первого корпуса. Этот вопрос уже затрагивался в ходе русско-германских переговоров. Но тогда на первом плане стоял вопрос о командовании корпусом в Константинополе. Теперь же, после его разрешения, русская дипломатия взялась за командование

⁶¹ С. Сазонов, Воспоминания, стр. 148.

⁶² «Новое время», 8/31 января 1914 г.

⁶³ «Речь», 5/18 января 1914 г.

дивизией в Скутари. На Особом совещании все его участники признали неприемлемым такое командование, ибо оно предоставляло Германии господствующее положение в проливах, правда не в той степени, как командование корпусом. По указанию Сазонова Свербеев вновь затронул этот вопрос при встрече с Яговым.

Германский статс-секретарь в довольно резкой форме дал понять, что он не в состоянии что-либо прибавить к сделанной Германией «осознательной уступке». Свербеев отсюда заключил, что тщетно добиваться чего-либо нового в Берлине, и предложил Сазонову действовать в Константинополе.

Гулькевич (поверенный в делах) также сразу получил отпор от Мутисуса. Германский дипломат заявил, что уступка, сделанная Германией, является крайней.

Против возбуждения вопроса о Скутари была и английская дипломатия. Маллет считал, что Тройственное соглашение одержало победу в деле Сандерса и эффект будет сведен на нет, если будет поднят новый вопрос. С этим согласился Никольсон.

1 февраля 1914 г. Гулькевич писал, что назначение немца неминуемо в России придется примириться с этим.

В это время Бетман-Гольвег сообщил Пурталесу, что новые нападки на военную миссию будут рассматриваться как проявление сознательного недружелюбия и ответственность ляжет исключительно на Россию. Канцлер писал далее, что германское общественное мнение сочтет подобные шаги провокацией в отношении Германии. Сазонов уже не мог настаивать на своем.

Значительно умерили пыл Сазонова позиции, занятые Францией и Англией. Французский поверенный в делах в Петербурге Дуласс писал, что если русский посол в Константинополе выступит с протестом, то это практически ничего не даст; он останется в изоляции и не получит поддержки французского и английского посольств. Эдуард Грей считал, что Сазонов слишком преувеличил важность вопроса командования в Константинополе и не понимает, почему тот не удовлетворен исходом дела Сандерса.

21 февраля 1914 г. Сазонов направил царю докладную записку, в которой излагал ход событий о командовании дивизией в Скутари. Сазонов, в частности, пи-

сал: «Я волагал бы соответственным не приводить в исполнение предположения состоявшегося 31 декабря минувшего года Особого совещания касательно необходимости продолжать настояния в Берлине о недопустимости командования германским генералом частью в Константинополе, о чем приемлю смелость испрашивать всеисполнительных Вашего императорского Величества указаний». Последовала помета Николая II: «Не следует более настаивать»⁶⁴. Эта помета послужила указанием для ликвидации конфликта по делу командования дивизией в Скутари, а с ним вместе и всего дела миссии Лимана фон Сандерса. 24 февраля последовало ирада султана о назначении полковника Николай командиром дивизии в Скутари.

Итак, дипломатический конфликт по делу миссии Лимана фон Сандерса явился последним крупным дипломатическим конфликтом на международной арене перед началом первой мировой войны. Хотя дипломатия Тройственного согласия получила формальное удовлетворение, по существу же в выигрыше осталась Германия, так как ей не только удалось провести свой план, но и расширить права главы военной миссии. В этом конфликте отчетливо проявились русско-германские противоречия.

Руководствуясь своими основными политическими расчетами, Англия фактически дала разрешение на обоснование в Турции новой германской военной миссии, тем самым укрепив уверенность Германии, что в случае возникновения войны Англия останется в стороне. Обяektivно позиция британской дипломатии способствовала ускорению развязывания первой мировой войны.

Дипломатический конфликт по делу миссии Лимана фон Сандерса ухудшил русско-германские отношения. Правительство России в связи с этим приняло меры по укреплению кавказской границы и усилению черноморского флота.

Вместе с тем этот конфликт еще раз отчетливо продемонстрировал зависимость царизма от стран Антанты. Царская дипломатия не могла предпринять ни одного серьезного шага без согласия Англии и Франции.

⁶⁴ «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, стр. 391—392.

Глава III

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Миссия Линама фон Сандерса и реорганизация турецкой армии

Вскоре за посылкой миссии Германия провела связанные с этим мероприятия в своем генеральном штабе. Было сформировано специальное отделение, которому поручалось осуществление программы по закреплению германского влияния на Ближнем Востоке.

Финансирование созданного делопроизводства производилось за счет государственного резервного военного фонда. Через делопроизводство проходили и затем в подлинниках представлялись германскому императору все дописки начальника германской миссии в Константинополе генерала Линама фон Сандерса. Там же облекались в форму кратких меморандумов директивы. Периодически даваемые генералу Сандерсу императором. В случае участия Турции в европейской войне на Сандерса возлагалась разработка мероприятий и выполнение распорядительных функций по вопросам мобилизации турецких войск, их перевозки, сосредоточения и снабжения.

Таким образом, в системе германского генштаба был создан механизм для поддержания прямого контакта с миссией и направления ее деятельности.

С самого начала работа миссии проходила строго конфиденциально. Эти меры диктовались политическими соображениями, ибо пристальное внимание держав Антанты, особенно России, отныне стало сосредоточиваться на деятельности новой миссии. Кроме того, это необходимо было и с военно-стратегической точки зрения. Лейбтэв в одном из рапортов писал, что как герман-

ским, так и турецким офицерам категорически запрещено сообщать какие-либо данные о деятельности германских офицеров и о должностях, которые они официально занимают¹.

Германской миссии сразу пришлось столкнуться с большими трудностями. В турецкой армии была слабая дисциплина, царил разруха, беспорядок, антисанитария. Офицерам не платили жалованья по 6—8 месяцев. Армия плохо снабжалась как одеждой, так и продуктами питания.

Турецкая армия испытывала большую нехватку оружия. Солдаты упражнялись с палками, так как не было винтовок. Вместо ружейных реиней они приспособляли ламповые фитили.

В одном из своих первых донесений Лиман фон Сандерс указывал, что для обеспечения успеха работы инструкторский состав должен быть увеличен по меньшей мере в 4 раза, ибо состояние войск в Малой Азии требует исключительных усилий и настойчивости для приведения их в порядок и придания им внешнего вида воинских частей².

Вступление Энвера на пост военного министра ознаменовалось массовым увольнением генералов и офицеров турецкой армии, не разделявших его политических убеждений, под предлогом достижения ими предельного возраста. Согласно приказу от 6 января 1914 г. было уволено 280 генералов и офицеров. Среди них было много известных командиров, отличавшихся в прошлых войнах. Все они были заменены офицерами в чине не выше полковника.

К февралю 1914 года число уволенных генералов и офицеров достигло 1300. Все сколько-нибудь ответственные должности были заняты сторонниками младотурецкого комитета.

На состоявшемся в начале марта заседании комитета «Единение и прогресс» были подведены итоги этим мероприятиям турецкого военного министерства. Выступивший с докладом председатель комитета Мидхат-Шукри признал, что задачей Энвера было «очистить армию от тех офицеров, которые занимались политикой

¹ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000/с, оп. 1, ед. хр. № 718, л. 15.

² См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 2870, л. 103.

и преданность коих младотурецкой партии могла подлежать сомнению»².

Мероприятия младотурок по изменению состава своей армии являлись частью их политической программы. «Очищенная» армия могла стать надежным инструментом в проведении агрессивного внешнеполитического курса.

Германская военная миссия в целом положительно отнеслась к этим мероприятиям. Сам Линман фон Салдерс считал, что османское правительство нашло в себе достаточно мужества сделать попытку освободить армию от явно непригодных элементов.

Правящие круги Германии предполагали, что при таком составе турецкого офицерства им будет значительно легче заедраться в турецкую армию и завоевать безусловный авторитет.

Став военным министром, Энвер одновременно назначил себя начальником турецкого генерального штаба. Такое сосредоточение важнейших постов военного руководства в руках Энвера находилось в полном соответствии с политикой младотурецкого комитета. На пост первого помощника начальника генерального штаба турецкой армии было решено назначить немецкого офицера. Выбор пал на генерал-майора Бронзарта фон Шеллердорфа, который в свое время руководил одним из отделений германского генерального штаба и имел большой опыт работы в этой области.

Во главе наиболее важных отделений генерального штаба, занимающихся вопросами артиллерии, кавалерии, пехоты, а также мобилизации армии, были поставлены немецкие офицеры.

Подполковник Кюбель стал начальником железнодорожного отдела в управлении генерального штаба и одновременно заведовал железнодорожной частью в военном министерстве.

Полковник генерального штаба фон Франкенберг был назначен начальником штаба 1-го корпуса.

Германские инструкторы получили места и в военном министерстве.

Начальником военной академии генерального штаба

² «Международные отношения в эпоху империализма», т. II, М., 1932, стр. 79.

стал майор фон Легат, а майоры Ланге, Эперт и Альрет — преподавателями той же академии.

Генерал-майор Вебер был назначен инспектором крепостей по инженерной части, генерал-майор Поссельт — инспектором полевой артиллерии всей турецкой армии.

Итак, германская миссия захватила ключевые позиции в турецком генеральном штабе, а также ряд ответственных должностей в центральном аппарате турецкой армии. Пролитвы и их обороноспособность заняли одно из важных мест в работе миссии.

Под руководством немецких военно-инженерных экспертов был составлен план усиления фортификаций в проливах. Германские специалисты разработали план усиления артиллерийской обороны пролива. Большинство артиллерийских установок должно было быть заменено. Леонтьев писал, что большое внимание будет уделяться фортификациям, обеспечивающим безопасность Константинополя как со стороны суши, так и со стороны моря. Эта работа должна быть возложена на члена миссии военного инженера генерала Вебера, специалиста по крепостным вопросам¹.

В отношении Босфора германский план предусматривал усиление всей системы обороны, увеличение состава гарнизона, обороняющего пролив.

Кроме того, германская миссия привезла с собой и пыталась протолкнуть план замены командного состава береговой артиллерии немецкими офицерами. Это позволяло бы Германии фактически установить контроль над Босфорским проливом.

Однако правящие турецкие круги, несмотря на их заинтересованность в усилении обороноспособности проливов, не смогли дать согласие на этот план, ибо он таил в себе опасность серьезных осложнений с заинтересованными державами из противоположного лагеря. Турецкое правительство вынуждено было заявить, что оно, к сожалению, должно пожертвовать выгодами выдвинутого предложения вследствие большого политического значения, которое могла бы иметь эта мера.

Потерпев неудачу в этом вопросе, немцы вынуждены были существенно ограничить свой план. Им все же

¹ См. ЦГВИА, ГИГШ, ф. 3000, оп. 1, ед. хр. № 3008, л. 730.

удалось впоследствии назначить отдельных германских офицеров на командные посты в районе проливов. Уже в конце мая 1914 года германский артиллерийский инженер заведовал всеми укреплениями Босфора⁵.

Немецкие специалисты составили проект нового плана минирования проливов, ибо существовавшая схема минирования была известна англичанам.

В апреле 1914 года немецкие специалисты осуществили пробную съемку Босфора с укреплениями, обороняющими пролив, а также сняли для замены мины заграждение, установленное в 1911 году. В середине июня были приняты меры по подготовке к минированию Дарданелльского пролива.

Производилось коренное изменение в порядке подготовки офицерского состава. Вводилась система, существовавшая в Германии. Увеличивался курс стажировки будущего офицера в войсковых частях — до 13 месяцев, вместо 5—7 месяцев.

Члены германской военной миссии приняли меры по повышению уровня подготовки в офицерской школе тяжелой артиллерии. Был сформирован образцовый батальон тяжелой артиллерии под командой майора Вильгельма. В основу обучения была положена выработанная немцами система подготовки офицерского состава⁶.

Эта сторона работы германской военной миссии не вызывала необходимости соблюдения строгой секретности. Поэтому немцы охотно предоставляли Леонтьеву возможность ознакомиться с постановкой учебного процесса в турецких военных школах, готовящих кадры офицеров и унтер-офицеров. Этим они хотели, во-первых, отвлечь внимание Леонтьева к военным кругам России от других важнейших сторон своей работы, которые требовали строгой конфиденциальности, и, во-вторых, показать, что в работе германской миссии нет ничего такого, что могло бы рассматриваться как деятельность против России.

Под руководством германской военной миссии был разработан новый порядок подчинения военных школ. Все школы подлежали инспектированию начальника военной миссии, то есть Лимана фон Сандерса. Он мог

⁵ См. ЦГАВМФ, ф. 418, от. 1, ед. хр. № 10097, л. 5.

⁶ См. ЦГВНА, ГУГШ, ф. 3000, от. 1, ед. хр. № 3835, лл. 355—356.

отдавать непосредственно все приказания, которые не нуждались в утверждении военного министра. Все дело подготовки будущего офицерского и унтер-офицерского состава армии передавалось в руки германских офицеров.

Глава германской миссии в своих мемуарах отмечал, что в турецких военных кругах с пренебрежением относились к практическим занятиям. И надо было исправить это положение.

Уже в первых числах января 1914 года Леонтьев сообщал, что занятия константинопольского гарнизона идут полным ходом — как одиночное обучение (гимнастика, упражнения в стрельбе, маршировка, верховая езда), так и полевые занятия.

Интенсивные занятия войск проходили и в других местах Османской империи, например в частях 6-й армии (Багдад).

Необходимо отметить, что многие члены германской военной миссии стояли во главе штабов корпусов — 9-го и 10-го (на русской границе), а также ряда дивизий, пехотных и артиллерийских полков, разбросанных по всей территории Османской империи.

Леонтьев по этому поводу писал: «Схема немецкого внедрения простая и ясная: военные училища, офицерские школы и академия — в чисто учебном отношении и образцовые полки и высшие тактические единицы в командно-строевом отношении. Если к этому прибавить известный процент германских офицеров в центральных управлениях, то в недалеком будущем германская миссия раскинет свою паутину на всю турецкую армию»⁷.

Что касается турецких офицеров, посланных на учебу в Германию, то многие из них не смогли усвоить германские методы обучения и вернулись обратно.

Под руководством германской миссии был изменен проект реорганизации турецкой армии. За счет сокращения количества рот и полков предполагалось уделить больше внимания качественной подготовке войск. Важное место отводилось артиллерийскому оснащению турецкой армии.

Были приняты меры к ликвидации путаной и сложной системы организации, существовавшей в турецкой

⁷ ЦГВИА, ГУТШ, ф. 2000/2, оп. 1, ед. хр. № 752, л. 639.

армии. Одной из ее особенностей по сравнению с западноевропейскими армиями являлось существование в военное время резервной армии (редифа).

Фон дер Гольц начал упразднение редифа, однако в связи с начавшимися войнами, а также недостатком средств оно не было доведено до конца. Балканские войны показали, что редифные войска вследствие общей плохой подготовки оказались малобоеспособными и абсолютно непригодными для участия в военных действиях.

Согласно новой организации, редиф и редифные инспекции были ликвидированы. Таким образом, все было перестроено на западноевропейский лад. В связи с этим был издан новый закон несения воинской службы, разработанный в германском военном ведомстве. По этому закону уничтожался редиф и вводился двухлетний срок службы в постоянной армии (кизам).

В это же время военным министерством был издан ряд документов. Один из них назывался «Обязанности начальника штаба корпуса и других офицеров генерального штаба». К каждому корпусу (в мирное время) прикреплялось по два офицера генерального штаба. Эти офицеры должны были принимать участие в инспектировании, смотрах, упражнениях и маневрах войск. В корпусах, расположенных на границе, осуществлялись подготовительные меры на случай наступления или внезапного вторжения неприятеля.

Этот документ составлен при прямом участии германской миссии. Он показывает, что в начале июня 1914 года турецкий генеральный штаб под руководством немцев занимался разработкой стратегического плана будущей войны.

Восстановлению и усилению Адрианопольской крепости также было уделено внимание, учитывая ее значение в организации обороны Константинополя. В августе 1913 года в Берлине германскими инженерами был разработан проект восстановления Адрианополя. Особенно большое место отводилось пополнению артиллерийской материальной части.

Внимание немецкой военной миссии привлекали районы, прилегающие к границам России. Была организована проверка военно-статистических данных. Под руководством вызванных из Германии топографов произ-

водилась также проверка местности на территории Восточной Анатолии. Была создана комиссия с участием трех германских офицеров-инженеров для определения фортификационных свойств рельефа Восточной Анатолии².

Германская миссия разработала новый план дислокации войск.

Войска европейской Турции было решено усилить конницей. Каждому корпусу придавалось по 4 полка кавалерии.

Генерал Вебер в сопровождении трех германских и двух турецких офицеров объехал порты Черного моря.

Был разработан проект создания в 10—15 км от побережья оборонительной полосы для защиты пути в Сивасе на случай высадки в Самсуне неприятельских войск.

Особое значение придавалось Эрзеруму. Эта крепость являлась стратегически важным форпостом, занимала господствующее положение в Восточной Анатолии. Газета «Утро России» (от 1 января 1914 г.) писала, что по настоянию германских офицеров военное министерство Турции отправило в Эрзерум три артиллерийских, два кавалерийских полка и пять батальонов пехоты. Были приняты меры к укреплению самой крепости. Германские инструкторы во главе с Вебером произвели осмотр Эрзерумской крепости. Было решено заменить старые фортовые постройки более современными—бетонными, а также, по мере возможности, заменить старые орудия новыми, более современных образцов.

Недостаток материальных средств, связанный с общим состоянием турецкой экономики, не давал возможности быстро осуществлять германские планы реорганизации турецкой армии. В одной из бесед с германским послом Ляман фон Сандерс назвал цифру в 65 тыс. человек, которая в тот момент (март 1914 г.) могла представлять боеспособную силу. Румынскому генералу Коэнда глава германской миссии заявил, что из 13 корпусов, существовавших тогда в Турции, можно рассчитывать только на шесть³.

Основная масса младотурок занималась реоргани-

² См. ЦГВНА, ГУТШ, ф. 2002, ов. 1, ед. хр. № 2870, лл. 3, 57.

³ Там же, ед. хр. № 2823, лл. 64—65.

защитой армии вовсе не для того, чтобы превратить ее в пушечное мясо для немцев (хотя в дальнейшем так и получилось). Им нужна была сильная армия для выполнения своих классовых и политических задач. Германский империализм, занимаясь турецкими вооруженными силами, преследовал свои империалистические цели.

В ряде случаев интересы младотурок и немецкой военной миссии совпадали. Однако каждая сторона исходила при этом из своих интересов.

Было бы неверно считать, что Турция в начале 1914 года шла в фарватере политики Германии. Финансовая зависимость от Франции также налагала отпечаток на развитие турецкой экономики. На почве франко-германской борьбы за Малую Азию имелись разногласия между Турцией и Германией по ряду экономических вопросов. Но по мере приближения первой мировой войны влияние Германии росло с каждым месяцем. И вся работа немецкой миссии по существу была направлена на превращение Турции в вассала германского империализма. Поэтому вопросы реорганизации турецкой армии нельзя рассматривать как чисто внутреннее мероприятие. Они имеют прямую связь с политикой немецкого империализма на Ближнем Востоке, с подготовкой мировой войны.

Заслуживают внимания некоторые соображения Леонтьева, приводимые им в одном из своих рапортов в апреле 1914 года. «Если, по мнению германских политиков, — писал Леонтьев, — роковой час настал или близок, то естественно, что они не станут ждать, пока турецкая армия будет приведена в полный порядок, а постараются двинуть ее вперед, хотя бы и в неготовом виде, в соответствии с общими союзническими целями», причем, по его мысли, Германию будет интересовать не столько успех или неуспех турецкой стороны, а то обстоятельство, что таким путем можно отвлечь значительные контингенты русских войск от европейского театра военных действий¹⁸.

Дальнейшие события подтверждали правильность предположений русского военного агента.

При планировании будущих операций германский

¹⁸ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. I, ед. хр. № 3838, лл. 109—110.

генеральный штаб рассчитывал на то, что Турция сможет выставить 200-тысячную армию¹¹.

Для закрепления своих позиций и влияния германское правительство приняло решение открыть ряд консульств и миссий в Азиатской Турции. Барон Вангенгейм в донесении от 24 февраля 1913 г. на имя канцлера выдвинул идею создания немецкого консульства в Эрзеруме.

В своем ответе Ягов выражал полное согласие с идеей германского посла и добавлял, что помимо Эрзерума надо иметь консульства еще в других местах Анатолии, а также учредить немецкие школы¹². В германском бюджете на 1914 год были предусмотрены кредиты для учреждения новых консульств в Тавризе, Эрзеруме, Мосуле, Иерусалиме, Яффе и Хайфе.

В министерство иностранных дел России (на имя Нератова) поступило письмо от генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба русской армии генерала Данилова. Он писал: «В течение последних лет германские консулы в Трапезунде и Мосуле предпринимали ряд поездок по Эрзерумскому, Ванскому, Битлисскому и Диярбекирскому вилайетам с целью изучения соседнего с Закавказьем района Азиатской Турции. Открытие ныне нового германского консульства в Эрзеруме, где нет вовсе германских подданных и не было до сих пор каких-либо реальных их интересов, доказывает решимость Германии создать здесь германские интересы, и можно быть вполне уверенным, что вслед за консульством здесь появятся немцы — купцы, промышленники, миссионеры, а также школы и пр.»¹³.

Еще в сентябре 1913 года появилось сообщение о назначении германским правительством консулом в Эрзеруме Эдгара Андерса — драгомана германского посольства в Константинополе. Андерс был военным, имел чин капитана германской армии. Много ездил по Турции, Ирану, России. Владел турецким и русским языками. Было предположение, что он исполнил роль негласного военного агента. Таким образом, германские правитель-

¹¹ См. С. Mehlmann, *Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914—1918*, S. 23.

¹² См. "Die grosse Politik", Bd. 33, Nr. 18299, S. 31.

¹³ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2500/с, оп. I, ед. хр. № 991, лл. 508—509.

ственные круги послали в эту важную пограничную крепость опытного и хорошо знакомого с военным делом разведчика. С первых же дней Андерс развил энергичную деятельность по упрочению немецкого влияния как среди турецких властей, так и среди населения. Он прилагал все усилия, чтобы добыть тем или иным путем мобилизационные планы кавказской армии, планы русских крепостных укреплений в Карсе и другие секретные документы, касающиеся обороны Кавказа, дислокации войск и т. д. Германский консул установил связь с турецкими консулами в Карсе и Тифлисе ¹⁴.

В апреле 1914 года Андерс через трех турецких шпионов получал планы всех крепостных укреплений, фортов, различных построек для военных целей, шоссе и дорог, находящихся в районе Александрополя, Карса и Сарыкамыша. Русский консул в Эрзеруме Адамов указывал, что «самый же факт передачи подлинного плана карских и иных учреждений господину Андерсу служит наилучшим доказательством того, что с открытием германского консульства в Эрзеруме дело шпионажа, разведки и провокационной деятельности на соседнем Кавказе сосредоточилось в руках представителя Германии» ¹⁵.

Русский посол в Константинополе Гирс получил сообщение о том, что в германских правительственных кругах появился план организации в различных вилайетах Малой Азии ряда школ, где турецкие дети могли получать образование бесплатно. Предполагалось содержание учителей немецкого языка за счет германского правительства.

Через несколько месяцев после начала первой мировой войны газета «Морнинг пост» (от 4 ноября 1914 г.) опубликовала содержание «Меморандума о германской заграничной школьной системе», изданного германским министерством иностранных дел.

Вся система немецких школ за границей делилась на два типа. Первый тип школ предназначался для немцев, проживающих за границей. Таких школ, согласно меморандуму, было 700. Они субсидировались Германией. Эти «национальные» школы должны были поддер-

¹⁴ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2060, оп. I, ед. хр. № 3792, л. 134.

¹⁵ Там же, лл. 135—136.

жизнью «германизма» среди перешедших в иностранное подданство немцев. Другой тип школ — так называемые «школы для пропаганды». Предназначались они для местных жителей с целью знакомить их с немецким языком, немецкими идеями о цивилизации, культуре, прогрессе. Отмечалось, что немецкий учитель за границей — политический агент, подготовка которого входит в круг деятельности ведомства иностранных дел Германии. Он должен быть хорошо знаком с политическим движением в стране, ее экономическим развитием и т. д.

С целью еще большего усиления германского влияния в Турции 1 января 1914 г. было создано германо-турецкое общество с центрами в Берлине и Константинополе (просуществовало до 1 января 1917 г.). Число членов этого общества достигло 4 тыс.

Таким образом, усиливавшаяся накануне первой мировой войны идеологическая экспансия германского империализма за границей преследовала цели: во-первых, создать среди немцев надежные кадры для использования их в политических целях, во-вторых, создать опору среди местного населения, главным образом колонизальных и зависимых стран, подготовить почву для экономического проникновения, а также использовать местных жителей в качестве своей агентуры.

Лихорадочная подготовка германского империализма к войне вызвала ответные мероприятия в лагере стран Тройственного соглашения.

Накануне войны в России была разработана «Большая программа по увеличению русской армии», по которой штатный состав армии увеличивался на 11 772 офицера и 458 200 нижних чинов. Общий размер расходов на осуществление намеченных мероприятий составлял 433 242 652 рубля. Кредиты должны были быть предоставлены до 1917 года¹⁸.

В отношении флота также были приняты меры. В 1913—1914 годах русский черноморский флот состоял из 5 линейных кораблей постройки 1893—1910 годов, 2 крейсеров и 17 миноносцев. В Николаеве строились 3 дредноута, 2 крейсера и 9 миноносцев. Причем если заказанные Турцией дредноуты должны были вступить в строй в 1914 году, то новые русские крупные боевые

¹⁸ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, от. 1, ед. зр. № 1837, лл. 1—12.

единицы — в 1916—1917 годах. Таким образом, на определенный промежуток времени у Турции создавался перевес в дредноутах. Это обстоятельство очень беспокоило царское правительство, которое, с одной стороны, принимало меры к ускорению постройки своих кораблей, а с другой стороны, старалось не допустить пополнения турецкого флота.

В феврале 1914 года было созвано новое Особое совещание, посвященное ближневосточной проблеме. Еще 23 ноября 1913 г. Сазонов в своей «исповеданнейшей записке» просил созвать совещание по вопросам проливов. Однако вследствие конфликта по делу министа Лимана фон Сандерса вопрос о созыве совещания затянулся до февраля 1914 года.

На совещании Сазонов высказал свое предположение, что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на их берегах какой-либо иной державы. В связи с этим министр иностранных дел говорил о необходимости предусмотреть помимо действий морских сил еще и десантную операцию и поставил вопрос о сроках ее выполнения.

Особое совещание приняло решение о проведении мер по ускорению мобилизации, сокращению срока перевозки войск к проливам до 4—5 дней, увеличения транспортных средств в Черном море, усилении черноморского флота новыми дредноутами, строительстве железнодорожных линий на Кавказе.

Совещание еще раз показало, что Россия не подготовлена к осуществлению морских и десантных операций. Не только не хватало транспортных средств для перевозки войск, но и обнаружилась их неспособленность для этих целей. В результате мобилизации их настолько затягивалась, что терялся эффект внезапности и успех операции ставился под большое сомнение. Выяснилось недостаточная оснащенность техникой (главным образом артиллерией) предназначенных для операции корпусов.

К тому же было ясно, что нападение русских сил на Константинополь и проливы немедленно приведет к вмешательству других великих держав, в первую очередь Германии и ее союзников, что в свою очередь значительно осложнит проведение операции.

Усиленная политическая и экономическая деятельность Германии и других европейских государств на территории Османской империи, особенно в Анатолии, вынуждала правящие круги России принять контрмеры.

Секретарь консульства в Эрзеруме надворный советник Вышинский выражал пожелание, чтобы Россия также открывала новые консульства в Сивасе, Харпуте, Диярбекире, Эраинджане, Байбурте, Муше и других местах и чтобы консулы совершали постоянные поездки по районам Анатолии и собирали различные сведения. Вышинский предлагал открыть русские школы в Эрзеруме, Ване, Трапезунде, Битлисе¹⁷.

Необходимо сказать несколько слов о железнодорожном строительстве на Кавказе. Еще в 1911 году совет министров постановил построить так называемую перемыкающую железную дорогу через Кавказский хребет. Эта дорога, создав кратчайший путь между европейской сетью дорог и Закавказской магистралью, в случае войны с Турцией способствовала бы быстрой доставке необходимых подкреплений и припасов.

Борьба европейских монополистов за военные поставки Турции

Борьба за военные поставки Турции в основном велась между двумя монополистическими гигантами — немцем Круппом и французом Швейдером. Турецкие заказы Круппу последовали после прибытия министра дер Гольца в Турцию (в конце XIX в.). С тех пор Крупп непрерывно поставлял оружие и снаряды для турецкой армии. С начала XX века Круппу пришлось бороться как с французским монополистом Швейдером, так и со своим соотечественником Генрихом Эрхардтом, владельцем фирмы «Рейнметалл». Круппу оказали содействие германские дипломатические представители за границей¹⁸.

Например, в 1905 году турецкое правительство сделало Круппу заказ на 70 млн. франков. Фирма Эрхардта

¹⁷ См. ЦГВИА, ГУТШ, ф. 2000/с, од. зр. № 991, лл. 501—502.

¹⁸ См. В. Мейне, *Krupp, Deutschlands Kanonenkönige*, Zürich, 1937, S. 239.

предложила свои услуги, которые обошлись на 17 млн. дешевле. Однако тогдашний германский посол в Константинополе Маршалль фон Биберштейн настоял, чтобы все заказы были переданы Круппу. На этих поставках Крупп нажил большой капитал. Например, в 1910 году он продал Турции полевые орудия на сумму в 156 тыс. марок, а они обошлись ему в 14 тыс. марок¹⁹.

Предстоящая реорганизация турецкой армии и перестройка укреплений сулила много новых выгодных сделок поставщикам вооружений. Конкурентная борьба должна была обостриться. В этой связи большую заботу об интересах германского капитала проявил Вангенгейм.

В конце октября 1913 года Вангенгейм узнал через представителя Круппа в Константинополе, что турецкое правительство собирается заключить соглашение с английским консорциумом о строительстве дока в Измиде и о передаче английской промышленности всех турецких заказов на суда. Германский посол писал в Берлин, что немцы не могут допустить сделок, которые приводят к монополизации поставок в пользу других государств²⁰.

Затем выяснилось, что Германия предприняла попытку помешать заключению договора между фирмой «Армстронг» и турецким правительством. Германский посол обосновывал свое требование тем, что покойный Махмуд Шехвет-паша обещал ему обратиться к Германии с заказом о постройке броневоска. Вангенгейм обещал, кроме того, устроить заем в 300 тыс. фунтов и продать Турции дредноут. Фирма «Армстронг» пригрозила отказом от постройки доков и арсеналов, если домогательства Германии не будут отклонены. Этот вопрос обсуждался в турецком совете министров, который решил передать концессию «Армстронгу»²¹. Передача заказов фирме «Армстронг» объясняется тем, что, во-первых, англичане проводили реорганизацию турецкого флота и в этом немаловажную роль играл английский

¹⁹ См. G. W. Hallgarten, *Imperialismus vor 1914*, Bd. 2, SS. 248, 347.

²⁰ См. "Die grosse Politik...", Bd. 37, Nr. 14957, SS. 526—526.

²¹ См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, серия III, стр. 119—120.

капитал, а во-вторых, тем, что английская оказывала поддержку французский капитал (чтобы не допустить заказов в Германии).

Таким образом, борьба за военные заказы происходила не только между германским и французским капиталами, но и между Германией и Англией.

Новая немецкая военная миссия должна была значительно укрепить позиции германского капитала в этой борьбе. Ставился вопрос о перевооружении германскими заводами на широких кредитных основах артиллерии и береговых укреплений проливов²².

Эти обстоятельства не могли не вызвать беспокойства французов. Подполковник Мокоф (военный агент в Турции) указал Джемалию, что с французской стороны не будет возражений против миссии, если Франция не лишится военных поставок²³. Таким образом, как только дело доходило до финансовых или экономических сделок, Франция готова была поступиться интересами своих союзников. После окончания дипломатического конфликта борьба между германским и французским капиталом приняла ожесточенный характер. Обе стороны использовали при этом то обстоятельство, что министр финансов Джавид-бей вел переговоры с германскими (по экономическим вопросам) и французскими (по поводу займа) правительствами и деловыми кругами и часто посещал Париж и Берлин.

Осенью 1913 года Леонтьев доносил, что военное министерство Турции предполагает заказать в ближайшее время 600 орудий, из них $\frac{2}{3}$ горных и $\frac{1}{3}$ полевых. Горные орудия должны быть заказаны во Франции, так как французские образцы признаны в техническом отношении выше крупновесных. Балканские войны показали превосходство артиллерии Шнейдера над пушками Круппа. Предстояли большие заказы на снаряды, так как их число не превышало 200 на каждое полевое или горное орудие. Надо при этом учесть, что предполагалось снабдить пехотные части полевой и горной артиллерией.

В конце января 1914 года Леонтьев сообщал уже об

²² См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. зр. № 3870, лл. 12, 103, 196.

²³ См. "Die grosse Politik...", Bd. 38, Nr. 15461, S. 331.

обращении турецкого военного министерства к заводам Шкоды, Эрхардта, Круппа и Шнейдера с целью выяснения условий заказов на горные пушки и горные гаубицы.

По данным Леонтьева видно, что в турецкой армии количество крупновесных орудий в два с лишним раза превосходило число орудий других марок (в том числе Шнейдера). Следовательно, борьба Круппа со Шнейдером в предшествующие годы сложилась в пользу первого.

Стремление турецкого правительства делать упор на горную артиллерию, то есть сосредоточить большую часть заказов у Шнейдера, заставляло немцев принять соответствующие меры.

По сведениям русского военного агента в Лондоне Ермолова, генерал Сандерс в начале января 1914 года «был завален предложениями со стороны германских фирм по поставке материальной части для турецкой армии»²⁴.

В борьбу включились дипломаты. Французский поверенный в делах в Константинополе Бопп 25 января 1914 г. в телеграмме Думергу писал, что артиллерийская комиссия в Турции отдавала предпочтение французским материалам²⁵.

Германская сторона опасалась, что Франция воспользуется финансовыми затруднениями Турции, выдавнув в качестве неперемennого условия предстоящего займа военные заказы. В свою очередь Франция опасалась, что Германия может оказать влияние на турецкое правительство и за счет французского займа получить военные заказы, а также предоставить Турции финансовую помощь, обусловив ее военными поставками.

Турецкие официальные лица использовали франко-германское соперничество, чтобы добиться различных уступок у каждой из сторон в переговорах по экономическим вопросам.

3 февраля 1914 г. Бопп указывал, что Крупп предлагал турецкому правительству финансовую операцию, которая дала бы возможность Турции уплатить Круппу

²⁴ ЦГВИА, ГЭГШ, ф. 2000, кд. хр. № 3028, л. 736.

²⁵ См. "Documents diplomatiques...", vol. 9, p. 178.

за все полученные материалы²⁶. Сумма займа определалась в 6 млн. турецких лир²⁷.

Вангенгейм 1 марта писал, что прежним позициям Крупна грозит опасность, так как значительная часть артиллерийских поставок будет передана Шнейдеру.

15 марта Вангенгейм заявил великому визирю, что Германия не может допустить, чтобы французы, используя затруднительное положение Турции, получали прибыли за немецкий счет. Великий визирь заверил германского посла в том, что турецкое министерство финансов возмущено вымогательством французской стороны и после заключения займа совершенно отвернется от Франции. Одновременно великий визирь в осторожной форме намекнул, чтобы в Германия чрезмерно не давила на Турцию. Для большего устрашения турецкого правительства Берли в конце марта даже пригрозил отозвать германскую военную миссию.

Турецкому правительству ввиду острой нужды в финансовых средствах нужно было получить заем в Париже. Одновременно оно хотело смягчить давление правящих кругов Германии. Этим, может быть, объяснялось обещание в будущем «совершенно отвернуться» от Франции.

Министр финансов Джавид-бей дал в Париже согласие на предоставление военных заказов французским фирмам. Это было нужно для того, чтобы получить заем на благоприятных условиях. Был принят заказ на 376 горных пушек, 50 млн. патронов, 2 подводные лодки, 6 контрминоносцев. В дальнейшем он предвидел дополнительный заказ на 50 млн. патронов и 6 контрминоносцев. Новый заем мог быть использован для оплаты этих заказов²⁸.

Французский военный агент в Константинополе предлагал своему правительству дополнительные заказы на 2 млн. франков для экипировки кавалерии. Он предупреждал, что если французы их не получат, то эти заказы перейдут к другим, ибо Турция решила их обязательно сделать. Общая сумма заказов доходила до 100 млн. франков. Мокор считал необходимым оговорить, что

²⁶ См. "Documents diplomatiques...", vol. 9, p. 295.

²⁷ См. ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, ст. 3р. № 4288, л. 9.

²⁸ См. "Documents diplomatiques...", vol. 10, pp. 89—100.

деньги от французских займов не должны служить для оплаты заказов, сделанных вне Франции.

Летом 1914 года Мокор под строжайшим секретом сообщил Леонтьеву, что он хлопочет о том, чтобы все дело укрепления Дарданелл поручить фирме «Шнейдер-Крезо»²⁰.

До 1914 года орудия Круппа составляли подавляющее большинство на дарданелльских укреплениях. В дальнейшем при содействии германской военной миссии была создана под председательством Вебера специальная комиссия по реорганизации укреплений Дарданелл. Все заказы были переданы Круппу.

В середине октября 1914 года укрепления Дарданелл в своем подавляющем большинстве были оснащены орудиями Круппа²¹. Французские фирмы потерпели поражение.

Что касается Босфора, то реконструкция его укреплений также была передана германским монополиям; большинство орудий босфорских укреплений принадлежало Круппу²².

До самого начала войны Крупп и Шнейдер боролись из-за поставок береговой артиллерии для проливов, но победа осталась за первым. Что касается заказов на другие военные материалы, то Франция получила определенную долю. Сообщения из Германии подтверждали наличие военных заказов для Турции. Русский военный агент в Берлине полковник Базаров в апреле 1914 года рапортовал о получении от турецкого военного министерства заказа на 8 тыс. кавалерийских сабел, 150 тыс. ружей, 200 пулеметов с соответствующим количеством патронов²³. Отсюда можно заключить, что немцы сумели перехватить заказ, о котором так хлопотал Мокор.

Фирма Круппа по указанию германского правительства предложила открыть Турции долгосрочный кредит на 2,5 млн. турецких лир. Круппу был сделан заказ на 50 крупных орудий со снарядами, 150 самоходных минометов, 7 полевых батарей, а также на винтовки и пулеметы. Русский военный агент получил сведения, что в Гер-

²⁰ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. I, кд. хр. № 752, л. 551.

²¹ См. ЦГВИАФ, ф. 418, оп. I, кд. хр. № 4394, лл. 17—37.

²² Там же, оп. Б, кд. хр. № 257, лл. 4—12.

²³ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. I, кд. хр. № 3028, л. 740.

мании заказаны 200 орудий для полевой артиллерии, 50 орудий для крепостей Адрианополя и Чаталджи, 100 пулеметов «максим» (из 300 предполагаемых). 200 тыс. винтовок «маузер» и 150 млн. патронов²². Кроме того, морское министерство Турции подписало в апреле 1914 года договор с фирмой Круппа на 1 тыс. орудий различного калибра.

В течение весны и лета 1914 года в Турцию стало прибывать вооружение, заказанное в Германии.

По далеко не полным данным, только с 27 февраля по 1 мая 1914 г. из Германии в Константинополь прибыло 31 200 ящиков с ружейными патронами, 1900 ящиков со снарядами для полевых орудий, 74 полевых орудия среднего калибра, 8 скорострельных орудий малого калибра, а также автомобили, катера, пироксилины (400 ящиков), динамит (300 ящиков), селитра, бензин, железо, фитили и т. д.²³ Отсюда можно заключить, что большая часть военных заказов попала в руки Германии. В этом была немалая заслуга германской военной миссии.

Борьба германского и французского капитала за заказы и поставки военных материалов продолжалась до самого начала первой мировой войны.

Между монополистами великих держав велась также борьба из-за поставок военных судов для турецкого флота. Однако здесь основными поставщиками являлись английские и французские капиталисты.

Турецкий флот в то время не представлял серьезной боевой силы. У Турции было 4 старых линейных корабля, 2 крейсера, 29 миноносцев, 17 канонерских лодок и ряд мелких судов; в основном все они были устаревшего типа. Поэтому младотурки наряду с армией занялись реорганизацией своего флота.

Турецкое правительство в широких масштабах производило заказы за границей. Главный упор делался на крупные броненосцы или dreadnoughts, являвшиеся в то время наиболее мощными боевыми единицами. Сила флота любой державы определялась количеством имеющихся у нее dreadnoughtов.

²² ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 3625, л. 445.

²³ Там же, лл. 443—444; ф. 2000/с, оп. 1, ед. хр. № 762, лл. 308—309, 637—639; ед. хр. № 476, л. 356.

Турция заказала в Англии дредноут «Решадие». По своим боевым качествам и вооружению этот дредноут не должен был уступать лучшим судам европейских держав.

В декабре 1913 года, несмотря на недостаток финансов, Турция купила заказанный Бразилией в Англии дредноут «Рио-де-Жанейро», от которого бразильское правительство отказалось.

По сообщениям прессы, цена дредноута «Рио-де-Жанейро» составляла 3 400 тыс. ф. ст. Из них Турция уплатила 2 300 тыс. ф. ст. Эти деньги дал банк «Перье и К^о» под предлогом уплаты задержанного жалования чиновникам. Дредноут «Рио-де-Жанейро» был переименован в «Султан Осман» в честь основателя Османской империи. В мае 1914 года турецкое правительство заказало фирме «Армстронг» еще один дредноут типа «Решадие» под названием «Фатих»²⁵.

Наряду с крупными боевыми судами турецкое правительство решило приобрести необходимое количество минносцев, контрминносцев и подводных лодок.

30 апреля 1914 г. со Шнейдером турецкое правительство подписало договор о строительстве двух подводных лодок стоимостью в 2 млн. 200 тыс. франков каждая, а 2 мая — договор с французским судостроителем Норьяном о постройке шести контрминносцев (в дальнейшем число заказанных контрминносцев достигло 12). К этому времени в верфях Сен-Назера и Гавра было сооружено для турецкого флота 7 канонерских лодок. Кроме того, фирме «Армстронг» было заказано еще 2 легких крейсера.

Таким образом, параллельно с реорганизацией сухопутных сил и перестройкой укреплений Турция приняла меры к значительному усилению флота.

Английские и французские капиталисты охотно принимали заказы на строительство судов для турецкого флота, хотя они были направлены против их партнера по Тройственному соглашению. В этом нет ничего удивительного, так как английские и французские монополии руководствовались в первую очередь коммерческими соображениями. Несмотря на союзнический долг, ни Англия, ни Франция не были заинтересованы в усилении

²⁵ См. «Варшавские ведомости», 16(29) и 18(31) декабря 1913 г.

русских позиций на Ближнем Востоке, особенно в районе проливов. Кроме того, английские и французские официальные лица высказывали мнение, что если они откажут Турции в морских заказах, то последняя обратится к Германии.

Царское правительство выражало беспокойство по поводу пребывания английской морской миссии в Турции и ее работы по реорганизации турецкого флота, а также в отношении продажи Турции крупных морских судов. После ликвидации конфликта по делу германской военной миссии Сазонов неоднократно просил британское правительство отозвать из Турции свою морскую миссию²⁶. Ответ Грея по существу выражал собой отказ пойти навстречу пожеланиям России.

Что касается заказов и покупок судов в Англию, то, по словам Грея, английское правительство не могло противодействовать им, так как договоры были заключены непосредственно между османским правительством и английскими судовладельцами, без извещения английского правительства²⁷.

Сазонову ничего не оставалось делать, как на время воздержаться от дальнейших требований. Зависимое положение России от стран Антанты вынуждало ее каждый раз снимать свои возражения.

Германо-турецкий союз и вступление Турции в войну

После выстрела в Сараево Германия не решилась немедленно включить Турцию в свою группировку. Правящие круги Германии делали ставку на «план Шлиффена»²⁸ и невмешательство Англии, а Турция в этих условиях являлась бы для Тройственного союза скорее лишним грузом, чем подмогой. 14 июля 1914 г. Ягов заявил послу Австро-Венгрии графу Сегени, что Турция рассматривается только как пассивный фактор, что она неспособ-

²⁶ См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. I, стр. 497—498; т. II, стр. 510—511.

²⁷ «Международные отношения в эпоху империализма», т. III, М., 1913, стр. 277—301.

²⁸ Этот план «быстротечной войны» был разработан в начале XIX века начальником генерального штаба генералом Шлиффеном.

на на агрессивные акции против России²⁰. Однако такое отношение к Турции несколько не противоречило принятию германским империализмом мер, чтобы в случае необходимости иметь Турцию на своей стороне.

В свою очередь и Османская империя хотела извлечь выгоды из создавшегося положения: попытаться вернуть потерянные европейские владения и приобрести новые. С этой целью турецкое правительство предпринимало попытки вынудить отношение обеих группировок великих держав к австро-сербскому конфликту.

В турецком правительстве была многочисленная группа сторонников нейтралитета. Однако ей противостояла небольшая, но сильная и влиятельная группа в составе Энвера, Талаата и Джемала. Эта группа считала, что если разразится война, то Турции рано или поздно нужно будет принять в ней участие, примкнув к австро-германскому блоку.

В первой половине июля в Турции были приняты предварительные меры по мобилизации. Во главе мобилизационного отделения турецкого генерального штаба встал член немецкой военной миссии полковник Кресс фон Крессенштейн. Это отделение было занято переработкой германских мобилизационных уставов применительно к турецким условиям.

В дальнейшем, по мере развития событий, австро-венгерская дипломатия начала проявлять активность в Константинополе. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Бертольд сообщал своему послу в Турции Паллавичини о желательности включения Турции в австро-германский блок. Австрийскую дипломатию волновала обстановка на Балканах, которая должна была сложиться в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию. Германская дипломатия не разделяла этих опасений. Статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Ягов возражал против открытого присоединения Турции к Тройственному союзу, так как это должно было обременить Германию новыми обязанностями, связанными с защитой границ Османской империи.

Руководящие военные круги Турции стремились войти в союз с австро-германским блоком, преследуя свои ин-

²⁰ См. E. Jackh, *The rising crescent*, New York — Toronto, 1944, pp. 10—11.

тересы. В беседах с Вангенгеймом и Паллазвичини турецкий военный министр Энвер (22 июля) и великий визирь Санд Халим (23 июля) поставили вопрос о присоединении Турции к Тройственному союзу⁴². Германский посол ответил, что в таком случае Турция как член Тройственного союза должна будет считаться с открытой враждебностью России, а ее восточная граница станет уязвимым пунктом в стратегическом расположении Тройственного союза.

Июльский кризис вынудил правящие круги Германии изменить свое мнение о нецелесообразности включения Турции в австро-германский блок. Они считали, что настал момент оформить присоединение Турции к своей группировке.

Энвер был вызван в Берлин для переговоров с начальником германского генерального штаба Мольтке.

Лиман фон Сандерс заявил германскому послу, что пять корпусов турецкой армии могут быть выведены на поле боя и это окажет неоценимую услугу германскому командованию.

С 27 июля переговоры о заключении германо-турецкого союза стали продвигаться быстрым темпом; велись они в строгой тайне. С турецкой стороны в этих переговорах участвовали Энвер, Талаат и Санд Халим.

28 июля Санд Халим предложил заключить оборонительно-наступательный союз против России. В тот же день германский канцлер Бетман-Гольвег передал от имени кайзера турецкому правительству проект германо-турецкого союза, содержащий обязательство Турции вступить в войну в случае нападения России на Австро-Венгрию и Германию. Проект предусматривал передачу в руки германской военной миссии командования всей турецкой армией. 31 июля Бетман-Гольвег дал директиву Вангенгейму подписать договор на срок до конца 1918 года.

1 августа Германия объявила войну России. Дипломатические представители австро-германского блока в Константинополе оказали на турецкое правительство, чтобы побудить его к немедленному подписанию договора о союзе.

⁴² См. "Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914", В., 1927, SS. 134—136, 162—163. При этом Энвер не требовал никаких компенсаций и обещаний со стороны Германии и Австро-Венгрии.

2 августа в 4 часа дня Вангенгейм и Санд Халим в присутствии Энвера и Талаата подписали договор о германо-турецком союзе⁴¹.

Договор был заключен сроком до 31 декабря 1918 г. Он воспроизводил в основном германский проект. Германия обязывалась защитить Османскую империю от нападения России. Согласно договору, верховным главнокомандующим турецкой армией являлся султан, однако Лиман фон Сандерс добился соглашения с Энвером, фактически гарантирующего передачу всей военной власти в руки германской миссии.

Германо-турецкий договор крепкими узами привязал Турцию к колеснице германского империализма. И в этом большую роль сыграла германская военная миссия. Предоставление ей столь обширной командной власти было итогом ее восьмимесячной интенсивной деятельности. Миссия Лимана фон Сандерса стала одним из главных рычагов политики Германии на Ближнем Востоке.

3 августа германская Средиземноморская эскадра получила приказ следовать в Константинополь. Командующему эскадрой адмиралу Сушону морской министр граф Тирпиц приказал по прибытии в турецкую столицу взять на себя командование флотом Турции.

После подписания договора с Германией Турция объявила всеобщую мобилизацию. Официально она мотивировалась необходимостью защиты Османской империи от каких-либо неожиданностей, а также возможностью нападения со стороны Болгарии. Последний довод был шит белыми нитками, так как уже в январе 1914 года была подписана болгаро-турецкая военная конвенция, а после сарайевского убийства речь шла о болгаро-турецком союзе и его присоединении к Германии и Австро-Венгрии.

Американский посол в Турции Моргентхау писал, что сигнал о мобилизации турецкой армии исходил не от Энвера, Талаата или турецкого кабинета, а от германского Генерального штаба и его представителей в Константинополе⁴². Все мероприятия, связанные с мобилиза-

⁴¹ См. "Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914", Bd. 3, SS. 183—184.

⁴² См. H. Morgenthau, Ambassador Morgenthau's story, N. Y., 1926, p. 62.

шей, были разработаны германской военной миссией. К Черному морю и проливам спешно перебрасывались войска, артиллерия. В Босфоре и Дарданеллах были установлены минные заграждения и сконцентрированы транспорты с минами.

В Ванском и Эрзерумском аялайетах было объявлено военное положение. Русский консул в Эрзеруме Адамов телеграфировал 5 августа: «Германский консул в Эрзеруме Андерс находится на Кавказе вместе с младотурецкими эмиссарами Хильми-беем из Эрзерума и Ибрагим-беем из Трапезунда для подготовки восстания»⁴⁰. На эти действия была дана санкция из Берлина. 3 августа, предвидя выступление Англии, статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Ягов указал Вангенгейму на необходимость нейтрализации деятельности английской мировой миссии. Он также требовал вызвать волнение среди мусульманского населения британских колоний и Кавказа⁴¹.

3 августа турецкое правительство официально объявило нейтралитет. Это обеспечивало Турции вступление в войну в удобное для нее время.

4 августа Англия объявила войну Германии. Это обстоятельство вызвало у правящих кругов Германии серьезное беспокойство за позицию Турции. Германская дипломатия решила позыми обещаниями укрепить германо-турецкий союз. 6 августа Вангенгейм направил Санду Халиму письмо, в котором Германия обещала:

1) оказать содействие Турции в ликвидации системы капитуляций;

2) оказать содействие Турции в ее переговорах с Румынией и Болгарией; добиться для Турции выгодного соглашения с Болгарией относительно дележа завоеванных территорий;

3) не заключать мира до тех пор, пока вся территория Османской империи не будет освобождена от вражеских войск;

4) в случае, если Греция вступит в войну и будет побеждена, вернуть Турции острова (в Эгейском море), потерянные в последней войне;

⁴⁰ ЦГВНА, ГУГИН, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 3480, л. 30.

⁴¹ См. "Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914", Bd. 4,

Рассматривая вопрос под углом зрения политики обоих государств, едва ли можно говорить о прочном союзе между ними. Обе державы преследовали в предстоящей войне диаметрально противоположные цели. Подавляющее большинство притязаний царского правительства приходилось на территорию Османской империи. России было невыгодно, чтобы Турция тотчас же вступала в войну, поскольку открылся бы новый фронт, была бы нарушена стратегическая связь с Антантой и т. д. Поэтому министр иностранных дел России Сазонов советовал вести переговоры с целью выиграть время⁴⁸.

Начало общеевропейской войны заставляло английское правительство принять меры, чтобы оставить у себя заказанные Турцией дредноуты. Грей поручил английскому поверенному в делах Бомонту заявить турецкому правительству о том, что договор с фирмой «Аристронг» расторгается и дредноут «Султан Осман» передается английскому флоту. Это известие вызвало в Турции бурное негодование. В турецкой печати появлялись статьи анти-английского характера. Все это было на руку немцам, которые всеми силами стали подогреть антибританские настроения.

После заключения союза с Германией Турция начала планировать военные операции. Так, например, на основании сообщений Вангенгейма о том, что Румыния и Болгария в ближайшее время примкнут к австро-германскому блоку, в турецком генеральном штабе был разработан план сосредоточения войск в европейской части Турции. В его основе лежала следующая идея: атаковать южный фланг русских войск через Румынию и Болгарию⁴⁹.

Согласно этой стратегии, турецкие и румынские части должны были выступить против России, а болгарские — оказать помощь Австро-Венгрии. Следовательно, предполагались совместные действия турецкой, румынской и болгарской армий⁵⁰.

Основная ударная группа турецких войск, состоявшая из более или менее подготовленных частей, была со-

⁴⁸ См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. VI, ч. I, стр. 44.

⁴⁹ См. Kress von Kressenfeld, Mit den Türken zum Suezkanal, SS. 24—25.

⁵⁰ См. C. Mahlmann, Die Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914—1918, SS. 42—43.

бразе в 1-й армии, которой командовал Лиман фон Сандерс. Она насчитывала четыре корпуса и была расположена в европейской части Турции.

Германские армии успешно продвигались по территории Западной Европы, и поэтому для Германии не было необходимости в выступлении Турции. В датированном 10 августа 1914 г. предписании Мольтке указывал Энверу, что задача турецкого союзника состоит в том, чтобы по возможности приковать к себе силы русских и англичан и развить большую активность в организации восстаний в мусульманском мире (Кавказ, Египет).

Эти идеи вынашивались в Германии еще до вступления Англии в войну. 29 и 30 июля Вильгельм II отдал распоряжение о подготовке мероприятий по «революционизации»²¹ в Индии и Египте. Эта задача возлагалась на миссию Лимана фон Сандерса. 5 августа Мольтке от имени верховного командования вновь поставил вопрос о необходимости возбуждения «исламского фанатизма» в указанных районах и на Кавказе.

Для этих целей в германском генеральном штабе было создано специальное отделение во главе с Рудольфом Надольным, опытным германским разведчиком, доверенным лицом ведомства иностранных дел. В это отделение был направлен и бывший работник германского консульства в Каире Макс Оппенгейм. Надольный отмечал, что в числе задач, стоящих перед отделением, была организация «освободительного движения» в Грузии, Марокко, Ливии, Аравии, Индии²². Между тем произошло событие, существенно образом изменившее обстановку в полдну Германии. 10 августа в Дарданеллы вошли германские военные корабли «Гебен» и «Бреслау».

Согласно нормам международного права, Турция, объявившая нейтралитет, обязана была либо заставить эти корабли в течение 24 часов покинуть турецкие воды, либо обезоружить и интернировать экипаж. Разумеется, ни того, ни другого Турция сделать не могла. На следующий день этот вопрос стал предметом обсуждения на заседании турецкого кабинета с участием германского

²¹ Под этим термином понимали круги Германии евреи и иудеи, организацию волеиной в английских колонизальных владениях.

²² См. F. Fischer, *Griff nach der Weltmacht*, §§. 183, 186, 187, 140; R. Nadolny, *Mein Beitrag*, Wiesbaden, 1955, S. 41.

посла. Вангенгейм заявил членам турецкого правительства, что, если это событие приведет к разрыву дипломатических отношений или даже к войне с державами Антанты, турки должны согласиться с этим как с логическим завершением предшествующих событий.

Положение казалось безвыходным, так как большинство членов турецкого правительства, стоявшее за нейтралитет, не соглашалось с германским послом. Однако якорь спасения был найден. Решили объявить, что Турция купила эти корабли. Фиктивность этого акта признавалась впоследствии как турецкими, так и германскими деятелями (Джемалем, Мюльманом и др.).

Но и этим кризис не был преодолен, ибо в случае покупки германская команда на кораблях должна быть заменена турецкой. Но Германия не давала на это согласие. Оставался один выход — затянуть обсуждение вопроса с представителями Антанты путем различных проволочек, обнадеживающих обещаний и т. д. Чтобы создать видимость покупки, 16 августа 1914 г. на «Гебен» и «Бреслау» был поднят турецкий флаг. Им дали турецкие названия: «Гебен» был переименован в «Султан Явуз Селим», «Бреслау» — в «Мидиллан»; германские моряки надели турецкие фески. В тот же день адмирал Сушон был назначен командующим турецкими морскими силами.

Попытки протеста дипломатических представителей стран Антанты ни к чему не привели. Стремясь оттянуть выступление Турции на стороне австро-германского блока, Грей примирился с создавшимся положением, тем более что «Гебен» и «Бреслау» не представляли опасности ни для английского Средиземноморского флота, ни для британских колониальных владений.

После прихода германских военных кораблей в турецкие воды значительно усилилось проникновение немцев в Турцию. Они заняли ответственные посты и, по существу, захватили в свои руки почту, телеграф, установили строгую военную цензуру. В прессе публиковались в основном сводки германского верховного командования, преувеличивавшие победы германской армии на фронтах. Часто успехи германских войск преувеличивались. В этом особенно усердствовал Вангенгейм, поддерживавший прямую связь с германским генеральным штабом. Аналогичная обстановка была и в провинции. Например, в

Трапезунде сводки о ходе военных действий редактировались явно в прогерманском духе.

Из Германии в Турцию стали прибывать военнослужащие, пароходы доставляли военные материалы.

В середине августа из Берлина в Константинополь приехал германский полковник Плессен с тремя офицерами. Затем туда прибыли немецкие пароходы с военным грузом. Часть из них подняла турецкий флаг и была использована для военных перевозок. Прибывали пароходы под различными флагами (иранским, итальянским, румынским, венгерским). Они привозили немецкие снаряды, а также германских и австрийских офицеров.

Однако настоящий поток военных материалов, а также солдат и офицеров хлынул из Германии (через Румынию и Болгарию) в последних числах августа. 27 августа через Бухарест в Константинополь проследовал специальный состав с 500 германскими моряками, переодетыми в штатское. Германский посланник в Бухаресте, встречавший поезд, объяснял, что в поезде якобы находились германские инженеры и рабочие для Багдадской железной дороги.

Через два дня из Германии вышел новый военный эшелон. У офицеров были документы инженеров, у матросов — рабочих. В этом составе было свыше 800 человек.

Значительно усилилась деятельность немцев в проливах. В Дарданеллах спущенные с «Вреслау» катера останавливали британские и французские торговые суда и обыскивали их.

С французских пароходов под угрозой затопления были сняты радиостанции. В то же время на германских судах они остались нетронутыми. Один из этих пароходов («Корковадо») стоял в столице, где находилось германское посольство, и Вангенгейм через него поддерживал прямую связь с Берлином. Разрешения турецких властей на проход судов через проливы визировались немецкими офицерами.

В Дарданеллах были расставлены две новые сети минных заграждений, так что остался очень узкий проход. Члены германской военной миссии во главе с генералом Вебером находились на борту «Лили Рикмерс» для общего руководства этими работами.

С не меньшей интенсивностью велись работы и в Босфоре. Спешно обновлялись и усиливались старые укреп-

ления, возводились новые батареи. В конце августа 150 германских матросов-артиллеристов и 15 офицеров с «Гебена» и «Бреслау» были направлены в форты проливов.

Изменилось планирование военных операций. Первоначально разработанный в турецком генеральном штабе план нанесения удара через Румынию и Болгарию по левому флангу русских войск оказался несостоятельным, ибо Румыния объявила, что она остается нейтральной, и поэтому нельзя было рассчитывать на пропуск войск через ее территорию.

Успешные операции русских войск в Галиции и дальнейшие неудачи австрийцев на Балканах заставили начальника австрийского генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа обратиться в Берлин с просьбой подготовить высадку 50-тысячной турецкой армии в Бессарабии для действий в тылу русских войск. Из Берлина этот план попал к Линау фон Сандерсу и Эннеру. На состоявшемся во второй половине августа у Эннера совещании фон Сандерс настаивал на высадке крупного турецкого десанта в районе между Одессой и Аккерманом. Он учитывал малое количество войск в Одесском военном округе и делал ставку на быстрое уничтожение русского флота. Остальные участники совещания не поддерживали фон Сандерса. Они указывали на нехватку транспортных средств и недостаточную подготовленность войск для такой операции, а значит, и на отсутствие фактора внезапности. Русское же командование сумело бы сконцентрировать достаточное количество войск, чтобы бросить турок в море. Пришлось отказаться и от этого плана²².

10 августа 1914 г. Мольтке предписал фон Сандерсу заняться подготовкой мероприятий против Египта. Однако англичане тогда господствовали на море и могли перебрасывать из колоний и даже из метрополии большие контингенты войск; турецким же войскам, для того чтобы достигнуть Суэцкого канала, нужна была по меньшей мере неделя. Кроме того, надо было считаться с ограниченностью турецких транспортных средств и плохими состоянием путей сообщения. Учет местных условий, позво-

²² См. J. Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches*, S. 81.

лявшие производить операции лишь небольшими силами, немцы решили пока отказаться от прямых акций против Египта⁵⁴.

В начале августа германское посольство в Константинополе установило связь с хедивом Египта и выделило ему 4 млн. франков золотом на организацию подрывной работы против англичан.

Большое внимание уделялось военным мероприятиям на кавказской границе. Как и следовало ожидать, особое место отводилось Эрзеруму, как главнейшему турецкому опорному пункту в этом районе. Русский консул в Эрзеруме Адамов 17 августа сообщал, что военные приготовления в крепости идут полным ходом. День и ночь подвозились оружие, снаряды, амуниция, фураж, провиант. Форты были усилены новыми орудиями, привезенными из Трапезунда⁵⁵. 18 августа в Эрзерум прибыл Лиян фон Сандерс с 15 германскими офицерами генерального штаба.

В создавшихся условиях большую помеху для немцев представляла английская военно-морская миссия в Турции. 15 августа 1914 г. внезапным актом морского министра Джемаль все офицеры английской военно-морской миссии во главе с адмиралом Липпусом были отстранены от непосредственного руководства турецким флотом и переведены в морское министерство. Сразу выдворить из Турции английскую миссию Джемаль не решился.

Бурную деятельность развил германский адмирал Сушон. Присланные из Германии инженеры восстанавливали годные к использованию корабли. Чинилось и приводилось в порядок вооружение, пополнялся боезапас. Многие торговые суда были переоборудованы в тральщики и минные заградители. Немецкие специалисты наладили службу связи, разработали свод сигналов, коды, шифры. Получив контроль над мощной радиостанцией Окмейдаж (близ Константинополя), немцы установили связь с фортами в Германии.

На каждый турецкий корабль был назначен немецкий командир (помимо турецкого, которому он был подчинен номинально). Германский офицер ведал учебно-боевой

⁵⁴ См. Кресс von Крессенслеин, *Mit den Türken zum Sueskanal*, S. 25.

⁵⁵ См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 3850, л. 85.

подготовкой корабля и должен был им командовать во время операций. На эсминцы были назначены только немецкие командиры.

Сушон занялся и береговой обороной проливов. Форт Дарданелл и Босфора были срочно укомплектованы германскими офицерами-связистами. По инициативе Сушона из Германии были откомандированы морские офицеры, комендоры, дальноконешники, минеры, сигнальщики для фортов, а также офицеры и матросы для турецких судов. В конце августа они прибыли в Турцию. Немецкие береговые части образовали «особый отряд» под начальством адмирала Узедома. В его руки перешло командование всей береговой обороной проливов⁸⁶.

Таким образом, уже в августе 1914 года германская военщина стала полностью контролировать турецкие вооруженные силы. Помятковский писал: «Все, что я видел и слышал, указывало на то, что немцы стремились к постепенному подчинению всей турецкой территории в форме протектората или политического договора и сверх того имели разные дальнейшие планы в отношении внутренней Азии, по возможности вплоть до Индии»⁸⁷.

В сентябре отношения Турции с державами Антанты ухудшились. На территории Османской империи были значительно усилены мероприятия военно-подготовительного характера.

Турецкие деятели выдвинули на первый план вопрос об отмене капитуляций. В ноте от 9 сентября турецкое правительство объявило об отмене с 1 октября 1914 г. капитуляций и всех связанных с ними привилегий и преимуществ и о принятии в качестве основы для отношений со всеми государствами принципов международного права.

Если бы речь шла о действительной отмене капитуляций, то такой акт можно было только приветствовать, так как режим капитуляций на протяжении столетий был тяжелым грузом для турецкого народа. Однако в условиях младотурецкого режима и полуколониальной зависимости от империалистических держав едва ли можно

⁸⁶ См. Г. Лорей, *Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг.*, М., 1937, стр. 51—52.

⁸⁷ J. Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches*, S. 51.

было говорить о каких-либо преобразованиях антиимпериалистического характера. Да и время, выбранное для этого, говорило само за себя. Младотурецкая верхушка прибегла к демagogическому трюку, заявив послам держав Антанты, что необходимо дать удовлетворение общественному мнению Турции, которое требует освобождения от иностранных пут. На самом деле прогерманская военная партия таким путем хотела нажить политический капитал, поднять свой авторитет и влияние в стране. Здесь видна закулисная работа германских представителей в Константинополе. Зная, что Англия, Франция и Россия не дадут согласия на отмену капитуляций, они тем самым рассчитывали настроить против них турецкое общественное мнение. Этот шаг османского правительства по существу представлял собой очередной этап подготовки Турции к войне и обработки турецкого общественного мнения. Отмена капитуляций была направлена против стран Антанты. Послы стран Тройственного согласия выступили с решительным протестом.

Послы Германии и Австро-Венгрии также приняли участие в совместном протесте великих держав против отмены капитуляций. Однако это участие имело чисто формальный характер. Еще 6 августа Германия дала согласие на отмену капитуляций при условии вступления Турции в австро-германскую группировку. Берлинский кабинет прекрасно понимал, что при тогдашних условиях этот акт фактически не затронет немецких интересов. И если в последующие дни представители стран Антанты продолжали упорную полемику с великим визирем, отказываясь признавать отмену капитуляций, то послы австро-германского блока через три дня сделали все, чтобы показать себя сторонниками этого акта.

Другим значительным событием явилось отзывание из Турции английской военно-морской миссии. На этом упорно настаивал Сушон, да и сами англичане считали теперь положение миссии унижающим, ибо она была отстранена от руководства турецким флотом.

Отзывание английской миссии было встречено в Германии с большим удовлетворением. Чтобы еще сильнее возбудить недовольство к англичанам, была создана из германских офицеров комиссия по проверке деятельности английской миссии. Газета «Кёльнаше цейтунг» в номере от 25 сентября 1914 г. писала о работе комиссии, которая

установила, что английские офицеры намеренно держали турецкий флот в запущенном состоянии²⁴.

Между тем положение на фронтах складывалось не в пользу Австро-Венгрии и Германии. Особенно плохи были дела австрийцев. Поэтому руководящие деятели Австро-Венгрии засыпали телеграммами своих представителей в Константинополе, чтобы они побудили младотурок к немедленному выступлению, которое повлекло бы за собой участие Болгарии в войне и оказало бы влияние на позицию Румынии и Греции.

В первых числах сентября австрийский военный атташе Помяниковский получал из Вены предписание весьма авантюрного характера. Фон Гетцендорф требовал, чтобы Помяниковский убеждал турецкое командование сконцентрировать на северном побережье Малой Азии 30-тысячную армию и произвести высадку войск в районе Кубани. Австрийцы надеялись поднять против России кубанских казаков, делая расчет на какую-то общность между украинцами, живущими на территории Австро-Венгрии, и кубанскими казаками, на создание нечто вроде единого фронта против русских. Помяниковский считал этот план абсурдным и поэтому ответил Вене, что он неосуществим ввиду недостатка транспорта и неподготовленности войск.

Энвер и его единомышленники тоже были согласны с тем, что в начале сентября обстановка требовала выступления Турции. Мобилизация турецкой армии в Европейской Турции и на западном побережье Малой Азии подходила к концу. Военные приготовления на русско-турецкой и турецко-египетской границах продолжались вперед, но были еще далеки от завершения. Энвер со своими приверженцами считал, что нет смысла ждать их окончания.

Однако ряд событий, происшедших на фронтах, в некоторой степени отрезвил его. Вторжение русских армий в Восточную Пруссию заставило Германию перебросить с Западного на Восточный фронт 2 корпуса и 1 дивизию. Этот фактор существенным образом повлиял на ход военных действий в Западной Европе. 5—12 сентября 1914 г. произошла битва на Марне, означавшая крах пресловуто-

²⁴ См. ЦГВИА, ГУСШ, ф. 2000, оп. 1, са. арх. № 5171, ла. 232—233.

го «плана Шлиффена». Война стала принимать затяжной, позиционный характер. Это обстоятельство в сочетании с поражениями австрийских войск в Галиции и на Балканах грозило бросить Румынию в лагерь Антанты, могло вызвать колебания у Болгарии. Энвер решил пока воздержаться от выступления.

Совершенно противоположную позицию заняли правящие круги Германии. После провала расчетов на быстрый выигрыш войны отпали все причины, которые заставляли Германию удерживать Турцию от вступления в войну. Еще 4 сентября Мольтке телеграфировал Лимау фон Сандерсу, требуя, чтобы Турция выступила после завершения укрепления Дарданелл. Бетман-Гольвег дал указание Вангенгейму приложить все усилия, чтобы ускорить выступление Турции⁸⁹. Аналогичное указание дал дипломатам германский император.

Немецкое командование поставило вопрос о выходе турецкого флота (в составе «Гебена» и «Бреслау») в Черное море. 14 сентября Энвер дал согласие на их выход. В секретной беседе он предоставлял Сушону полную свободу действий против России. Контр-адмирал Лорей писал, что Сушон, предпринимая походы в Черное море, надеялся встретиться с русским флотом и, спровоцировав столкновение, поставить Турцию перед свершившимся фактом.

15 сентября германский посол получил новую телеграмму от канцлера. На этот раз Бетман-Гольвег требовал энергичных действий в Черном море. В середине сентября Сушон заявил, что флот и форты проливов находятся в боевой готовности.

В это время проходили бурные заседания турецкого кабинета. Борьба между «нейтралистами» и «экстремистами» разгорелась с особой силой. Большинство членов правительства заявило, что в случае каких-либо действий турецкого флота в Черном море ответственность будет нести германский адмирал, а не османское правительство.

Необходимо отметить, что события на фронтах действовали отрезвляюще на Энвера не только в том смысле, что он стал проявлять осторожность в своих действиях,

⁸⁹ См. С. Mühlmann, Deutschland und die Türkei 1913—1914, 55. 70—71.

но и в том, что он начал в какой-то мере считаться со сторонниками мирного направления в кабинете. Последнее обстоятельство способствовало продлению турецкого нейтралитета.

Что касается Санды Халима, то, будучи человеком слабохарактерным, он все время колебался. Немцы решили сломить робкое сопротивление великого визиря. 18 сентября к нему (с согласия Энвера) явился Сушон и потребовал гарантий, что в дальнейшем не будет чиниться никаких препятствий выходу его эскадры в море. Сушон заявил, что если требуемые гарантии не будут даны до следующего вечера, то он начнет действовать, как ему «подсказывает совесть военного человека». «Требуемых гарантий, — писал Лорей, — он так и не получил, но великий визирь, видимо, не создавал в дальнейшем лишних затруднений»⁶⁸. В свою очередь и Вангенгейм заявил Санду Халиму, что германские корабли лишь до известной степени подчинены Турции и что они служат не только турецким, а главным образом германским интересам.

Дипломатические и военные представители Германии в Турции выступали против пассивной роли германских военно-морских сил в турецких водах и требовали от Турции выполнения обязательства по договору 2 августа 1914 г. 23 сентября турецкий посол в Берлине Махмуд Мухтар-паша передал ведомству иностранных дел просьбу своего правительства о том, чтобы адмирал Сушон взял в свои руки командование всем турецким флотом и чтобы оно превратилось из формального в фактическое.

Одновременно турецким послом был передан разработанный Сушоном план нападения на Россию военно-морскими силами, который немедленно был утвержден кайзером. Затем Сушон был произведен в турецкие адмиралы.

Сушон не ограничился провокационными действиями против России. Он предпринял диверсию и против Англии, приказав турецким миноносцам совершать провокационные рейды в районе Дарданелл. Так, в ночь на 27 сентября турецкий миноносец при выходе из Дарданелл был остановлен английским крейсером и отправлен обратно. Этот инцидент привел к тому, что комендант Дарданелл

⁶⁸ Г. Лорей, Операции германо-турецких морских сил, стр. 66.

закрыв проливы. Английское правительство объявило, что британский флот не будет удален от входа в Дарданеллы и что он будет препятствовать выходу турецких военных кораблей до тех пор, пока германские экипажи находятся в Турции и контролируют турецкий флот.

В течение сентября продолжалась лихорадочная работа по укреплению проливов и прилегающих к ним районов. В телеграмме от 6 сентября Гирс сообщал, что на фортах Босфора находилось до 600 немецких солдат, подчинившихся немецким офицерам.

Широким потоком продолжало идти в Турцию вооружение. С конца августа до середины сентября в Турцию пришло свыше 200 вагонов с орудиями, снарядами, винтовками, минами и горючими веществами. Количество прибывших из Германии солдат, матросов и офицеров достигло к 20 сентября 5 тыс.

Были приняты меры к приведению в готовность турецкого транспортного флота, образовав комиссию морских перевозок во главе с германским офицером. Начальником всех транспортных судов был назначен немецкий морской офицер. Германия передала Турции 7 своих пароходов. На них был поднят турецкий флаг, но полностью сохранена немецкая команда. К середине сентября имелось 50 пароходов, которые могли быть обращены в военные транспорты. Весь транспортный флот Турции был разделен на девять частей во главе с немецкими капитанами.

В прилегающие к турецкой столице районы (где завершалась мобилизация) было стянуто 6 корпусов. На кавказской границе были сосредоточены 3 корпуса и вся курдская конница — всего 135 тыс. человек⁴¹. Десятки германских офицеров занимались укреплением пограничного с Россией района.

17 сентября было получено указание начальника германского генерального штаба, в котором говорилось о важном значении организации похода против Египта⁴².

Расположенная в Сирии турецкая армия состояла из двух корпусов и отдельной дивизии (всего 88 тыс. человек). Ее решали укрепить опытными германскими офицерами. Начальником штаба 8-го корпуса (Дамаск) был

⁴¹ См. ЦГВИА, ГУТШ, ф. 2000, оп. 1, ад. хр. № 3800, лл. 121, 306.

⁴² См. Liman von Sandberg, *Pünf Jahre Türkei*, S. 40.

назначен Кресс фон Крессенштейн. В качестве политического советника к штабу 8-го корпуса был прикомандирован германский вице-консул в Дамаске доктор Приофер (бывший генеральный консул в Каире).

Предполагалось небольшими силами форсировать Суэцкий канал и создать предпостыльный плацдарм на его западном берегу. Немецкий капитан готовил к операции саперный батальон, предназначенный для наведения переправы через канал. Другой член германской военной миссии проводил занятия с офицерами артиллерийского полка, изучавшими новые крупнокалиберные орудия и современные прицельные приспособления. В Маане было собрано около 10 тыс. верблюдов, необходимых для перевозок снаряжения через пустыню, которую нужно было пройти, чтобы достигнуть Египта.

Младотурки посылали эмиссаров, а также оружие в Индию, Афганистан, Белуджистан для проповеди «священной войны» и организации отрядов. Вангенгейму были даны инструкции широко распространять слухи о «революции» в Индии. Шейхи бедуинских племен были вызваны на совещание к турецкому вали, после чего начались набеги на египетскую границу. По сведениям британского правительства, около 30 тыс. бедуинов были подготовлены для борьбы против англичан.

В германском генеральном штабе возникла идея отправки в Афганистан турецкой миссии, в состав которой входили бы немецкие офицеры. Цель миссии — привлечь на свою сторону афганского эмира для подрывной деятельности против англичан в Индии. В конце сентября состав миссии был укомплектован и прибыл в Багдад для переезда в Афганистан. Ее возглавлял германский офицер Нидермайер.

В этой связи возросло и значение Ирана как моста на пути в Афганистан. И здесь немецкая агентура развернула свою деятельность.

В октябре 1914 года правящие круги Германии и Австро-Венгрии продолжали неотступно нажимать на своих представителей, с тем чтобы те заставляли Турцию вступить в войну. Турция же старалась отсрочить наступление, ссылаясь на недостаток в оружии, снаряжении и особенно в деньгах.

Энвер заявил, что без предоставления в кратчайший срок займа турецкое правительство не в состоянии со-

держат мобилизованную армию. Турция просила 5 млн. турецких лир золотом.

11 октября у германского посла состоялось совещание, на котором присутствовали Энвер, Талаат, Джемаль и Саид Халим. Вангенгейм заявил, что Германия согласна предоставить заем в 5 млн. турецких лир золотом. Но германское правительство потребовало, чтобы Турция вступила в войну, как только будет получена часть обещанной суммы²².

На следующий день после совещания у Вангенгейма состоялось заседание турецкого правительства в узком составе, на котором было решено: 1) отправить Халила и Хакки (члены руководства партии младотурок) в Берлин с просьбой отсрочить выступление на полгода; 2) дать полную свободу действий Сушону, но оговорить, чтобы он не совершал прямое нападение на русский флот.

Таким образом, на этом решении отразились колебания в правящей верхушке младотурок. Последняя же часть решения вообще крайне противоречива. Вряд ли можно совместить предоставление Сушону полной свободы действий с обещанием ненападения на Россию.

К 10 октября мобилизация и сосредоточение армии были закончены и в районе бывшей III инспекции, прилегающей к границам России. Кроме того, расквартированный в Месопотамии корпус служил резервом и в случае надобности мог быть переброшен на кавказский театр военных действий. Комендантом Эрзерума был назначен член германской военной миссии Поссельт. На все ответственные посты были назначены немецкие офицеры.

Подготовка IV армии (против Египта) также приняла широкий размах. Но до начала войны Турция так и не успела полностью мобилизовать армию и завершить всю военную подготовку. Начальник германского генерального штаба Фалькенгейм не ждал от операций турецких сил против Египта решающих для войны результатов. Но он надеялся перерезать Суэцкий канал, одну из важнейших жизненных артерий Англии, или по крайней мере отвлечь значительные английские силы от главного

²² См. С. Mahlmann, Deutschland und die Türkei 1913—1914, S. 74.

театра военных действий, не посылая какие-либо германские силы на операции в Азии.

Десятки немецких офицеров посылались в Сирию для наблюдения за обучением войск, сосредоточением припасов, подготовкой путей сообщения. Морским и сухопутным путем в Сирию прибывали орудия, винтовки, динамит, мины, корабельные принадлежности, автомобили и т. д. Все мероприятия были осуществляемы на германские средства.

В последних числах октября прибывшие на египетскую границу германские офицеры организовали налеты бездунских отрядов на Египет. Они даже проникли на 20 миль в глубь египетской территории.

Между тем из Германии стало поступать обещанное золото. 16 октября Турция получила золото на сумму 1 млн. турецких лир. Но Энвер просил еще 1 млн. турецких лир, после чего обещал немедленно выступить против русского флота в Черном море.

Несмотря на успешные военные приготовления, турецкая армия в тот момент не была полностью готова для действий против России и Англии. По расчетам Леонтьева, она только к весне 1915 года могла представлять серьезную боевую силу. И тем не менее турецкую армию погнали в бой.

21 октября 1914 г. Энвер был назначен вице-генералиссимусом армии и флота (генералиссимусом по старой традиции был сам султан), но фактически он сосредоточил в своих руках абсолютную власть. На следующий день Энвер отдал Сушону тайный приказ, в котором говорилось: «Турецкий флот должен добиться господства на Черном море. Найдите русский флот и атакуйте его без объявления войны, где бы вы его ни обнаружили»⁶⁴.

22 октября Энвер направил германскому военному командованию турецкий оперативный план. В нем повторялся упоминавшийся выше приказ о морских операциях. Определить момент нападения должен был сам Сушон. 3-й армии предписывалось удерживать русские силы в Закавказье, 4-й армии — продвигаться к Египту. План предусматривал, что, после того как со стороны России последует объявление войны, султан объявит священную

⁶⁴ С. Mühlmann, Deutschland und die Türkei 1913—1914, S. 102.

войну всем врагам Германии, Австро-Венгрии и Турции. На следующий день этот план был утвержден Вильгельмом II.

Чтобы избежать усилившегося сопротивления «нейтралистской» группы в правительстве и на время усыпить бдительность послов держав Антанты, Эшер послал председателя парламента Халляля в Берлин и Вену якобы просить до весны отсрочки военных действий.

25 октября в Стамбул поступил второй миллион турецких лир. 27 октября германские и турецкие морские командиры получили указания начать военные действия против России.

На рассвете 29 октября германо-турецкие морские силы подвергли бомбардировке русские порты на Черном море и находившийся там флот. В Севастополь прибыл «Гебен» в сопровождении трех миноносцев и под прикрытием густого тумана открыл стрельбу. В Одессе турецкие военные корабли потопили русскую канонерку «Прут» и французское торговое судно «Португаль»; «Бреслау» и минный крейсер «Берке» обстреляли Феодосию и Новороссийск. Ни султан, ни Санд Халим, ни другие министры не были осведомлены об этом. Можно считать, что с этого дня Турция вступила в войну, хотя официально акт вступления был оформлен через две недели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ближневосточная политика германского империализма играла огромную роль в подготовке мировой войны. Громадным было политическое, экономическое и стратегическое значение этого района. Багдадская железная дорога должна была пробить брешь для экономического и политического внедрения Германии в Османскую империю. Стремясь расширить сферу своей деятельности, Германия после революции 1908 года вновь направляет в Турцию одного из видных представителей прусского милитаризма фон дер Гольца. Миссия фон дер Гольца, имевшая задачей заняться реорганизацией турецкой армии, вместе с тем должна была обеспечить германскую промышленность военными заказами. С помощью этой миссии германский империализм намеревался оказывать влияние на турецкую политику.

С начала 1913 года германский империализм значительно расширил масштабы своей политики на Ближнем Востоке. Была задумана отправка новой военной миссии в Константинополь с большими полномочиями. В то же время, воспользовавшись международной обстановкой, Германия отправила в ближневосточные воды свои военные корабли. Из них была создана постоянная Средиземноморская эскадра, которой также отводилась определенная роль в германских планах. Впоследствии германские военные суда сыграли существенную роль в вовлечении Турции в мировую войну на стороне австро-германского блока.

Посредством миссии Лимава фон Сандерса Германия

предполагала: во-первых, добиться доминирующего положения в Турции, приравняв к рукам армию; во-вторых, в случае возникновения мировой войны использовать армию и территорию Османской империи для своих целей, превратив ее в плацдарм для нанесения удара по Англии и России; в-третьих, новая германская военная миссия должна была сыграть далеко не последнюю роль в упрочении и расширении экономических позиций германского капитала; в-четвертых, обеспечить германскую промышленность новыми крупными военными заказами.

Таким образом, миссия Лимана фон Сандерса являлась одним из главных инструментов проведения ближневосточной политики германского империализма в предвоенный период. Ей удалось в основных чертах выполнить возложенные задачи по усилению позиций Германии на Ближнем Востоке.

Германский империализм успел внедриться во все главные звенья турецкого военного аппарата. Члены германской военной миссии захватили в свои руки ряд ответственных постов в генеральном штабе турецкой армии, в турецком военном министерстве, подчинили себе все военно-учебные заведения. Германские офицеры были назначены начальниками штабов многих корпусов, расположенных в стратегически важных районах Османской империи, а также командирами ряда пехотных и артиллерийских соединений. Захватив все ключевые позиции в турецком военном аппарате, германский империализм по существу прибрал к рукам турецкую армию.

Германская военная миссия развернула большую работу по предварительной мобилизации турецкой армии, укреплению пограничных и стратегически важных районов Османской империи. Подготавливался плацдарм для нанесения удара по России и владениям Британской империи.

В этих мероприятиях переплелись империалистические интересы Германии с программой младотурок по поднятию боеспособности армии, необходимой для проведения их узкоклассовой внутренней и внешней политики.

Январский переворот 1913 года способствовал переходу турецкого государственного аппарата в руки прогерманских элементов младотурецкой партии. Это обстоятельство помогло немцам в деле реализации задуманных

планов. Руководящее ядро младотурецкой партии во главе с Энвером, Талаатом и Джемалем во всех основных вопросах реорганизации шло навстречу требованиям немцев.

Руководящие военные круги Германии полагали, что турецкая армия отвлечет значительные контингенты войск противника от основных фронтов в Европе.

Выполняя директивы своих монополий, германская военная миссия оказала существенное воздействие на передачу немечским монополиям заказов на поставки военных материалов для турецких вооруженных сил.

Об этом свидетельствует нахлынувший из Германии в Турцию после начала войны поток военных материалов.

Все вопросы ближневосточной политики Германии накануне войны находились в тесной связи между собой. Проблема Эгейских островов была для Германии одним из связующих звеньев ее балканской и ближневосточной политики, служила средством для обеспечения своих стратегических позиций в районе Эгейского моря и у входа в Дарданеллы. Строительство Багдадской железной дороги (помимо экономических выгод) было направлено своим острием против Англии и Франции и их интересов на Ближнем Востоке. Вместе с тем это строительство, осуществляемое также и на территории Анатолии, имело в определенной степени антирусскую направленность.

Главное содержание политики Германии в арийском вопросе заключалось в создании выгодной для себя обстановки в прилегающих к границе России турецких районах. Все это, вместе взятое, было связано с миссией Лимана фон Сандерса.

Имевший место на рубеже 1913—1914 годов дипломатический конфликт по делу миссии Лимана фон Сандерса обострил противоречия империалистических держав на международной арене. Являясь последним крупным международным конфликтом перед войной, он сыграл важную роль в ее дипломатической подготовке. Германская дипломатия ошиблась в своих расчетах на подрыв и расстройство Тройственного соглашения.

Дипломатический конфликт показал зависимость положение России от своих партнеров по Тройственному соглашению.

Двойственность британской политики во время кон-

фликта вытекала из расчета, с одной стороны, дезориентировать Германию, с другой — не отталкивать от себя Россию. По мере приближения к войне основное внимание британского империализма было сконцентрировано не столько на проливах и Малой Азии, сколько на борьбе за Месопотамию, Арабский Восток, Персидский залив.

Что касается Франции, то, поддерживая в основных вопросах дипломатического конфликта Англию, она вынуждена была относиться к России более дружественно, так как имела с ней военную конвенцию и союзный договор, направленные против Германии.

Германская военная миссия способствовала постепенному установлению военно-политического контроля Германии в Османской империи. Она же своей деятельностью расчистила путь германо-турецкому союзу. Договор 2 августа 1914 г. закреплял за ней решающий голос в разрешении военных вопросов.

Совместная работа Вангенгейма, Сандерса и Сушона привела к установлению полного преобладания германского влияния в Турции. Германский империализм втягивал Османскую империю в свою группировку. Германофильская группа младотурецкого комитета во главе с Энвером захватила всю полноту власти в стране в свои руки, твердо держала курс на вовлечение Турции в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Вступив в тайный сговор с немцами, она поставила страну перед свершившимся фактом.

Своим участием в первой мировой войне Турция отвлекла не менее 1,5 млн. солдат и офицеров держав Тройственного соглашения, значительно оттянув сроки ее окончания. Помимо ближневосточного театра военных действий свыше 120 тыс. турецких солдат было отправлено на другие фронты в Европе. Политика младотурок, ввергших страну в пучину войны, принесла народам Османской империи неисчислимые бедствия и страдания. Германский империализм превратил Турцию в своего и финансового, и военного вассала.

В период между двумя мировыми войнами и в годы второй мировой войны Ближний и Средний Восток являлся полем активной экономической и политической деятельности Германии. Эти же тенденции получили дальнейшее развитие и в послевоенное время, особенно в Турции.

Западногерманский империализм развернул свою экспансию по экономической, политической и военной линиям. В середине 50-х годов торговый оборот между обеими странами превзошел довоенный уровень, и ФРГ прочно заняла второе место (после США) во внешней торговле Турции. Частые визиты представителей западногерманских официальных и деловых кругов в Турцию способствовали усиленному проникновению туда западногерманского капитала. С 1960 года ФРГ вышла на второе место по размерам экономической «помощи» Турции.

В Турции открыли свои филиалы многие западногерманские банки («Рейнш-Вестфалише банк», «Нордлайче банк», «Зюддейче банк» и т. д.). В эту страну проникли также объединения западногерманского монополистического капитала, как «Баднше андлин-унд сода-фабрик», «Маннесман», «Сименс», «Штальверке Зюдвестфален». Одной из форм проникновения в экономику Турции являются смешанные общества, в которых в ряде случаев западногерманской стороне принадлежит 51% акций. В настоящее время западногерманский капитал как по объему вложений, так и по числу фирм занимает второе место в Турции среди стран-инвесторов.

Особое место занимает концерн Круппа, имеющий у себя специального представителя турецкого правительства. Крупп создал в Турции два смешанных общества по разработке природных богатств, он получил заказы на поставки оборудования для ряда предприятий, на сооружение некоторых объектов металлургической и легкой промышленности, прокладку железных дорог.

В 1956 году между ФРГ и Турцией было подписано соглашение о предоставлении Турции 740 млн. марок на организацию производства оружия и военных материалов. Правящие круги ФРГ стараются превратить Турцию в базу снабжения бундесвера оружием и снаряжением. Федеративная Республика Германии и Турция сотрудничают в блоке НАТО, турецкую армию инспектируют западногерманские военные миссии, в 1959 году в Бандырье создана база военно-воздушных сил ФРГ.

Посольство Федеративной Республики Германии в Анкаре, консульства в ряде городов (в Стамбуле, Измире, Искадерунге) стали своеобразными центрами по организации прогерманской пропаганды среди турецкого населения. В Турции издаются ряд газет и журналов, от-

крыто служащих этим целям. Западногерманские радиостанции ведут интенсивное вещание на Турцию.

Экспансионистская политика западногерманского империализма на Ближнем и Среднем Востоке свидетельствует о том, что он является наследником агрессивных тенденций во внешней политике Германии, которая на протяжении десятилетий наносила большой ущерб делу мира и безопасности в этом районе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И., Воинствующий материализм и антиимпериалистическая тактика социал-демократии, Полное собрание сочинений, т. 17.
- Ленин В. И., События на Балканах и в Персии, Полное собрание сочинений, т. 17.
- Ленин В. И., О старых, но вечно новых источниках, Полное собрание сочинений, т. 20.
- Ленин В. И., Задачи революционной социал-демократии в европейской войне, Полное собрание сочинений, т. 26.
- Ленин В. И., Война и российская социал-демократия, Полное собрание сочинений, т. 28.
- Ленин В. И., Социализм и война, Полное собрание сочинений, т. 26.
- Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений, т. 27.
- Ленин В. И., О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», Полное собрание сочинений, т. 30.
- Ленин В. И., О сепаратном мире, Полное собрание сочинений, т. 30.
- Ленин В. И., Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, Полное собрание сочинений, т. 30.
- Ленин В. И., По стопам «Русской воли», Полное собрание сочинений, т. 31.
- Ленин В. И., Тайны внешней политики, Полное собрание сочинений, т. 32.
- Ленин В. И., Грозившая катастрофа и как с ней бороться, Полное собрание сочинений, т. 34.
- Ленин В. И., О «левом» рабочестве и о желтобуржуазности, Полное собрание сочинений, т. 36.
- Ленин В. И., Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге, Полное собрание сочинений, т. 45.

* * *

Архив внешней политики России МИД СССР

Фонд политического архива, дела 1047, 1048, 1060, 1061, 3308, 3309а.
 Фонд канцелярии министра, дела 23, 27, 28, 37, 38, 48, 53, 114, 115,
 117, 131, 132 гг. I и II, 153, 164, 156, 158, 159, 160, 161, 163,
 164.

Центральный государственный военно-исторический архив

Главное Управление Генерального Штаба: фонд 2000, опись 1, единицы хранения:

1835, 1837, 2003, 2008, 2010, 2085, 2087, 2094, 2095, 2220, 2334, 2464, 2465, 2466, 2535, 2590, 2769, 2827, 2868, 2870, 2871, 3018, 3028, 3039, 3044, 3229, 3341, 3256, 3261, 3263, 3089, 3092, 3794, 3795, 3792, 3796, 3812, 3821, 3825, 3827, 3830, 3833, 3835, 3838, 3841, 3843, 3846, 4065, 4067, 4068, 4069, 4071, 4072, 4073, 4074, 4075, 4076, 4077, 5171.

Фонд 2000/с, опись 1, единицы хранения:

103, 104, 106, 475, 476, 477, 687, 708, 709, 718, 743, 750, 732, 973, 991.
Одесский военный округ (фонд 1837), опись 1, единицы хранения:
344, 348, 350.

Киевский военный округ (фонд 1739), опись 3, единицы хранения:
1248.

Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ)

Фонд 808 (военно-морской агент в Турции), опись 1, единицы хранения: 5, 7, 8, 11, 13, 15, 21, 22, 26, 44.

Фонд 418 (морской генеральный штаб), опись 1, единицы хранения:
24507, 24508, 24509, 24511, 24512, 24515, 24518, 24519, 24537, 24795, 24827, 3074, 3075, 3076, 3077, 3078, 3079, 3080, 3154, 3155, 3156, 3157, 3219, 3220, 3221, 3979, 3981, 4047, 4048, 4050, 4265, 4266, 4281, 4282, 4283, 4284, 4285, 4286, 4287, 4288, 4289, 4309, 4314, 4330, 4331, 4332, 4337, 4338, 10095, 10096, 10099, 10097, 10099, 10100, 10101.

Опись 3, единицы хранения: 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258.

Фонд 748 (военно-морской агент в Германии), опись 1, единицы хранения: 5, 6, 7, 8.

* * *

«Вестник НКВД», 1949 г., № 1.

«Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая разрыву с Турцией (Английская Белая книга)», Пг., 1914, 1915.

Ключников Ю. В., Сабанин А., Международная политика коалиционного времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1, М., 1925.

«Константинополь и проливы», тт. I—II, М., 1925; ч. II, М., 1936.

«Красный архив», тт. VI, VII, М., 1924.

«Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914», М., 1922.

«Международные отношения в эпоху империализма», тт. I—VI, М., 1931—1935.

- «Раздел Азиатской Турции», М., 1924.
 «Царская Россия в мировой войне», Л., 1926.
 «Вооруженные силы Турции», СПб., 1910.
 «Вооруженные силы Турции», т. I, 1912; т. II, 1913.
 «Памятка о турецкой армии», Тифлис, 1912.
 «Сведения о турецкой армии в изыскании и дополнении к «Памятке о турецкой армии» 1912 года», Тифлис, 1914.
 «Сведения о турецкой армии и о Турции», вып. 1, 2, 4, 7, 1917.
 «Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», вып. 34, 35, 36, 37, 38, 39, 43, 46, 50, 57, 59, Тифлис, 1913.
 "British documents on the origins of the war. 1898—1914", vol. X, part 1, L., 1936; part 2, L., 1938.
 "Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914", Bd. 1—4, B., 1927.
 "Die grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871—1914", Bd. 39, 37, 38, 39, B., 1925—1927.
 "Documents diplomatiques français 1871—1914", 3 série 1911—1914, vol. 8, 9, 10, P., 1935—1936.
 "Graf Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel", Bd. 3, Berlin — Leipzig, 1928.
 "Österreich-Ungarns Aussienpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914", Bd. V, VII, VIII, Wien — Leipzig, 1930.
 „Verhandlungen des Reichstages“, Bd. 286—291, B., 1914.

* * *

- «Правда», 1913—1914 гг.
 «Новое время», 1913—1914 гг.
 «Речь», 1913—1914 гг.
 «Биржевые ведомости», 1913—1914 гг.
 «Русское слово», 1913—1914 гг.
 "Berliner Tageblatt", 1913.
 "Frankfurter Zeitung", 1913—1914.
 "Kölnische Zeitung", 1913—1914.
 "Vorwärts", 1913—1914.

* * *

- Джемаля-паша, Записки 1913—1919 гг., Тифлис, 1923.
 Лихновский К. М., Моя миссия в Лондоне. 1913—1914, 1918.
 Пуанкаре Р., Происхождение мировой войны, М., 1924.
 Сазонов С. Д., Воспоминания, Париж, 1927.
 Фалькенберг Э., Вероломное командование 1914—1918 гг. в его важнейших решениях, М., 1923.
 Bethmann-Hollweg Th., Betrachtungen zum Weltkriege, TT. 1—2, B., 1919—1921.
 Buchanan G., My mission to Russia and other diplomatic memoirs, vol. 1, L., 1923.
 Bülow B., Denkwürdigkeiten, Bd. 1—3, B., 1930—1931.

- Conrad von Hölzendorf F., Aus meiner Dienstzeit, Bd. 3., Wien — Leipzig, 1922.
 Goltz C., Denkwürdigkeiten, B., 1929.
 Grey of Fallodon E., Twenty-five years, 1892—1916, vol. 1—2, L., 1926.
 Jagow C., Ursachen und Ausbruch des Weltkriegs, B., 1919.
 Kress von Kressenstein Fr., Mit den Türken zum Suezkanal, B., 1938.
 Kühlmann R., Erinnerungen, Heidelberg, 1948.
 Morgenthau H., Ambassador Morgenthau Story, N. Y., 1926.
 Sanders Limañ von, Fünf Jahre Türkei, B., 1929.
 "Talihi pazanın hatıraları", İstanbul, 1946.

* * *

- Бовмани В. Н., Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции, М., 1961.
 Боев Ю. А., Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914 гг.), Киев, 1964.
 Вондаревский Г. Л., Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903 гг.), Ташкент, 1965.
 Ерусалимский А. С., Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, М., 1961.
 Ефремов П. Н., Внешняя политика России (1907—1914 гг.), М., 1961.
 Зайончковский А. М., Мировая война 1914—1918 гг., тт. I—II, М., 1938.
 Зайончковский А. М., Подготовка России к империалистической войне, М., 1926.
 Иванов М. С., Франко-русские отношения 1905—1911 гг., М., 1967.
 «История дипломатии», т. II, М., 1963.
 Мандельштам А. Н., Малютурецкая держава, М., 1915.
 Миллер А. Ф., Очерки новейшей истории Турции, М., 1948.
 Могилевич А., Абрамзон М., На путях к мировой войне 1914—1918 гг., Л. — М., 1949.
 Новичев А. Д., Очерки экономики Турции до мировой войны, М. — Л., 1937.
 Новичев А. Д., Экономика Турции в период мировой войны, Л. — М., 1936.
 Нотович Ф. Н., Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. I, М., 1947.
 Павлович М. П., Борьба за Азию и Африку, М., 1923.
 Саркисян Е. К., Экономическая политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны, Ереван, 1962.
 Тарле Е. В., Европа в эпоху империализма, Л. — М., 1928.
 Гельферих К., Наместье мировой войны, М., 1924.
 Лорей Г., Очерки германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг., М., 1937.
 Рорбах П., Война и германская политика, М., 1916.
 Фей С., Происхождение мировой войны, т. I, М., 1934.

- Bartel W., Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg, B., 1938.
- Bauer O., Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik, B., 1913.
- Becker C. H., Deutschland und der Islam, Stuttgart — Berlin, 1914.
- Brandenburg E., Von Bismarck zum Weltkrieg, Leipzig, 1939.
- Emin Ahmed, Turkey in the world war, L., 1930.
- Eyck E., Das persönliche Regiment Wilhelms II. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914, Erlench-Zürich, 1948.
- Fischer Fr., Griff nach der Weltmacht, Düsseldorf, 1961.
- Gehrke U., Persien in der deutschen Orientpolitik während des ersten Weltkrieges, Bd. I, Stuttgart, 1960.
- Golla C., Der jungen Türkei Niederlage und die Möglichkeit ihrer Wiedererhebung, B., 1913.
- Gooch G., Before the war, vol. I—II, L., 1938.
- Gottlieb W., Studies in secret diplomacy during the first world war, L., 1957.
- Grothe H., Deutschland, die Türkei und der Islam, Leipzig, 1914.
- Grothe H., Die asiatische Türkei und die deutschen Interessen, Halle, 1913.
- Haligarten G. W., Imperialismus vor 1914, Bd. 1—2, München 1963.
- Haselmayer Fr., Der Weg in die Katastrophe 1909—1914, T. 1, München, 1963.
- Hennig R., Die deutsche Bahnbauten in der Türkei, ihr politischer, militärischer und wirtschaftlicher Wert, Leipzig, 1915.
- Hubatsch W., Der Admiralstab und die Obersten Marinebehörden in Deutschland, 1848—1945, Fr./M., 1955.
- Kinck A., Geschichte des Alldeutschen Verbandes, 1890—1900, Wiesbaden, 1954.
- Lewin Evans, The german road to the East, L., 1916.
- Martin B. G., German-Persian diplomatic relations, 1873—1913, Gravenhage, 1959.
- Mears E. G., Modern Turkey, N. Y., 1924.
- Menne B., Krupp, Deutschlands Kanonenkönige, Zürich, 1937.
- Mohr P., Der Kampf um deutsche Kaffearbeit im nahen Orient, B., 1915.
- Mühlmann C., Deutschland und die Türkei 1913—1914, B., 1929.
- Mühlmann C., Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg, Leipzig, 1940.
- Mühlmann C., Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914—1918, B., 1942.
- Müller R., Die wirtschaftliche Bedeutung der Bagdadbahn, Hamburg, 1917.
- Nadolny R., Mein Beitrag, Wiesbaden, 1955.
- Jäckh E., Der aufsteigende Halbmond, Stuttgart — Berlin, 1916.
- Jäckh E., Die deutsch-türkische Waffenbrüderschaft, Stuttgart — Berlin, 1915.
- Jäckh E., The rising crescent, New York — Toronto, 1944.
- Pomiankowski J., Der Zusammenbruch des Osmanischen Reiches, Zürich — Leipzig — Wien, 1928.

- Rathmann L., Berlin — Bagdad, Die imperialistische Nahostpolitik des kaiserlichen Deutschlands, B., 1962.
- Rathmann L., Steierichtung Nahost 1914—1918, Zur Expansionspolitik der deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg, B., 1963.
- Ranner R., Der Außenhandel Türkei vor dem Weltkrieg, B., 1919.
- Rittaler A., Kaiser Wilhelm II. Herrscher in einer Zielwende, Köln, 1938.
- Ritter A., Berlin — Bagdad, Neue Ziele mitteleuropäischer Politik, München, 1916.
- Schäfer C., Deutsch-türkische Freundschaft, Stuttgart — Berlin, 1914.
- Schäfer C., Die Entwicklung der Bagdadbahnpolitik, Weimar, 1916.
- Schäfer C., Ziele und Wege für die jungtürkische Wirtschaftspolitik, Karlsruhe, 1913.
- Schmidt H., Das Eisenbahnwesen in der asiatischen Türkei, B., 1914.
- Schreiner A., Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik, 1871—1945, Bd. 1, B., 1955.
- Schulthess H., Europäischer Geschichtskalender, Nordlingen, 1913, 1914.
- Werner L., alldeutsche Verband 1890—1918, B., 1935.
- Wiedenfeld K., Die deutsch-türkische Wirtschaftsbeziehungen und ihre Entwicklungsmöglichkeiten, München — Leipzig, 1918.
- Winterstetten K., Berlin — Bagdad, München, 1914.
- Ziekursch J., Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreiches, Bd. 3, Fr/M., 1930.
- "Tarîh", cilt III, İstanbul, 1933.
- Jusuf Hikmet Bayur, Türkiye devletinin dış Siyaseti, İstanbul, 1938.
- Ahmet Bedevi Kuran, İnkılâp tarihimiz ve "30 Nispet", İstanbul, 1945.

* * *

- Арш Г. Л., Британская дипломатия и жизнь Леопа фон Сандерса, «Вестник Ленинградского университета», 1949 г., № 11.
- Бестужев Н. В., Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны, «Исторические записки», т. 75, М., 1955.
- Генял Н. А., Экономическое проникновение Германии в Турцию, «Труды Московского института востоковедения», 1947 г., № 5.
- Истегян Л. Г., Эволюция германского империализма в Турции и русско-германские противоречия по армянскому вопросу, «Из истории агрессивной внешней политики германского империализма», М., 1959.
- Истегян Л. Г., Германское проникновение в Турцию и кризис русско-германских отношений зимой 1913—1914 гг., «Ученые записки Института международных отношений», вып. 8, М., 1952.
- Марунов Ю. В., Пантюркизм и панисламизм младотурок (1908—1918), «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 43, М., 1961.

- Миллер А. Ф., Буржуазная революция 1908 г. в Турции, «Советское востоковедение», 1935 г., № 6.
- Миллер А. Ф., Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны, «Исторический журнал», 1942 г., кн. 12.
- Миллер А. Ф., Вступление Турции в первую мировую войну, «Известия АН СССР. Серия истории и философия», 1949 г., № 4.
- Нотович Ф. И., Империалистические противоречия накануне первой мировой войны, «Исторические записки», т. 23, М., 1947.
- Сяния А. С., Германская военная миссия фон дер Гольца в Турции в 1882—1895 гг., «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. II, М., 1936.
- Шаццлло К. Ф., Развитие Черноморского флота накануне первой мировой войны (1907—1914 гг.), «Исторические записки», т. 75, М., 1965.
- Штейнберг Е., Германский империализм на Ближнем Востоке накануне мировой войны 1914—1918 гг., «Исторический журнал», 1943 г., № 1.
- Fischer Fr., Weltpolitik, Weltmachtsstrebungen und die deutsche Kriegsziele, "Historische Zeitschrift", Bd. 139, Hf. 2, München, 1964.
- Herzfeld H., Die Limankrise und die Politik der Grossmächte in der Jahreswende 1913—1914, "Berliner Monatshefte", Nr. 9, 10, 1933.
- Kerner R., The mission of Liman von Sanders, "Slavonic review", 1927, No 16, 17; 1928, No 18, 19.
- Trumpener U., Turkey's entry into world war I an assessment of responsibilities, "The Journal of Modern History", vol. XXXIV, No 4, Chicago, 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Империалистическая политика Германии на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны	12
Место Турции в ближневосточной политике германского империализма	12
Строительство Багдадской железной дороги	24
Германский империализм и армянский вопрос в Турции в 1913—1914 годах	35
Германский империализм и судьба островов Эгейского моря накануне войны	46
Глава II. Дипломатический конфликт по поводу миссии Лимана фон Сандерса	54
История отправки миссии Лимана фон Сандерса	54
Начало дипломатического конфликта. Русско-германские переговоры	66
Дипломатия Антанты и германская военная миссия	73
План Витгенштейна и ликвидация конфликта	82
Глава III. Германский империализм и вооруженные силы Османской империи	96
Миссия Лимана фон Сандерса и реорганизация турецкой армии	96
Борьба европейских монополистов за военные поставки Турции	109
Германо-турецкий союз и вступление Турции в войну	117
Заключение	139
Библиография	145

32.4 (1/10)

A-19

42

51 к.

6